

Дмитрий Ольшванг

АМЕРИКА ВЫБИРАЕТ ОТ ТРУМЭНА ДО ТРАМПА

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ
В США С 1948 Г.

КНИГА 1

ОТ «ЭПОХИ РУЗВЕЛЬТА» К «ЭПОХЕ
ЭЙЗЕНХАУЭРА» – ВЫБОРЫ 1948–1956 гг.

• ПРОСПЕКТ •

Д. В. Олышванг

**Америка выбирает: от Трумэна
до Трампа. Президентские
выборы в США с 1948 г.
Книга 1. Выборы 1948–1956 гг**

«Издательство Проспект»

2021

УДК 324(73)
ББК 66.3(7Сое)68

Ольшванг Д. В.

Америка выбирает: от Трумэна до Трампа. Президентские выборы в США с 1948 г. Книга 1. Выборы 1948–1956 гг / Д. В. Ольшванг — «Издательство Проспект», 2021

ISBN 978-5-39-236700-9

Монография впервые в отечественной историографии исследует такую специфическую тему, как ход кампаний на президентских выборах в США в эпоху «Холодной войны» начиная с выборов 1948 г. Исследование, помимо прочего, рассматривает так называемый «русский фактор» в американской публичной политике и обращается к советско-американским (а потом и русско-американским) отношениям во время проведения президентских выборов в США, описывая влияние «русского фактора» на американскую политику в ходе кампаний. Кроме того, автор уделяет особое внимание личностям кандидатов в президенты, их взглядам, предвыборным платформам и ходу кампаний, прежде всего географии предвыборных туров, а также основным речам кандидатов, произнесенным ими на протяжении всей кампании. Работа написана на основе обширной базы исторических источников: архивных материалов, официальных документов, соцпросов, периодической печати, находящихся в общем доступе в сети Интернет справочных данных и др. Книга будет интересна не только историкам, политологам, преподавателям и студентам вузов, но и самому широкому кругу читателей.

УДК 324(73)
ББК 66.3(7Сое)68

ISBN 978-5-39-236700-9

© Олышванг Д. В., 2021

© Издательство Проспект, 2021

Содержание

Книга 1	7
Введение	7
Краткая хронология президентских выборов и развития избирательного права в США до 1948 г	14
1948 год	22
Неужели новый президент?	22
Наследие ФДР	23
О личности Трумэна	28
Неприметная история восхождения на политический Олимп	31
От Уоллеса к Трумэну: неподдельная интрига съезда	35
Какой же будет «трумэновская» Америка?	38
«Фактор Эйзенхауэра»	40
«Русский фактор» теперь навсегда!	41
Внутренние проблемы	45
Вызов Генри Уоллеса, и антикоммунистическая истерия как фон начала кампании	46
Рождение «ничего не делающего Конгресса»	50
Раскол среди либералов	51
«Доктрина сдерживания» во внешней и внутренней политике	52
Борьба со сроками и Закон Тафта – Хартли	55
Дьюи выходит из тени	58
«Охотник на гангстеров»	59
Прогрессивный губернатор Нью-Йорка	63
Кампания набирает обороты: Тафт, Трумэн и Уоллес	64
Январь 1948 года: президент атакует	74
Десегрегация и новый раскол	82
Февраль 1948 года: Трумэн – кандидат?	89
Март – апрель 1948 года: первые праймериз	91
И снова «фактор Эйзенхауэра»!	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дмитрий Ольшванг
Америка выбирает: от Трумэна до
Трампа. Президентские выборы в
США с 1948 г. Книга 1: От «эпохи
Рузвельта» к «эпохе Эйзенхауэра» –
выборы 1948–1956 гг. Монография

Автор:

Ольшванг Д. В., выпускник исторического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького (ныне – УрФУ), сотрудник Центра документации общественных организаций Свердловской области (г. Екатеринбург). Сфера научных интересов: биографика, политическая и социальная история стран Европы и Америки в Новое и Новейшее время.

Текст публикуется в авторской редакции.

Изображение на обложке с ресурса Shutterstock.com

ebooks@prospekt.org

© Ольшванг Д. В., 2021

© ООО «Проспект», 2021

Книга 1

От «Эпохи Рузвельта» к «Эпохе Эйзенхауэра» – выборы 1948–1956 гг

...Произведение должно зависеть не от автора, а от самого себя. Писатель, не находящий в себе иных побуждений, кроме стремления к успеху, минутному или даже постоянному, успеху, который зависит от его литературных достижений, заслуживает общей участи писателей. Лорд Байрон – Джону Хобхаузу, в Предисловии к Песни Четвертой «Паломничества Чайлд-Гарольда», 1818 г.

...Люди руководятся в жизни не делами, а словами. Они любят не столько возможность делать или не делать что-нибудь, сколько возможность говорить о разных предметах условленные между ними слова.

Лев Толстой «Холстомер»

Введение

Сложный процесс выбора

По словам Франклина Рузвельта, в США «пост президента – это в первую очередь пост морального наставника нации»¹. Однако позднее создатель популярной в свое время оперы о другом известном президенте США, композитор Джон Адамс, определил американское президентство куда точнее и выразительнее и притом не так идеализированно. Он как-то сказал, представляя свое произведение²: «Одним из главных американских мифов является миф президента, идея президентства как таковая, когда в конкретном человеке, занявшем этот пост, миллионы видят некое подобие нашей коллективной души, видят проявление как ее темных, параноидальных сторон, так и светлых, идеалистических».

Полный тезка 2-го президента США³ сразу обратил внимание на персональный аспект поста главы американского государства, тесную его связь с личностью и то, что через конкретного человека все остальное общество институт президентства зачастую и воспринимает. На конкретного человека смотрят уже совсем по-иному. Через президентство он обретает иное – гораздо большее – качество, и наоборот – президентство словно персонифицируется, обретая характеристики конкретной личности, его стиля поведения, политического видения и даже образа жизни. Со временем провалы президента воспринимают никак не меньше, чем личные трагедии, а успехи – как достижения личности, и никак иначе. В этом случае весьма уместен вопрос: как же попала та или иная личность на свое место, как человек достиг высокого поста и на своем ли месте оказался? Уместен и вопрос: как происходил сам процесс выбора и почему люди отдали предпочтение тому, а не другому – почему не победили иные люди?

В этом смысле и следует рассуждать далее: американские выборы следует рассматривать не как сугубо технический, как говорят специалисты-политологи, «электоральный процесс», а личную борьбу кандидатов, противостояние идей и образов мыслей конкретных персон. Тем более что именно американские президентские выборы с их непредсказуемостью и совершенно уникальными, особыми законами стали со временем идеальным образцом такой борьбы. В современной эпохе именно президентские выборы в США являются самым ярким шоу, какое только можно представить в конкурентной публичной политике...

Кроме Соединенных Штатов Америки мало какое другое демократическое государство в мире придает столь большое значение своему институту президентства. Из крупнейших мировых демократий лишь США могут считаться суперпрезидентской страной. Не зря еще в XIX в. это государство большинство правоведов называло «республиканской монархией» или «монархической республикой» – настолько большие полномочия в США были (и остаются) у единственного главы исполнительной власти – президента (при всей известной системе «сдержек и противовесов»), что делает его безусловным лидером нации, «некоронованным королем»...

Как известно, Раздел 1 Статьи II Конституции США⁴ гласит: «Исполнительная власть предоставляется Президенту Соединенных Штатов. Он занимает свою должность в течение 4-летнего срока...». Также Конституция прописывает требования для того, кто может быть избран президентом (лицо возрастом от 35 лет, рожденное в США и прожившее в течение 14 лет в Соединенных Штатах), и сам механизм избрания главы государства (вместе с его заместителем – вице-президентом, выбираемым на тот же 4-летний срок). Механизм этот очевидно сложен – именно его сложность и предопределила со временем характер всех последующих президентских выборов, со всеми их перипетиями. Заключен этот механизм в принципе непрямого голосования за президента. Прямые выборы главы, как известно, отличают на данный момент все демократические страны с президентской формой правления (парламентские республики, во главе которых формально также значатся президенты, не в счет). В США же главу государства выбирают не напрямую, а в два этапа: решающий голос за президента отдают вовсе не обычные граждане-избиратели, а выбранные ими *выборщики* – совершенно особая категория госслужащих. Именно такой порядок выборов президента сохраняется в США с конца XVIII в., что делает избирательную систему страны (но только на президентских выборах!) архаичной, но, безусловно, интересной.

Конституция США гласит, что «каждый штат *назначает* в порядке, установленном его *легислатурой*, выборщиков». Их число «должно быть равно общему числу сенаторов и представителей, которых штат имеет право направить в Конгресс». Известно, что от каждого штата в Конгрессе заседают постоянно по 2 сенатора плюс несколько представителей (конгрессменов)⁵, в зависимости от численности населения штата (каждый избирательный цикл – он длится в США 2 года – это число может меняться после проведения переписи населения, проходящей раз в 10 лет) и количества округов в штате. Притом что сами сенаторы и конгрессмены штатов, а также лица, занимающие почетную либо приносящую доход федеральную чиновничью должность, *не могут быть выборщиками* (тут и далее в тексте, если для этого нет специального пояснения, курсив мой – Д.О.) ни при каких условиях.

Схему голосования выборщиков, которые у себя в штатах образуют особые Коллегии, принципиальным образом меняли еще в самом начале XIX в. Изначально выборщики должны были собираться в столицах своих штатов и голосовать посредством бюллетеней одновременно за двух кандидатов, которые не должны быть жителями одного штата. Таким образом, у каждого выборщика в Коллегии своего штата было по 2 голоса. Потом выборщики составляли единый список всех лиц, за которых они голосовали, с указанием количества голосов, поданных за каждого кандидата. Этот единый список выборщики подписывали (от каждого выборщика нужна была *личная подпись*), удостоверяли (для этого требовалась контрассигнатура, то есть такая же личная подпись, губернатора и секретаря штата) и в особом конверте с печатью штата направляли в Вашингтон. Эти конверты шли из каждого штата на имя председателя Сената, которым, как известно, согласно Конституции, является вице-президент США.

Далее он – обязательно в присутствии членов Сената и Палаты представителей, то есть всего состава Конгресса, – вскрывал все удостоверенные штатами списки кандидатов в президенты, после чего производился публичный подсчет голосов. Лицо, получившее наибольшее число голосов, и становилось президентом. Конституция, однако, не уточняла (как не уточняет

и теперь!), какое это должно быть большинство – половина или 50 % +1 голос, или же 2/3. Сказано было лишь, что большинство должно быть «большинством голосов всех назначенных выборщиков». Оговаривалось, правда, что если «более чем один кандидат получал бы большинство или же равное число голосов», тогда в дело должна была вступить Палата представителей. Она «незамедлительно» бы начала голосовать посредством бюллетеней, и от нее также требовалось бы простое большинство голосов. «Если ни одно лицо не получит большинства голосов, тогда указанная Палата в том же порядке избирает президента из числа пяти лиц, получивших наибольшее число голосов среди всех кандидатов по списку», – гласила Конституция.

И в Палате голосование проводилось бы по штатам, причем каждый штат имел лишь 1 голос при кворуме в 2/3 штатов. Лицо, занявшее при голосовании второе место, становилось вице-президентом.

Подобную схему после истории с выборами 1800 г. с президентом и вице-президентом – представителями противостоящих друг другу партий – и решено было изменить. Была принята 12-я Поправка (к слову, все штаты ее ратифицировали уже 15 июня 1804 г.), действующая и поныне. Согласно этой Поправке, в каждом штате также собирается своя Коллегия выборщиков («назначенная», то есть выбранная, по законам самого штата), и ее члены, после приведения к присяге, имея также по 2 голоса, получают уже 2 особых бюллетеня – так, они отдают 1 голос за кандидата в президенты, и 1 голос – за кандидата в вице-президенты, вписывая имена кандидатов, соответственно, в президентский и вице-президентский бюллетени. При этом кандидаты не должны быть жителями одного штата. То есть выборщики в своих двух бюллетенях указывают лицо, за которое они голосуют как за президента, и в отдельных бюллетенях – лицо, за которое они голосуют как за вице-президента. Бюллетени всегда именные, поскольку выборщики должны их завизировать. *Подсчет голосов выборщиков ведется и оглашается публично* в ходе довольно сложной церемонии (ее нюансы могут различаться от штата к штату, как, к слову, и формы самих президентских и вице-президентских бюллетеней).

Далее в каждой Коллегии выборщиков штата составляются отдельные завизированные списки (протоколы) всех персон, за кого местные выборщики проголосовали как за президента, и всех лиц, за которых голосовали как за вице-президента, – также с указанием числа голосов, поданных за каждого кандидата. Протоколы подписываются каждым выборщиком, удостоверяются губернатором и секретарем штата и вместе с именными бюллетенями выборщиков отправляются в столицу, в Конгресс США, в опечатанном виде – все эти официальные бумаги помещают в особые ящики из двух отделений (в одном – президентские бюллетени, в другом – вице-президентские). Из каждого штата ящики доставляются на Капитолийский холм, председателю (президенту) Сената и другим официальным лицам (все нюансы процедуры голосования в Коллегиях штатов прописаны в Законе о подсчете голосов выборщиков 1887 г. – см. Раздел 3 Главы 1 Кодекса США).

На совместной сессии обеих палат Конгресса вице-президент США в качестве президента Сената вскрывает все удостоверенные протоколы голосований, начиная тем самым финальный публичный подсчет голосов. По-прежнему для победы кандидату в президенты требуется «большинство голосов всех назначенных выборщиков». «Если же ни одно лицо не получает такого большинства голосов, тогда из числа лиц по списку кандидатов в президенты, получивших наибольшее число голосов, *но не более чем из трех*, Палата представителей незамедлительно избирает президента, голосуя посредством бюллетеней. При выборах президента голосование проводится по штатам, и каждый штат имеет 1 голос; кворум составляют члены Палаты от 2/3 штатов, и для избрания президента необходимо большинство голосов всех штатов», – гласит 12-я Поправка.

Также она говорит, что Конгресс США может установить сроки избрания выборщиков и сам день, когда они должны будут подавать свои голоса, причем этот день должен быть еди-

ным на всей территории страны. Так и получилось, что избрание президента в США вышло не только непрямым, а двухступенчатым (сначала определяются выборщики, а потом они голосуют за президента), но еще и не единовременным, то есть оно проходит не в один день, как в большинстве демократий мира. Известно, что на сегодня президентские выборы в США *как бы проходят* в ноябре каждого високосного года (то есть раз в 4 года). На самом же деле «в первый вторник после первого понедельника ноября» выбирается не президент, а лишь списки выборщиков конкретного кандидата в президенты, причем в законах штатов говорится не об избрании, а о «назначении» выборщиков. И это только первый этап.

Далее, согласно закону 1936 г. (ранее, на протяжении почти 150 лет, это было лишь неписаное правило), Коллегии выборщиков собираются в столицах своих штатов для голосования за президента (и вице-президента) на 41-й день после дня голосования на всеобщих выборах, а именно – «в первый понедельник после второй среды декабря» високосного года. Это и есть второй и очень важный этап – на нем, в общем-то, страна по-настоящему и узнает своего избранного президента, ведь *выборщики голосуют публично*. Отсюда можно говорить о том, что именно в декабре фактически и завершаются выборы президента. Ну, а потом, согласно 12-й Поправке, наступает чисто формальная (в большинстве случаев) процедура – Конгресс США должен собраться на совместном заседании для церемониального торжественного подсчета голосов выборщиков и объявить победителей выборов. Происходит это на втором заседании первой сессии Конгресса в году, следующем за годом выборов. Такая сессия обычно открывается 3 января, а второе заседание проходит 6-го числа. Тогда-то американцы *окончательно и официально* узнают имя своего будущего президента. (Правда, согласно ряду положений спорного и противоречивого Закона о подсчете голосов выборщиков 1887 г., результаты голосования в Коллегии выборщиков все же могут быть оспорены и на этой стадии, уже при их оглашении в Конгрессе в январе – при условии, что официальную петицию против итогов голосования подадут (в тот же день) хотя бы по 1 члену обеих палат. Если это условие будет соблюдено, тогда палаты Конгресса должны будут собраться на отдельное заседание, чтобы, согласно Конституции, перепоручить итоговое решение... Все той же Палате представителей.)

По сути, выходит, что как таковой Коллегии выборщиков США нет, и это лишь условное обозначение совокупности всех Коллегий выборщиков штатов и поданных в них голосов. Поскольку рядовые избиратели страны голосуют за кандидата в президенты лишь условно (через него они голосуют за список «его» выборщиков), уместно будет подробно рассказать, как «назначаются» сами выборщики – те, кто официально президента и избирает.

Увы, но и тут Конституция США содержит очень мало прямых и четких положений, касающихся отбора выборщиков. Как уже говорилось выше, Статья II, Раздел 1, пункт 2 гласят, что ни один сенатор или действующий конгрессмен, или лицо, занимающее федеральную должность, не может стать выборщиком. Между тем 14-я Поправка в Конституцию США (принята 9 июля 1868 г.) прямо говорит, что госслужащие, которые участвовали в восстании против Соединенных Штатов или оказывали помощь и укрывали врагов (то есть конфедератов), лишались права быть выборщиками.

Емкое и краткое изложение местных законов штатов о различных процедурах, которые варьируются от штата к штату, по отбору, точнее «назначению», списков потенциальных выборщиков и собраний их Коллегий приводит Национальная ассоциация секретарей штатов (NASS)⁶. Именно секретари штатов (Secretaries of State) отвечают за сертификацию списков выборщиков своих штатов, как и за проведение всех выборов на местном уровне.

Отбор выборщиков от каждого штата – также процесс 2-ступенчатый. Причем сложилось так изначально. Во-первых, началось все с того, что сами политические партии в каждом штате сразу взялись за дело и стали определять на кокусах⁷, а потом на съездах (или же на конференциях своей парторганизации) непосредственно списки потенциальных выборщиков. Это происходило и происходит незадолго до всеобщих выборов, то есть осенью, когда кампа-

ния уже вступает в завершающую стадию. Во-вторых, уже в День выборов (в ноябре) и выходят на сцену простые избиратели: в каждом штате они голосуют за местный список выборщиков, голосуя при этом за кандидата – представителя той партии, которая и выдвинула список выборщиков. То есть каждый кандидат в президенты имеет в каждом штате свой уникальный список потенциальных выборщиков-однопартийцев или должен иметь такой список, иначе он (кандидат) просто не сможет претендовать на победу. Развитая система *двух главных партий* позволяет им в США постоянно составлять такие списки в каждом штате. Третьи же, малые, партии и уж тем более независимые кандидаты часто не могут составить собственные списки выборщиков в каждом штате, а потому не могут всерьез претендовать на общенациональную победу на выборах.

Кто же обычно становится выборщиком? Поскольку занимаются составлением списков сами партийные организации штатов, то и попасть в них могут люди, им совсем не чужие, – те, чьи заслуги и преданность этой политической партии должны быть вознаграждены и оценены по достоинству. Это могут быть особо уважаемые старые активисты, выборные должностные лица штата, лидеры парторганизаций (как часто и бывает на самом деле) или же люди, имеющие личную политическую поддержку от кандидата в президенты от своей партии (то есть те, на кого *лично указал сам кандидат*, выразив ему таким образом особое доверие).

В День выборов в ноябре имена потенциальных выборщиков могут указываться (или не указываться) в избирательных бюллетенях под именами кандидатов в президенты – все зависит от процедур выборов и форматов голосования в каждом штате. Тут система может быть довольно сложна, учитывая *суперфедеративный* характер устройства Соединенных Штатов Америки и широчайшую автономию регионов страны.

На сегодня все штаты, за исключением Небраски и Мэна, выбирают своих выборщиков сразу – единым списком. Эти же два штата имеют пропорциональное распределение выборщиков по округам. В каждом из избирательных округов этих штатов отдельно граждане должны, согласно законам штатов, избрать по 1 выборщику, а оставшиеся 2 места будут распределены в соответствии с голосованием за того или иного кандидата в штате в целом. Такая система позволяет распределять выборщиков из штата Небраска и Мэн более чем одному кандидату, а не согласно принципу «победитель получает всё», когда все голоса Коллегии выборщиков штата уходят кому-то одному – победителю народного голосования в штате.

Откуда же взялся такой принцип? Не существует какого-либо конституционного положения или федерального закона, который требовал бы, чтобы выборщики голосовали, руководствуясь результатами всенародных выборов в своих штатах. Формально они не обязаны голосовать за кандидата-победителя в штате. Но эти нормы могут регулироваться самими штатами, и некоторые штаты *прямо требуют*, чтобы их выборщики отдавали свои голоса согласно итогам всенародного голосования. У выборщиков могут быть обязательства согласно законам штата, и обязательства... Перед своей партией. Поскольку они выдвигают выборщиков списками, то списки и должны целиком отдавать голоса за своего кандидата – то есть он, победив в каком-либо штате, получает голоса всей его Коллегии (по принципу «победитель получает всё»). А его выборщики «связаны клятвой» или обязательствами (партийными или же законом), то есть они «обязаны» проголосовать за него, обязаны быть «верными» (*faith elector*), – все вместе, то есть всей Коллегией.

Хотя Верховный суд США постановил, что Конституция не требует от выборщиков полной «обязанности» и «верности», законы некоторых штатов предусматривают наказания для так называемых «неверных выборщиков» (*faithless elector*), то есть тех, кто, как оказалось, вписал в свои президентские или вице-президентские бюллетени не те имена (иногда это могут быть имена вообще посторонних людей, даже и не принимавших участие в выборах!). Такие выборщики могут быть подвергнуты штрафам до 1 тыс. долл. или могут быть дисквалифицированы и заменены другим, уже по-настоящему назначенным выборщиком. Верховный суд

конкретно не вынес еще ни одного решения по вопросу о том, могут ли обязательства и санкции за невыполнение этих обязательств применяться к выборщикам в соответствии с Конституцией. До сего дня никто из выборщиков так никогда не подвергался судебному преследованию за то, что не проголосовал за своего кандидата, а такие случаи были, причем не раз и не так давно...

Не секрет, что подобная, удивительная даже на первый взгляд избирательная система с выборщиками может вызывать недоумение. В настоящее время она даже способна вызвать недовольство и прямое неприятие – если вспомнить скандальные итоги выборов 2000 и 2016 гг. Многие правоведы и политологи открыто выступали против существования института выборщиков как архаичного⁸ и чреватого проблемами, например несправедливыми итогами выборов, когда набравший большинство голосов избирателей по стране кандидат не становится президентом, поскольку может при этом проиграть в Коллегии выборщиков.

Это последнее обстоятельство вызывает наибольшую критику. Артур Шлезингер в своей фундаментальной книге «Циклы американской истории» назвал Коллегию выборщиков «червеобразным аппендиксом в американском политическом организме» и «непрошеным посредником между электоратом и президентом»⁹. По его словам, «наличие этого института приводит к искажению результатов голосования»: «Иностранцу невозможно объяснить, в чем его (института Коллегии выборщиков – *Д.О.*) смысл. Да и американцы этого не понимают»¹⁰. «Многое, однако, заставляет прийти к выводу, – пишет при этом Шлезингер, – что отказ от практики голосования выборщиков по штатам ускорил бы процесс дезинтеграции партийной системы. Прямые выборы с проведением в случае необходимости второго, решающего тура дали бы беспрецедентную возможность представителям альтернативных движений, «смутьянам» из основных партий и просто авантюристам вступить в борьбу за президентское кресло. Напротив, при избрании президента Коллегией выборщиков организациям экологов, ветеранов, феминистам, партиям расовых меньшинств, таким движениям, как «За право на жизнь», «Моральное большинство», «Сторонники антиалкогольных законов», «Борцы за права гомосексуалистов», а если уж на то пошло, коммунистической или фашистской партии просто не на что рассчитывать»¹¹.

Говоря тут о роли «партийной системы» и невозможности победы различных маргиналов при существовании Коллегии, маститый историк имел в виду способность лишь сильных партий, в основном только двух главных известных всем партий США выставлять в каждом штате списки выборщиков, которые могли бы всерьез рассчитывать на победу, ведь голосуют избиратели в конечном счете именно за них. Крупным партиям легче составить и выдвинуть такие списки, чем малым партиям или независимым кандидатам, за редким исключением. Тем не менее проблема *несоответствия* (когда победивший по стране кандидат проиграл в Коллегии выборщиков за счет проигрыша в нескольких ключевых для себя штатах и потери всех голосов местных выборщиков) существует, и при двухступенном принципе голосования будет существовать и дальше. Всего один такой случай произошел в XIX в. – в 1888 г. Но в новейшее время такие исходы выборов также имели место – в 2000 и 2016 гг. – и оказали весьма серьезное влияние на весь дальнейший ход жизни Америки (да, пожалуй, и мира).

Целью данного исследования, впрочем, не является изучение сложного и многомерного электорального процесса в США как такового. На эту тему, в том числе в отечественной историографии, уже существует внушительный корпус серьезной литературы¹². Краткий обзор принципов голосования на американских президентских выборах необходимо было сделать, ибо далее пойдет речь уже о самих президентских кампаниях со всеми их перипетиями и сложностями, включая личностный фактор. Описывать их все, начиная с самого начала (тем более что на первых двух выборах в 1788/89 гг. и в 1792 г. кампаний не было), также целью данного исследования не является.

Первые послевоенные выборы в США – в 1948 г. – как точка начала рассказа выбраны не случайно. Описываются таким образом все американские выборы новейшей эры человеческой истории, «эры атомной»¹³ – той, в которой мы живем и теперь. Именно то послевоенное время определило нынешнее непосредственным образом, а в американской политике зародился тот фактор, который доминирует в ней и поныне, – СМИ. Политические кампании стали все больше напоминать то, что они представляют собой теперь. «Холодная война» же, нависшая дамокловым мечом над Америкой на десятки лет, невольно сделала если не основным, но уж точно постоянно присутствующим в американской борьбе на выборах так называемый «русский фактор». Это заставляет при описании предвыборных кампаний обращаться и к советско-американским (а потом и русско-американским) отношениям того времени, и раскрывать вопрос их влияния на тогдашнюю американскую политику и отображения в ней. Тема эта в полной мере не поднималась в русскоязычной историографии.

Данное исследование уделяет особое внимание *личностям кандидатов, их взглядам, предвыборным платформам* и ходу кампаний – *географии предвыборных туров* и иным массовым мероприятиям, а также основным *речам* кандидатов, произнесенным ими на протяжении всей кампании. Личностный фактор американского президентства, о котором говорилось в самом начале Введения, начинает раскрываться очень ярко и четко уже в ходе борьбы за президентство, тем более что выборы главы государства в США именно с 1948 г., после ухода с политической арены такого гиганта, как Франклин Рузвельт, становятся *все более конкурентными и зрелищными*, а главное, непредсказуемыми – в том или ином смысле. Интрига, даже при наличии некоего кандидата-лидера, там живет все время, проявляясь то и дело даже в мелочах. Через СМИ же в выборах (в особом качестве) принимать участие стал уже весь народ в целом – все, кто так или иначе смотрит телевизор, а не только читает газеты или слушает радио. Люди стали неизмеримо ближе к кандидатам и политике вообще, постоянно участвуя в опросах и политических ток-шоу. С середины 1990-х гг. сюда добавился еще и Интернет, а СМИ и кандидаты вступили в совершенно новую для себя «цифровую эру», лишь обострившую и усложнившую политическую борьбу за Белый дом.

Интернет и его бездонные архивы с тех пор стали просто кладезем информации по американским президентским кампаниям, а потому и главным источником для описания их истории. Основные материалы большинства последних президентских кампаний в США на данный момент оцифрованы, как оцифрованы многие коллекции президентских библиотек и научных центров (например, большие цифровые архивы имеют Президентская библиотека Трумэна, Президентская библиотека Эйзенхауэра, Президентская библиотека Джона Ф. Кеннеди, Фонд Никсона, Президентская библиотека Джимми Картера, Президентская библиотека Рейгана и др.).

Выложенные в общий доступ предвыборные речи, в том числе на сайтах некоторых кандидатов в президенты, стали основным материалом для данного исследования. К примеру, весьма ценен оцифрованный корпус всех Государственных бумаг президентов США (так называемых PPP – Public Papers of the Presidents of the United States), как и оцифрованные стенограммы заседаний палат Конгресса США (Congressional Record: Proceedings and Debates).

Дебаты, многие речи и все предвыборные платформы партий на президентских выборах, а также масса других материалов представлены на сайте «Американского президентского проекта» (The American Presidency Project) при Университете Калифорнии в Санта-Барбаре¹⁴. Проект, начатый Герхардом Питерсом и Джоном Т. Вулли, включает более 133 тыс. аудио- и видеоматериалов, а также текстов, в том числе оцифрованные и обработанные все без исключения PPP.

Периодическая печать, включая архивы крупнейшего органа, годами освещавшего выборы, The New York Times, мемуарная и иная историческая литература, в том числе и неко-

торая отечественная литература, печатные органы и даже материалы архивов (включая региональные), также были использованы при подготовке этой книги.

Сотни (если не тысячи!) специализированных ресурсов по выборам и кампаниям в США в Интернете на данный момент представляют собой колоссальный корпус справочной информации, начиная от опросов (цифровые архивы Gallup и многих других социологических служб) и видеоконтента (например, архивы общественной сети кабельного и спутникового телевидения C-SPAN или видеохостинг YouTube), заканчивая подробнейшими картами и схемами с результатами выборов (непревзойденным тут является Атлас Дэйва Липа: Dave Leip's Atlas of U.S. Presidential Elections). Ценнейшая информация содержится также в изданном CQ Press и Деборой Калб «Гиде по выборам в США», крупнейшем на сегодняшний день справочнике по всему электоральному процессу в Америке и ее истории – от выборов президента до выборов губернаторов, сенаторов и конгрессменов (Congressional Quarterly's Guide to US Elections. CQ Press; Seventh edition (January 26, 2016)).

Подробная хронология всех президентских выборов в США представлена в проекте «Президентские выборы и кампании» Бонни Гудмэн из Университета Макгилла в Монреале, Канада: Presidential Campaigns & Elections Reference. Универсальная публичная интернет-энциклопедия Wikipedia также предоставляет массу доступного справочного материала, прежде всего в виде колоссального объема ссылок на специализированную литературу по теме президентских выборов.

Краткая хронология президентских выборов и развития избирательного права в США до 1948 г

1788-89 гг.

Первые в истории президентские выборы в США. Проходили с 15 декабря 1788 г. по 10 января 1789 г. Джордж Вашингтон по всеобщей договоренности, обладая огромным авторитетом и популярностью, получил все 100 % голосов выборщиков Коллегии – 69 голосов от 10 штатов. Тогда, согласно Конституции, каждый выборщик обладал 2 голосами. Вашингтон получил при этом все первые голоса выборщиков, вторые же голоса выборщиков распределились среди остальных 11 кандидатов, поскольку требовалось еще определить вице-президента. В итоге 34 голоса получил близкий соратник Вашингтона Джон Адамс, который и был назван вице-президентом. Вместе они в тот момент возглавляли Партию федералистов.

Следует отметить также, что Конституция США в ее тогдашнем виде предоставляла штатам право самим устанавливать у себя требования для голосующих местных жителей. Во всех штатах таким образом были введены избирательные цензы – правом голоса наделялись белые мужчины-собственники, исправно платящие налоги (всего тогда это было около 6 % населения страны).

1790 г.

Принят Закон о натурализации 1790 г. Он позволил белым мужчинам и женщинам, родившимся за пределами Соединенных Штатов, со временем стать гражданами страны. Однако из-за того, что Конституция тогда давала штатам право устанавливать самим правила для голосования, этот закон, как и следующий Закон о натурализации 1795 г., автоматически права голоса натурализованным иммигрантам не давал.

1792 г.

С этого года свободные черные мужчины стали терять право голоса в ряде штатов Севера, где не было узаконено рабство. Лишены черные были права голосовать в Пенсильвании и Нью-Джерси. Тогда же Джордж Вашингтон второй и последний раз в истории страны получил на

президентских выборах все 100 % голосов Коллегии выборщиков. Также был установлен прецедент, когда действующий президент пошел на переизбрание на 2-й срок. Тогда же штат Кентукки отменил у себя имущественный ценз для белых мужчин-избирателей, впервые в истории США введя на своей территории всеобщее избирательное право.

1796 г.

Президент Джордж Вашингтон, видя стремительную потерю своей популярности, отказывается идти на 3-й срок, хотя Конституция не запрещает баллотироваться снова. Установлена «традиция двух сроков». Таким образом президентские выборы 1796 г. впервые открыли конкурентное поле для остальных кандидатов, в первую очередь для вице-президента Джона Адамса, который после напряженной борьбы и стал 2-м президентом США. Главный его соперник, непримиримый лидер антифедералистов Томас Джефферсон, заняв 2-е место, стал, согласно Конституции, вице-президентом.

1800 г.

Президентские выборы 1800 г. считаются большинством историков весьма значительной вехой для США, поскольку именно они оказали прямое влияние на избирательную систему страны и привели к фундаментальному ее сдвигу. Действующий президент Адамс впервые проиграл переизбрание. Неразрешимый кризис избирательной системы выразился в том, что кандидаты Аарон Бурр и вице-президент Джефферсон набрали в Коллегии выборщиков равное число голосов (по 73). Согласно Конституции, выбрать президента должна была в таком случае Палата представителей Конгресса – но ей это не удалось сделать быстро и четко. Только после 26 туров голосований в Палате (!) президентом был выбран Джефферсон.

В Конституцию после этого решено было срочно внести поправку. Подготовленная вскоре 12-я Поправка значительно изменяла весь избирательный процесс. В ходе этих выборов также впервые в истории страны произошел мирный процесс передачи политической власти от одной партии к другой (федералисты уступили бывшим антифедералистам, ставшим демократами-республиканцами, предпочитавшими, правда, называть себя просто «республиканцы»; противники пренебрежительно звали их «демократами»).

1804 г.

Первые президентские выборы после принятия 12-й Поправки в Конституцию. Убедительную победу одержал действующий президент Джефферсон. Начало господства его Демократической республиканской партии. Федералисты уходят в глухую оппозицию.

1820 г.

На выборах президента в 1820 г. было подано уже более 108 тыс. голосов по стране. Большинство старых штатов («Первые Тринадцать») к тому времени начинают отменять у себя избирательные имущественные цензы. К середине 1820-х гг. цензы останутся только в Род-Айленде, Вирджинии и Северной Каролине. При этом ни один из новых штатов не имел серьезных имущественных цензов. Налоговые цензы, впрочем, имелись для избирателей в Огайо, Луизиане и Миссисипи. Только в Луизиане такие цензы были значительными и просуществовали долго.

1824 г.

Нью-йоркский сенатор Мартин Ван Бурен к президентским выборам того года в каждом штате собрал группы политиков и местных активистов в поддержку кандидатуры героя войны 1812 г., генерала Эндрю Джексона из Теннесси. Группы носили название «демократы Джексона» и стали основой для формирования будущей Демократической партии.

Выборы 1824 г. стали в итоге известны как «Коррупционная сделка» и стали одними из самых скандальных и грязных в истории. Сразу три кандидата получили примерно равное число голосов в Коллегии выборщиков. При этом впервые в истории велся подсчет поданных в ноябре голосов простых избирателей по стране – людей, голосовавших за списки выборщиков от своих штатов (впрочем, в нескольких штатах, как и раньше, списки выборщиков избирались местными законодательными собраниями, а не народом). Подача голосов происходила тогда по открытому принципу – или через поднятие рук, или опусканием бумажек в ящик нужного кандидата.

Джексон выигрывает как при всенародном голосовании, так и в Коллегии, но не получает явного большинства нигде. Второй раз в истории выборы перенесены в Палату представителей. Считается, что тогда-то и была совершена «коррупционная сделка 1824 г.», когда между собой договорились конгрессмены – сторонники Джона Куинси Адамса и Генри Клея (фракция «национальных республиканцев»), объединив голоса. Президентом был назван Куинси Адамс.

Реакцией на «грязную сделку» стал также окончательный распад Демократической республиканской партии.

1828 г.

Президентские выборы 1828 г. называют «подъемом простого человека» или «Революцией 1828 г.». Еще более увеличивший свою популярность Джексон выступил против практики «сговоров в прокуренных комнатах», как тогда называли кокусы. Именно на них в большинстве случаев местные партийные группы определяли кандидатов на выборные должности (не обязательно только в президенты). С этого момента в американской истории выдвижение кандидатов становится более демократичным, поскольку кокусы начинают сменяться съездами и конференциями. Под руководством Джексона на своем первом собрании (не съезде) 8 января 1828 г. оформляется Демократическая партия США.

Генерал Джексон уверенно побеждает, став «первым президентом из непривилегированного класса».

Выборы 1828 г. стали первыми в истории США президентскими выборами, на которых в подавляющем большинстве штатов свободно могли голосовать все белые мужчины с 21 года (вне зависимости от обладания недвижимостью или налогового ценза). К концу же 1820-х гг. избирательные законы всех штатов – даже на Юге – изменились в пользу принятия всеобщего избирательного права (для белых мужчин).

1831 г.

Антимасонская партия¹⁵ впервые проводит национальный съезд для выдвижения своих кандидатов на выборные должности, отказываясь от кокусов. Ее примеру вскоре следуют и остальные партии.

1832-40 гг.

В 1832 г. свои национальные съезды для выдвижения кандидатов проводят Национальная республиканская и Демократическая партии. Явка избирателей на президентских выборах в 1832 и 1836 гг. резко возрастает, достигнув в 1840 г. примерно 80 % всего взрослого белого мужского населения страны. Тогда было подано более 2,4 млн голосов – в основном, голосов бедняков. С тех пор это огромная часть электората. Исключением остается штат Род-Айленд, где были оставлены значительные имущественные требования для избирателей, рожденных за пределами Соединенных Штатов.

При этом к 1840 г. только 1 из 26 штатов (Южная Каролина) все еще выбирал свой список выборщиков в местном законодательном собрании, а не на общенародных выборах. Впервые на своем национальном съезде Демократическая партия принимает предвыборную платформу.

1845 г.

Конгресс США отдельным законом вводит единый для всей страны День выборов – «первый вторник, следующий за первым понедельником ноября в год, кратный четырём».

1854 г.

28 февраля 1854 г. в Рипоне, Висконсин, при объединении «Партии фрисойлеров» и Партии вигов (бывших национальных республиканцев) основана Республиканская партия США. Она принимает аболиционистскую платформу, открыто выступив против рабства.

1856 г.

Последним штатом, отменившим у себя требование обладания собственностью для белых мужчин-избирателей, становится Северная Каролина.

1860 г.

Налоговые цензы для избирателей остаются к тому времени только в 5 штатах (Массачусетсе, Род-Айленде, Пенсильвании, Делавэре и Северной Каролине). Но многие бедные белые позже будут вообще лишены избирательных прав из-за введения в ряде штатов образовательного ценза и цензов оседлости.

Президентские выборы 1860 г. обозначили глубокий раскол страны по вопросу рабства. Победа на выборах выступающего против рабства республиканца Авраама Линкольна стала поводом для выхода из Союза 11 штатов Юга и начала Гражданской войны в США.

1864 г.

Президентские выборы 1864 г. обозначили глубокий раскол в Демократической партии – малая ее часть, «демократы-юнионисты» из Северных штатов, поддержала Линкольна. Основная часть партии – в Южных штатах – осталась верна Конфедерации, где выборы вообще не проходили.

1868 г.

В соответствии с 14-й Поправкой в Конституцию, право гражданства гарантируется всем лицам мужского пола (вне зависимости от расы и цвета кожи), родившимся или натурализованным в Соединенных Штатах. Поправка закладывает основу для будущего расширения избирательных прав в стране.

Начало периода Реконструкции: тотального доминирования «партии победы» – Республиканской партии – на политическом поле страны. Демократическая партия сохраняет влияние лишь в регионе Глубокого Юга (бывшей Конфедерации).

1869 г.

Вайоминг первым из штатов предоставляет, согласно местным законам, избирательные права женщинам.

1870 г.

15-я Поправка в Конституцию США запрещает штатам какую-либо дискриминацию при реализации гражданских прав по признаку «расы, цвета кожи или в связи прежним нахождением в состоянии рабства».

Впрочем, поправка не работает. Бывшие штаты Конфедерации принимают собственные законы (расистские «Законы Джима Кроу»), позволяющие эффективно лишать права голоса как чернокожих, так и бедных белых избирателей через введение системы различных местных локальных избирательных цензов – налоговых или образовательных (опросы, анкеты, проверки грамотности, родословных и др.). Верховный суд США в целом поддерживает практику Южных штатов по дискриминации расовых меньшинств, ссылаясь на так называемые «права штатов на самоуправление».

Черные мужчины в Северных штатах могли голосовать уже тогда, но большинство афроамериканцев жили на Юге, где дискриминация с годами только нарастала.

1876 г.

Скандалные президентские выборы – так называемый «Компромисс 1877 г.». Демократ Сэмюэль Тилден победил как среди избирателей по стране, так и в Коллегии выборщиков, но с крайне незначительным перевесом голосов. В третий раз в истории (после 1800 и 1824 г.) выборы перенесены в Палату представителей. Ею была сформирована особая комиссия, которая и проголосовала сугубо по партийному принципу, отдав с перевесом в 1 голос победу республиканцу Резерфорду Хейсу (это произошло уже в следующем, 1877 г.). Считается, что при этой сделке Хейс в обмен на президентство согласился прекратить политику Реконструкции Юга и отозвать оттуда все федеральные войска.

1887 г.

В соответствии с Законом Дауэса, гражданство США предоставляется коренным американцам – индейцам, но лишь при условии отречения их от своего племени. Тем не менее, тысячи индейцев со временем обретают избирательные права и начинают голосовать.

Принят Закон о подсчете голосов выборщиков 1887 г., согласно которому в случае, если в каком-либо штате члены Коллегии выборщиков разделят свои голоса между двумя (или более) кандидатами, Конгресс США получит право оспорить эти результаты при оглашении их на совместной сессии палат и принять решение о том, признавать их или нет, а президент США сможет назначить свой список выборщиков в неопределившийся штат. Экспертами-юристами Закон этот считается крайне неопределенным, запутанным и изобилующим опасными и откровенно «туманными формулировками»...

1888 г.

Первый в истории случай «несоответствия» полученных одним кандидатом голосов избирателей и голосов в Коллегии выборщиков. Действующий президент, демократ Гровер Кливленд, выиграл большинство голосов избирателей по стране (48,6 % против 47,8 % у республиканца Бенджамина Гаррисона), но проиграл в Коллегии выборщиков, что не позволило ему переизбраться на 2-й срок.

Массачусетс первым из штатов в стране утвердил у себя принцип тайной подачи голосов через бумажные бюллетени (подсчет голосов проводился вручную). Примеру вскоре последовали и остальные штаты.

1892 г.

После победы на выборах демократ Кливленд стал единственным американским 22-м и одновременно 24-м президентом США, ставшим президентом страны дважды, но не подряд. При этом он впервые в истории выиграл всенародное голосование на трех подряд президентских выборах – в 1884, 1888 и 1892 гг.

1896 г.

Президентские выборы 1896 г. продемонстрировали резкий раскол между городскими и сельскими территориями и общинами по всей стране. Эти выборы обозначили перемены, которые произошли в американском обществе на рубеже XIX в.: быстрое индустриальное развитие и широкое вмешательство большого бизнеса в политику. Промышленные круги и Уолл-стрит с того времени охотнее ориентируются на Республиканскую партию. Демократическая же партия тяготеет к аграриям. К тому времени 90 % штатов проводят у себя тайное голосование через подачу бюллетеней.

1901 г.

Флорида стала первым штатом, принявшим у себя закон об обязательном проведении предварительных выборов – праймериз – для выдвижения кандидатов на выборах.

1907–1911 гг.

Впервые в истории предпринята попытка широкомасштабной реформы финансирования избирательных кампаний в США – Закон Тиллмана 1907 г. (назван в честь сенатора от Южной Каролины Бена Тиллмана). Закон запрещал корпорациям и действующим на федеральном уровне банкам делать прямые денежные взносы для кандидатов на выборные должности на национальном уровне. Закон имел слабые правоприменительные механизмы, что сделало его крайне неэффективным.

Поправки в Закон Тиллмана 1910 и 1911 гг. ввели требования по раскрытию информации о пожертвованиях и лимиты расходов для кандидатов в Палату представителей и Сенат США. Все требования закона относительно запрета на взносы от корпораций и банков распространены также и на праймериз, а не только на всеобщие выборы президента США.

1912 г.

Лучший результат третьего кандидата (не от двух крупнейших на то время партий) на президентских выборах США в XX в. Экс-президент Теодор Рузвельт расколол Республиканскую партию и, возглавляя собственную Прогрессивную партию, занял на выборах (как по стране, так и в Коллегии выборщиков) прочное 2-е место.

1913 г.

Прямые выборы в Сенат США, введенные 17-й Поправкой в Конституцию, дали рядовым избирателям, а не законодательным собраниям штатов, как было раньше, право избирать сенаторов.

1917 г.

Подъем суфражизма – движения за право женщин голосовать в Америке. Право женщин голосовать на выборах к тому моменту есть уже в 12 штатах.

1920 г.

Республиканец Уоррен Гардинг становится первым американским президентом, за которого на выборах проголосовали женщины страны. 19-я Поправка в Конституцию даровала избирательные права женщинам на федеральном уровне (без различия расы и цвета кожи, и с 21 года). После этого общее количество поданных на выборах президента голосов увеличилось с 18,5 млн в 1916 г. до 26,8 млн чел. в 1920 г.

1924 г.

В соответствии с Законом о гражданстве для индейцев 1924 г., все коренные американцы получают гражданство США и право голоса независимо от их племенной принадлежности.

Впрочем, к этому времени примерно 2/3 всех индейцев уже были полноправными гражданами страны.

1925 г.

Принят Федеральный закон о борьбе с коррупцией. Общие лимиты денежных взносов были этим законом установлены для финансирования избирательных кампаний. От партий и избирательных комитетов Закон требует регулярной (ежеквартальной) отчетности в раскрытии финансовой информации – о поступлениях пожертвований и расходовании средств. Необходимо сообщать о любом взносе свыше 100 долл. На проведение кампании в Сенат лимит расходов увеличен до 25 тыс. долл.

Впрочем, и этот закон имел слабые механизмы правоприменения и включал массу лазеек.

1932 г.

Начало «Либеральной эры» или политики «Нового курса», сделавшей Демократическую партию после победы Франклина Рузвельта правящей в стране на долгих 20 лет. На волне недовольства Великой депрессией и Республиканской партией Рузвельт создает так называемую «Большую коалицию», которая объединила те социальные группы, которые ранее не были связаны с Демократической партией, например, рабочих крупных городов, афроамериканцев Севера, белых южан и евреев. Начало современного партийного идентифицирования – республиканцев как консерваторов, демократов как либералов.

1936 г.

Баллотирующийся на 2-й срок президент Рузвельт набирает 60,8 % среди избирателей по стране, впервые в XX в. получив такое рекордно большое число голосов.

Тогда же Конгресс принимает федеральный Закон о выборщиках, который предусматривает, что выборщики во всех штатах собираются в свои Коллегии «в первый понедельник после второй среды декабря, следующего с момента даты их (выборщиков) назначения».

1939 г.

Закон Хэтча 1939 г. устанавливает годовой лимит в размере 3 млн долл. для расходов на предвыборную кампанию политических партий и лимит в 5 тыс. долл. для взносов в отдельные избирательные кампании на локальном уровне. Закон запрещал запугивание или подкуп избирателей и ограничил политическую деятельность для федеральных чиновников, вводя запрет использования любых государственных средств, предназначенных для оказания помощи или общественных работ в избирательных целях. Введен запрет действующим чиновникам штатов и местных органов власти баллотироваться на госдолжности, если они содержатся за счет федеральных фондов.

1940 г.

Франклин Рузвельт после 8 лет президентства нарушает негласное «правило двух сроков» и выдвигается третий раз подряд, одерживая в итоге сенсационную победу: 54,7 % голосов избирателей по стране и 449 голосов в Коллегии выборщиков.

1943 г.

В соответствии с Законом Магнуссона, китайские иммигранты получили право на гражданство США и право голоса. В то же время Закон Смита – Коннели 1943 г. распространил корпоративный запрет финансирования избирательных кампаний на профсоюзы.

1944 г.

Президент Рузвельт избран на 4-й срок подряд, установив уникальный для истории США прецедент.

1945 г.

Закон о возрасте голосования установил на федеральном уровне единый для всех штатов возраст активного избирательного права – с 21 года. Впрочем, по законам штата Кентукки голосовать можно было с 18 лет.

1948 год

Неспрогнозированная победа

Выборы 1948 г. демонстрируют, что в политической сфере нет такой вещи, как уверенная победа. Или, точнее, демонстрируют, что мнимая победа может помешать победе настоящей.

Джеймс Маркони¹⁶

Неужели новый президент?

Поразившие всех перемены пришли в Америку и Белый дом неожиданно. После Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.), первого в истории визита (неофициального) американского президента на территорию СССР, домой Рузвельт прибыл с триумфом: несмотря на все тяжелые дипломатические баталии, иногда принимавшие характер некоего циничного торга между союзниками по Антигитлеровской коалиции, стало очевидным, что война будет выиграна ею, а Советский Союз вскоре – после окончательного разгрома Германии – вступит еще и в войну на Дальнем Востоке с Японией, что было для США тогда чрезвычайно важно. Президент, однако, был предельно истощен. Уже в Ялте многие наблюдатели с тревогой отмечали, как он сдал – осунулся и ослабел. Ему было всего 63 года¹⁷, но он выглядел на 10–15 лет старше. Тяжелые годы борьбы с болезнью, и изнурительная государственная служба не оставили в Рузвельте сил. Врачи настоятельно рекомендовали президенту отдохнуть, а потому уже 29 марта он ушел в короткий отпуск, отправившись в свою неофициальную резиденцию на Юге, в скромный маленький домик под Уорм-Спрингс, в Джорджии. Но и там он работал: большая дипломатия занимала почти все его время, ведь в Сан-Франциско полным ходом тогда шла подготовка к первой конференции новообразованной Организации Объединенных Наций. Рузвельт хотел выступить на открытии конференции и готовил речь. Не секрет, что ООН он считал одним из лучших своих достижений. Сохранились даже слухи о том, что будто Рузвельт говорил, что когда-нибудь был бы не прочь стать генеральным секретарем ООН...

12 апреля президент вдруг пожаловался на сильную головную боль и потерял сознание. Врачи признали у него инсульт, а в 15 ч 35 мин Рузвельт умер.

Судьба распорядилась так, что его преемником к тому времени стал совсем иной человек... Гарри Трумэн. Известия о смерти президента пришли в Вашингтон в разгар рабочего дня. Пока на Юге шли приготовления к доставке тела главы государства в столицу¹⁸, там уже шла суета по поводу присяги вице-президента. Трумэн теперь, согласно Конституции, должен был стать новым президентом¹⁹, пробыв вице-президентом всего 82 дня. Будучи председателем Сената, он отложил заседание на этот день в Капитолии и был вместе со спикером Палаты представителей Сэмом Рейбурном, когда получил срочное сообщение от секретаря с просьбой немедленно явиться в Белый дом. Обеспокоенный Трумэн прибыл в Белый дом, где теперь уже вдова президента Элеонора Рузвельт и сообщила ему скорбную весть. Потрясенный Трумэн спросил ее, может ли он что-нибудь сделать для нее, но она в своем стиле ответила: «Есть ли что-нибудь, что мы можем сделать для вас? Ведь сейчас проблемы... у вас». Тогда же решено было привести вице-президента к присяге прямо в Белом доме, в западном крыле. После 19.00 ч в Овальный кабинет прибыл председатель Верховного суда США Гарлан Стоун и кинооператоры. Так что момент присяги Трумэна был запечатлен на киноленту. После произнесения президентской присяги Трумэн демонстративно поцеловал Библию. За дверями тем временем собиралась пресса. В пресс-корпусе Белого дома не могли поверить в происходя-

щее. У всех вдруг проснулось чувство скорых быстрых перемен, и все едва скрывали волнение. Журналист Филипс из «The New York Times» даже воскликнул: «Господи Боже, Трумэн будет президентом! Поверить сложно!» 13 апреля Трумэн, выйдя к журналистам, прямо сказал им ставшие вскоре знаменитыми слова, отлично передававшие его собственное состояние: «Ребята, если вы когда-нибудь молитесь, молитесь сейчас за меня. Не знаю, падал ли на вас когда-нибудь стог сена, но, когда они мне вчера сказали, что произошло, мне показалось, что на меня обрушились луна, звезды и все планеты»²⁰.

Наследие ФДР

Франклин Делано Рузвельт, который имел закрепившееся за ним прозвище ФДР (по первым инициалам его имени), занимал пост президента дольше, чем кто-либо до него в истории США. За неполные 12 лет в Белом доме он успел сделать больше, чем кто-либо до него в истории США. Нация привыкла видеть его главой, а потому была потрясена обрушившимися на нее переменами, тем более на самом завершающем, а потому и самом сложном, этапе Второй мировой войны, буквально на самом пороге победы.

Наследием политики «Нового курса» были сотни законодательных актов, касающихся всех сфер жизни общества. Рузвельт поднял из руин американскую экономику и спас средний класс страны. Он начал действовать уже с первых дней нахождения в Белом доме. Уже в марте 1933 г.²¹ Конгресс по просьбе Рузвельта принял Чрезвычайный закон о банках (Emergency Banking Act 1933). По нему более 6 тыс. банков, признанных банкротами, не получили особую государственную помощь, и были ликвидированы как неэффективные.

Далее, 12 мая 1933 г. был принят Закон о помощи фермерам, включавший в себя целый комплекс подзаконных актов, в частности Закон о регулировании сельского хозяйства, поднимавший уровень цен на сельхозпродукцию, вводивший сокращение посевных площадей и санкционировавший уничтожение излишков произведенной продукции. Закон создавал механизм рефинансирования фермерских долгов, сократив проценты по ипотечной задолженности и продлив срок погашения фермерских долгов. С мая 1933 г. по октябрь 1937 г. федеральные земельные банки выдали почти 2,5 млрд долл. кредитов фермерам, приняв на себя до 37 % всех долговых обязательств американских фермеров!²²

В июне 1933 г. был принят Закон Гласса – Стигалла. Он создавал Федеральную корпорацию по страхованию банковских вкладов – новое государственное агентство по контролю над Уолл-стрит²³, в задачу которого входило прекращение спекулятивных операций коммерческих банков. По нему Конгресс получил право через свои специальные комитеты регулировать выпуск акций в стране и контролировать биржевые операции, а также фактически в США был отменён золотой стандарт – доллар был девальвирован на 40 %²⁴.

16 июня 1933 г. был принят первый из основополагающих законов политики «Нового курса» Рузвельта – Закон о восстановлении промышленности (National Recovery Act 1933). В соответствии с ним, предпринимателям в каждой отрасли промышленности предлагалось добровольно объединиться и выработать так называемые «кодексы честной конкуренции», которые должны были установить размер производства в конкретной отрасли, определяли бы уровень зарплаты и продолжительности рабочего дня на конкретном предприятии и распределяли бы рынки сбыта между отдельными субъектами рынка. Закон был рассчитан на 2 года. За время его действия к 1935 г. приостанавливалось применение к прописанным в нем отраслям промышленности положение действовавшего на тот момент в США антitrustовского законодательства. Для претворения в жизнь этого закона и создавалось известное Национальное управление по восстановлению экономики (National Recovery Administration / NRA), имевшее отделения во всех штатах и крупных городах страны. За время действия закона к 1935 г. NRA

одобрило почти 750 «кодексов честной конкуренции», охвативших самые разнообразные виды производства – от черной металлургии и добычи угля до производства музыкальных инструментов и кухонной посуды. Каждый такой кодекс служил своего рода руководством для определенной отрасли промышленности с рекомендациями предприятиям относительно достижения лучшего производства, более сбалансированной работы. Это был пример прямого вмешательства государства в экономику, первый в истории США. Удивительно, но Уолл-стрит поддерживал закон, поскольку он снимал антитрестовские ограничения. Чистые доходы 200 крупнейших промышленных корпораций в первый год действия закона в 1934 г. выросли на 60 % по сравнению с предыдущим 1933 г. Закон этот затрагивал и трудовые отношения – например, он предоставил рабочим право участия в коллективных договорах и профсоюзах, предпринимателям же в свою очередь не запрещалось заключать индивидуальные соглашения с рабочими. В законе регламентировались 3 основных условия труда: минимальная зарплата в размере 12–15 долл. в неделю, максимальный рабочий день в 8 ч и запрет детского труда²⁵.

В 1934 г. был принят Закон о международных торговых договорах (Trade Agreements Act 1934). Он позволил расширить внешнюю торговлю Соединенных Штатов на условиях взаимных льгот и на *принципах протекционизма*. Кроме того, увеличены были инвестиции в строительство, на организацию общественных работ, куда было привлечено до 2,5 млн молодых безработных от 18 до 25 лет. По всей стране была развернута грандиозная программа дешевого жилищного строительства. 21-я Поправка в Конституцию официально отменила «Сухой закон» (она была ратифицирована в декабре 1933 г.). Ею был ликвидирован черный рынок продажи алкоголя. В США был введен единый федеральный акциз на продажу спиртного, который обеспечил поступление в бюджет сотен миллионов долларов. В апреле 1934 г. был принят Закон Джонсона (Johnson Act). Он запрещал предоставление американских займов зарубежным правительствам – должникам Соединенных Штатов, не расплатившимся по старым долгам. В первую очередь он, как оказалось, был направлен против СССР²⁶.

Значительным образом была расширена структура федерального правительства: уже в 1933 г. для регулирования социально-экономических проблем, прямого вмешательства государства в экономику была создана целая сеть мощных федеральных агентств в прямом подчинении президента – главнейшим из них было NRA. Созданы были также Управление по регулированию сельского хозяйства (Agricultural Adjustment Administration / AAA), Управление общественных работ (Public Works Administration / PWA), Управление ресурсами Долины Теннесси (Tennessee Valley Authority) и Комиссия по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange Commission / SEC), ответственная за соблюдение новых федеральных законов о ценных бумагах, правил о ценных бумагах и занимавшаяся регулированием биржевой отрасли в стране.

В июне 1935 г. Конгресс по призыву Рузвельта принял второй основополагающий закон «Нового курса» – Закон о трудовых отношениях, более известный как Закон Вагнера. Он легализовал в США профсоюзы. Рабочие получали право не только на создание профсоюзов, но и на заключение коллективных договоров с работодателями через своих выборных представителей, и даже право на забастовки. Как раз тогда из Американской федерации труда (АФТ), крупнейшей профсоюзной организации страны, выделяется новое, более прогрессивное профсоюзное объединение – Комитет производственных профсоюзов, который с 1938 г. называется Конгресс производственных профсоюзов (КПП)²⁷.

В начале 1935 г. Рузвельт представил в Конгресс Законопроект об экономической безопасности (Economic Security Bill), ставший в последствии знаменитым Законом о соцстраховании (Social Security Act 1935). Он был подписан Рузвельтом 14 августа 1935 г. и стал третьим основополагающим законом политики «Нового курса». На церемонии подписания закона Рузвельт заявил: «Развитие цивилизации на протяжении последних нескольких сот лет, поро-

див поразительные сдвиги в промышленности, всё в большей степени способствовало тому, чтобы сделать жизнь небезопасной. Молодые люди всерьез озабочены своей судьбой в старости. Человек, имеющий работу, боится ее потерять. Данный Закон о социальном обеспечении гарантирует, по крайней мере, определенную поддержку 30 млн наших граждан, которые будут получать прямые выплаты в рамках страхования по безработице, пенсионной системы, социальной защиты детей и системы профилактических медицинских услуг»²⁸.

Президент обосновывал введение принципиально нового социального законодательства необходимостью обеспечения «безопасности» граждан США, сильно пострадавших от «Великой депрессии», которая поставила их в угрожающее им, опасное, положение. Он говорил о безопасности, как о праве. «Безопасность жилища», «безопасность жизни» и «социальная безопасность» вместе образуют «право, которое принадлежит каждому индивиду и каждой семье, желающей трудиться»²⁹. Задача по обеспечению этого права и была положена в основу заявленных и невиданных ранее правительственных мер. Представляя Конгрессу законопроект, Рузвельт подчеркивал: «Различные виды социального страхования взаимосвязаны между собой, и я полагаю, что их внедрение на индивидуальной основе будет затруднительным. Поэтому я рассматриваю ряд эффективных мер, которые я смогу рекомендовать как общую систему безопасности по отношению к ряду мощных дестабилизирующих факторов нашей жизни – особенно имеющих отношение к безработице и старости»³⁰.

Закон впервые в американской истории предусматривал введение на национальном уровне программ госстрахования по старости и по безработице. Страхование по безработице, согласно закону, строилось на принципе софинансирования из федерального бюджета и бюджетов штатов. Отчисляемые по закону средства складывались из налогов на бизнес – от 1 до 3 % с зарплаты. Именно этот закон предусматривал введение еще одного общегосударственного налога в США – социального налога, из которого и формировались фонды пособий по старости и по безработице. Согласно закону, в среднем пособие выплачивались в течение 9,5 недель, составляя 11 долл. на человека (примерно 36 % зарплаты). Пенсионное же обеспечение финансировалось только за счет федеральных фондов – из бюджета. Эти фонды создавались за счет того же федерального социального налога, которым облагались как работодатели, так и рабочие и служащие – в размере 1 % от зарплаты. Получателями пособий становились все американские граждане с 65 лет³¹.

Закон, впрочем, не вводил в США какой-либо государственной системы единого медицинского страхования граждан, но зато включал в себя подпрограмму «Помощь семьям с детьми на иждивении»³² – это была широкая федеральная программа материнских пенсий, которая финансировалась совместно за счет средств федерального бюджета и бюджетов штатов, а управлялась губернаторами штатов, исходя из специфических особенностей каждого штата³³.

Тогда же, в августе 1935 г., помимо Закона о соцстраховании, были приняты еще два принципиальных реформаторских закона того времени, предложенных по инициативе Рузвельта: Закон о доходах и Закон о коммунальных холдинговых компаниях. Закон о доходах, который в тот период в прессе называли «Законом о богатстве», предусматривал введение налога на роскошь в размере 75 % на все личные доходы свыше 5 млн долл. Налоговые ставки на прибыли корпораций также были резко подняты по этому закону. Закон о коммунальных холдинговых компаниях был направлен на противодействие созданию финансовых пирамид, поскольку до того именно коммунальные компании выступали в США держателями больших портфелей акций, практически неконтролируемых извне. Закон предусматривал роспуск тех компаний, которые спустя 5 лет не продемонстрировали приверженности политике по оздоровлению своих финансов³⁴. Это положение законодательства о коммунальных холдинговых компаниях характеризовалось как «смертный приговор» большому бизнесу и вызвало мощ-

ную волну протеста и недовольства на Уолл-стрит. В консервативной прессе после подписания этого закона Рузвельта стали все чаще критиковать за «ползучий социализм», а его самого называли... «скрытым социалистом».

Это, впрочем, совершенно не помешало президенту переизбраться на 2-й срок. Грандиозный успех Закона о соцстраховании и Закона о доходах сделал ФДР практически непобедимым. За продолжение курса говорили и реальные показатели экономики. В 1933 г. падение промышленности удалось значительно замедлить, и в итоге ВВП страны снизился всего на 1,2 % (и это после обвала ВВП в 1932 г. на 12,9 %!). За счет многомиллиардных капиталовложений в строительство инфраструктуры администрации Рузвельта удалось добиться значительных темпов роста ВВП уже в 1934 г. – 10,8 %! В 1935 г. рост составил 8,9 %, а в год выборов экономика выросла на рекордные 12,9 %. Колоссальную безработицу удалось поступательно сокращать: в 1933 г. она составляла 25 % (более 12,8 млн чел.), но уже в 1934 г. – 21,7 %, в 1935 г. – 20,1 %, в 1936 г. – 16,9 %. На выборах в ноябре 1936 г. ФДР получил рекордные же 60,8 % голосов избирателей и 523 голоса Коллегии выборщиков от 46 штатов!

Законодательство «Нового курса» продолжалось. Так, в 1937 г. были проведены реформы в области гражданского жилищного строительства, а в 1938 г. – в области зарплаты и трудового законодательства. Росли внутренние инвестиции. Но в 1937 г. в экономике наметились признаки серьезной рецессии (в 4-м квартале года ВВП обвалился на 31 %). Впрочем, в целом экономика выросла в тот год на 5,1 %. Спад и новый резкий рост безработицы начался в 1938 г. – ВВП страны упал на 3,3 %, а безработица подскочила с 14,3 % до 19 %. Только размещение военных заказов Франции и Великобритании с началом Второй мировой войны несколько реанимировали экономику и позволили сократить безработицу: в 1939 г. ВВП вырос на 8 %, а в 1940 г. – на 8,8 %; безработица упала с 17,2 % до 14,6 %.

Хотя в годы нейтралитета США (после начала осенью 1939 г. войны) многие американские крупные банки и компании частным образом и пытались сотрудничать с нацистской Германией, симпатии Рузвельта неизменно были на стороне Великобритании и всех остальных воюющих с Германией и ее сателлитами стран. Постепенно торговые отношения с Британией укреплялись, американские заводы размещали у себя все больше британских заказов. Но нейтралитет США оставался неизменным. Именно под лозунгом сохранения мира для Америки Рузвельт пошел в ноябре 1940 г. на беспрецедентный для истории США 3-й срок (получив на выборах 54,7 % голосов избирателей и 449 голосов выборщиков, потеряв при этом только 10 штатов).

Но угроза войны нарастала. 11 марта 1941 г. был принят Закон о Ленд-лизе – широкой программе предоставления военной и экономической помощи воюющим с Германией странам, в первую очередь Великобритании. 29 октября действие Закона о Ленд-лизе было официально распространено и на СССР³⁵. Складывалась Антигитлеровская коалиция, одним из участников которой стала Америка, после того как на нее в декабре 1941 г. было совершено нападение со стороны Японии – союзницы Германии. Война невероятно «разогрела» американскую экономику. Уже с 1941 г. (рост ВВП на 17,7 %) страна показывает невиданные ранее темпы роста, притом практически ликвидировав, наконец-то, безработицу: в 1942 г. ВВП вырос на 18,9 %, в 1943 г. – на 17 %, а в 1944 г. – на 8 %³⁶; безработица планомерно снижалась с 9,9 % в 1941 г. до 1,2 % в 1944 г.³⁷

Широкие социальные программы периода «Нового курса» должны были быть продолжены даже во время войны и после нее, считал президент. Так, в начале 1944 г. Рузвельт определился с общей стратегией дальнейшего периода работы федеральных программ – на послевоенную перспективу. В январе в послании Конгрессу он обрисовал в общих чертах свою знаменитую концепцию «экономического билля о правах», гарантирующего каждому американцу «право на общественно полезную и хорошо оплачиваемую работу», «право на получение

трудовых доходов, достаточных для приобретения продуктов питания, одежды, отдых», «право каждой семьи на достойное жилище», «право на получение достаточного медобслуживания», «право на достаточную защищенность от экономических страхов на случай старости, болезни, травматизма и безработицы» и «право на образование». В заключение Рузвельт сказал: «Наш «Экономический билль о правах», подобно священному Биллю о правах, записанному в нашей Конституции, должен распространяться на всех наших граждан независимо от расовой принадлежности, вероисповедания или цвета кожи»³⁸. Тогда же в январе 1944 г. в бюджетном послании Конгрессу, в разделе, озаглавленном «Законодательство о ветеранах и соцобеспечение», Рузвельт предложил принять Закон о поддержке ветеранов – миллионов человек, вернувшихся с полей Второй мировой войны. Этот закон предусматривал бы комплексную социальную помощь, включая денежные выплаты и компенсации, медицинские услуги, жилищные субсидии, оплату обучения в колледжах, развертывание программ профессиональной и трудовой подготовки общей стоимостью 13 млрд долл. Законопроект был принят Конгрессом, и 22 июня 1944 г. Рузвельт подписал знаменитый Закон о выплатах военнослужащим (GI Bills Act)³⁹, ставший финальным аккордом великого социального законодательства «Нового курса».

При всем этом Рузвельт не успел всерьез приступить к решению застарелой проблемы расовой дискриминации в Америке, но расширил сотрудничество с НААСР⁴⁰ (Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения). Постепенно на второстепенные позиции в своем Кабинете Рузвельт поставил множество чернокожих (их даже стали называть «Черным кабинетом»). За годы «Нового курса» отделения НААСР начинают все больше поддерживать именно Демократическую партию, хотя раньше они по исторической традиции больше склонялись к «партии Линкольна».

Прямым наследием ФДР после завершения Второй мировой войны стало колоссальное экономическое, финансовое и военное могущество США. Из войны Америка вышла, обладая огромным современным военно-морским флотом, включая авианосные соединения, тяжелой бомбардировочной авиацией (с первым стратегическим бомбардировщиком В-29, способным нести ядерные и термоядерные бомбы) и атомным оружием.

К тому времени Рузвельт уже успел стать настоящим «отцом нации». Согласно Gallup, в конце 1944 г. рейтинг президента Рузвельта не опускался ниже 55 %. На выборах в ноябре того года Рузвельт получил 53,4 % голосов избирателей – отличный результат (примечательно, что тогда за него проголосовало 68 % черных избирателей страны). Будь он жив, и сохранился такой рейтинг и дальше, президент мог бы претендовать и на пятую подряд победу – уже в 1948 г.! Конституция не делала на сей счет тогда никаких ограничений.

Франклин Рузвельт сумел коренным образом изменить американскую политику, создав «Большую демократическую коалицию» или «Коалицию Нового курса», объединявшую все группы населения – от рабочих до городских интеллектуалов, Уолл-стрит и южан-сегрегационистов (притом, что большинство черного электората в целом к Коалиции еще не примкнуло, будучи верным Республиканской партии). Настолько ФДР был популярен. Например, 1936 г. за него голосовали все социальные страты – от низов, до самых верхов, от глубинки до мегаполисов (даже большинство черных избирателей Среднего Запада и Юга, вопреки традиционной поддержке Республиканской партии, голосовало лично за Рузвельта, но не за Демократическую партию – на всех остальных выборах). В это время изменились представления о роли государства и понятие либерализма. Еще в 1932 г. Рузвельт призывал не к «всеобъемлющему регламентированию и планированию экономической жизни, а к необходимости властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения, но и между различными отраслями народного хозяйства». Рузвельт особо подчеркивал, что абсолютный приоритет должен быть отдан интересам всего общества. Он говорил: «Отвлечься от этого означало бы шараханье от одной группы

к другой, предлагая временные и, как правило, неэффективные меры... Каждой социальной группе надлежит осознать себя частью целого, звеном общего плана»⁴¹. Это он называл либерализмом. Свободу, прежде всего экономическую, в условиях жесточайшего кризиса гражданину должно было, по мнению Рузвельта, прежде всего обеспечить государство – за счет гарантированного вспомоществования, то есть пособий – welfare. Это должно было стать отныне либеральной политикой. Президент писал: «Мы либералы, и мы убеждены в том, что с появлением новых проблем, проблем, которые отдельные граждане не могут решить в новых условиях собственными силами, правительство обязано искать новые пути и средства для их решения. Либералы утверждают, что правительство должно ответить на новый социальный вызов *соответствующими мерами социального регулирования, – мерами, способными обеспечить каждому гражданину право на экономическую и политическую независимость, на свободу и личное счастье* (курсив мой. – Д.О.). В противоположность этому консерваторы убеждены, что частной инициативы и благотворительности достаточно, чтобы преодолеть любые социальные осложнения»⁴².

Таким образом наметился фундаментальный отход Демократической партии от традиционного до того понимания либерализма, его первоначальной сути – в классическом духе концепции свободного рынка Адама Смита. На таком классическом либерализме теперь будет строиться в США экономическая идеология более консервативной Республиканской партии, как бы парадоксально это ни звучало. Созданное при Рузвельте его политикой «Нового курса» «государство всеобщего благосостояния», Welfare state, которое вернее было бы обозначить как «государство пособий», теперь в Америке будет прочно ассоциироваться именно с либерализмом.

О личности Трумэна

О президенте Гарри Трумэне в США написана довольно обширная литература⁴³, и почти все авторы сходятся в одном – вынужденный преемник Рузвельта в Белом доме во многом уступал ему, начиная от опыта, заканчивая своими личными качествами. Если Франклина Рузвельта изначально отличали неповторимый шарм и принадлежность к высшему обществу, то Трумэн сразу же выделялся своей провинциальностью. К нему не тянулись люди так, как они тянулись к ФДР, который был обаятелен и неизменно популярен как в узком кругу друзей и знакомых, так и среди широких масс. Трумэн был на публичной арене застенчив и неуклюж, а как оратор он вообще на порядок уступал Рузвельту. Пожалуй, единственное, что всерьез объединяло обоих этих государственных деятелей, это наличие у них острого политического чутья. Со временем это качество и из Трумэна сделало способного политика, очень точно чувствующего обстановку. К тому же, он довольно быстро учился (это же качество было присуще и ФДР) и овладел всеми необходимыми навыками для успешного руководства – в конце концов он сумел свою простоту и провинциальность повернуть в свою же пользу, и люди его полюбили, хотя и произошло это далеко не сразу. Вся жизнь Гарри Трумэн гордился тем, что, как он говорил, «жил только на зарплату» и «все время работал», в придачу – он еще и был ветераном войны...

Образ жизни Трумэна и его характер определило детство в глубокой провинции – он родился в городке Ламар, в Миссури, 8 мая 1884 г., став первенцем Джона Андерсона Трумэна и Марты Элен Янг, людей довольно скромного достатка. Обоих родителей его происходили из Англии, и имели дальних родственников также в Шотландии и Ирландии, и даже в Германии и Франции. Назвали его в честь дяди по материнской линии, Гаррисона Янга, дав при этом не полное имя Гаррисон, а только его часть – Гарри. Вместо второго имени он получил... всего лишь букву «С» («S») – в честь его обоих дедушек по материнской и отцовской линиям:

Андерсона Шиппа (Shipp) Трумэна и Соломона (Solomon) Янга. Вскоре после Гарри в семье Трумэнов родился младший сын, Джон Вивиан, а за ним дочь, Мэри Джейн.

В те годы Джон Трумэн занимался фермерством и торговлей скотом, но успеха в этом деле не имел, а потому семье приходилось часто переезжать. Когда Гарри исполнилось 10 месяцев, семья переехала на новую ферму под Гаррисонвиллем, в Миссури, а затем – в Белтон. В 1887 г. Трумэны обосновались на ферме в 600 акров (240 Га) в Грандвью, принадлежавшей родителям Джона. Когда Гарри исполнилось 6 лет, семья переехала в Индепенденс, где и осела окончательно. Там старшего сына отдали в бесплатную воскресную школу местной Пресвитерианской церкви, хотя он был крещен как баптист. Он не посещал обычную школу до 8 лет, но уже к тому времени умел хорошо писать и читать. Вопреки расхожим представлениям, Трумэн вообще-то был неплохо образован – сказывалось домашнее обучение, которое было ему дано матерью Мартой. Пока отец целыми днями пропадал на фермерских угодьях, с сыном сидела она, привив Гарри любовь и интерес к чтению книг по истории, а также музыке. Вскоре он даже неплохо научился играть на фортепиано. Марта Янг Трумэн прожила долгую жизнь⁴⁴ и все время была очень близка со своим старшим сыном. Став президентом, Трумэн часто советовался с матерью.

Интерес к политике у Гарри обнаружился рано – его отец был близок к Демократической партии, и у него было много друзей активистов-демократов. В 1900 г., когда национальный съезд демократов проходил в крупнейшем городе Миссури, Канзас-Сити, 16-летнего Гарри друзья отца помогли устроить туда – он стал работать в группе младшей obsługi прямо в зале съезда, и видел, как ведут политическую борьбу делегаты. Сам Гарри считал это началом своей карьеры...

Окончив среднюю школу в Индепенденсе, в 1901 г. Трумэн поступил в Торговый колледж Сполдинга при Бизнес-школе Канзас-Сити. Там он изучал бухгалтерию и, что интересно, стенографию и учился печатать на машинке. Это его явно не заинтересовало, поскольку уже через год Гарри бросил учебу и пошел работать хронометристом на железную дорогу на линии Атчисон – Топика – Санта-Фе. Работа была тяжелой, и ему даже приходилось ночевать во времянках вдоль железнодорожных линий. Вскоре он решил заняться делопроизводством и работал в почтовом отделении местного издания «The Kansas City Star». Но и там он долго не задержался. Вместе с братом Вивианом они работали клерками в Национальном торговом банке Канзас-Сити. Примечательно, что в это же время там работал Артур Эйзенхауэр, младший брат Дуайта Эйзенхауэра и его брата Милтона. Что-то в работе не ладилось, и Гарри уже в 1906 г. вернулся на отцовскую ферму Грандвью. Там он проработал простым фермером вплоть до поступления в армию в 1917 г. За эти 11 лет на ферме он так и не смог заработать себе средства, достаточные для получения образования даже в колледже. Он даже не смог жениться, поскольку его возлюбленная Элизабет «Бесс» Уоллес, за которой он несколько лет ухаживал и которой в 1911 г. сделал предложение, отказала ему. Вероятно, причиной отказа была бедность, и сам Трумэн позже вспоминал, что намеревался после первого отказа снова сделать Бесс предложение, но только после того, как заработает больше денег. С этой целью Гарри ушел в мелкий бизнес: он вложил в горное дело, участвуя в разработке свинцово-цинкового рудника под местечком Коммерс, Оклахома. Потом стал партнером фирмы, которая приобрела землю под бурение нефти. Он даже включился в спекуляции недвижимостью в Канзас-Сити. Некоторый доход от этих предприятий Гарри извлечь сумел, но и его в конечном счете не хватило. Вообще, обращает на себя внимание настойчивое желание молодого человека из провинции заработать и получить образование, пусть даже и в колледже. Увы, это не удалось, и Трумэн остался единственным в XX в. после Уильяма Маккинли президентом США, который не получил диплома даже об окончании колледжа!

Неимение средств для колледжа побудило Трумэна делать военную карьеру и поступить в Военную академию США в Вест-Пойнте, в которой не было платы за обучение. Но туда шел

жесткий отбор через экзамены и медкомиссию, а у Гарри с детства было слабое зрение, и он носил очки, потому в академию он не попал. Между тем, строевая служба была ему знакома, так как он к тому времени в 1905–1911 гг. прослужил в Национальной гвардии штата Миссури. По иронии судьбы, будучи близоруким, Трумэн пошел служить... артиллеристом: служба проходила на так называемой «батарея Б» 2-го Миссурийского полевого артиллерийского полка, расквартированного в Канзас-Сити. В Нацгвардии Трумэн дослужился до капрала и был на хорошем счету, а потому, когда в 1917 г. Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну, он с легкостью снова получил назначение в «батарею Б» 2-го Миссурийского артиллерийского полка. Там в связи с доукомплектованием новыми офицерами Трумэн получил звание 1-го лейтенанта, и его отправили на подготовительные курсы для артиллеристов в лагерь Донифан, в Форт Силл под Лоутоном, Оклахома. 2-й Миссурийский полк Нацгвардии был преобразован в 129-й полк полевой артиллерии Армии США и был отправлен во Францию на фронт. К слову, командиром полка во время прохождения курсов был Роберт М. Дэнфорд, который позже стал начальником всей армейской полевой артиллерии. Трумэн вспоминал, что за шесть недель обучения у Дэнфорда он узнал больше, чем за полгода своего предшествовавшего обучения в армии. Там же, в Форт Силле, Трумэна назначили заведовать столовой лагеря, что несколько выделило его среди остальных однополчан. В напарниках у него оказался с Эдвард Джекобсон, его старый знакомый, бывший управляющий магазина одежды в Канзас-Сити. Большинство тогдашних армейских столовых в США содержались самими солдатами и офицерами и только поглощали деньги, несмотря на то, что не были закрытыми заведениями, и могли работать как предприятия сферы услуг. Столовая же, управляемая Трумэном и Джекобсоном, стала приносить прибыль – поначалу каждый солдат вложил туда по 2 долл., но через полгода она заработала 10 тыс. долл. По иронии судьбы, так и не заработавший на гражданке Трумэн сумел-таки прилично заработать в армии, вот только использовать эти деньги он не мог. В Форт Силле Трумэн встретил лейтенанта Джеймса М. Пендергаста, племянника Тома Пендергаста – политика из Канзас-Сити, и это знакомство изменило всю его дальнейшую жизнь.

Трумэн получил звание капитана артиллерии в июле 1918 г. и получил в командование «батарею Д» своего 129-го артиллерийского полка (в составе 35-й дивизии Армии США). «Батарея Д» оказалась не самым приятным местом для службы, поскольку туда определяли в основном солдат, склонных к нарушению дисциплины, и Трумэну пришлось не сладко. Он взялся на наведение порядка в батарее, и стал непопулярен как командир. Начались случаи нарушения субординации, а некоторые смутьяны (дело было весной-летом 1918 г.) даже пытались запугать капитана, но тогда Трумэн впервые серьезно проявил твердость своего характера, которой ему не всегда хватало в мирной жизни. Он стал жестко спрашивать со своих капралов и сержантов, пригрозив им разжалованием в рядовые и, наоборот, сулив повышение за исправное исполнение их обязанностей. Как-то раз во время внезапной ночной атаки немцев на склонах Вогез удар пришелся на позиции 129-го полка, и «батарея Д» побежала. Этот эпизод мог стоить Трумэну погон, да и вообще жизни. Сам он считал его одним из поворотных в своей судьбе. Капитану пришлось лично удерживать бегущих солдат, использовать все матерные ругательства, которые он запомнил еще со времен своей службы на железной дороге. Очевидно, это ему далось тяжело, ведь баптистам строго запрещено использовать такого рода выражения. Удивились даже его подчиненные, привыкшие видеть в капитане человека хоть и строгого, но скромного. К счастью, бегство удалось остановить – солдаты подчинились своему командиру.

Полк Трумэна присоединился к массированному Мёз-Аргонскому наступлению 26 сентября 1918 г. Батарея Трумэна установила наблюдательный пункт к западу от коммуны Шепи́, на северо-востоке Франции. Германская батарея в это время готовилась к обстрелу соседней с трумэновским полком 28-й дивизии. Батарея Трумэна приказали сосредоточиться только на

его прямых целях – противнике перед его 35-й дивизией, но он проигнорировал приказ, открыв огонь по германской батарее, обстреливающей 28-ю. И вражеская батарея была уничтожена, а 28-я дивизия была спасена, правда, капитан Трумэн нарушил при этом приказ, за что ему грозил трибунал. Военная обстановка спасла его, и непосредственный его начальник, полковник Чарльз Клемм, вероятно, Трумэна пощадил, поскольку никакого наказания не последовало. Тогда же судьба, впрочем, заочно свела Трумэна с крупным в будущем военным деятелем Джорджем Паттоном, который во время Мёз-Аргонского наступления командовал танковой бригадой Армии США⁴⁵. Так получилось, что именно батарея Трумэна обеспечивала огневую поддержку бригады Паттона осенью 1918 г. Удивительным образом некогда известная дурной славой «батарея Д» капитана Трумэна не потеряла под его командованием ни одного человека во время службы во Франции! Таким образом нельзя не признать, что в годы войны Трумэн приобрел немалый опыт, бесспорно проявив явные лидерские качества. С фронта он вернулся уже иным человеком. Особо примечательно, что иными вернулись с войны и все его сослуживцы из «батареи Д», когда-то – нарушители дисциплины, а теперь хорошие солдаты, многие из которых были отмечены боевыми наградами. И у всех них осталось после войны теплое чувство к своему капитану, благодарность которому они высказывали в последствии при каждой встрече, тем более что были они все земляками из Миссури. Многие так же, как и Трумэн, вскоре сделали большую карьеру. «Батарея Д» собрала под своими знаменами представителей многих конфессий – в основном там служили католики, но были и евреи (например, тот же Джекобсон), протестанты. Так, одним из самых близких друзей-однополчан Трумэна был полковой капеллан 129-й полевой артиллерии Кёртис Тирнан, католик. Они дружили вплоть до смерти Тирнана в 1960 г. Во время Второй мировой войны Тирнан служил главным армейским капелланом на Европейском театре.

Трумэн с честью был уволен из армии в звании капитана в 1919 г., а уже в 1920 г. он получил звание майора офицерского Корпуса резерва, федеральной организации, не связанной с Национальной гвардией Миссури. В 1925 г. он стал подполковником, а в 1932 г. – полковником резерва.

Неприметная история восхождения на политический Олимп

После демобилизации Трумэн вернулся в Индепенденс, где Бесс Уоллес приняла предложение стать его женой. Свадьба состоялась 28 июня 1919 г. Единственная их дочь, Мэри Маргарет Трумэн, родилась в Индепенденсе 17 февраля 1924 г. Работать, однако, Трумэн решил в Канзас-Сити. В центре города незадолго до его свадьбы он вместе со своим самым близким фронтовым товарищем Джекобсоном открыл галантерейную лавку. Торговля велась примерно 2 года, и во время послевоенной рецессии 1921 г. лавка обанкротилась, оставив Трумэну только большие долги, с которыми ему удалось расплатиться только к 1935 г.⁴⁶). К слову, Джекобсон и Трумэн оставались близкими друзьями даже после того разорения (считается, что совет Джекобсона уже президенту Трумэну поддержать движение сионизма сыграл роль в решении США официально признать Израиль).

Именно крах магазина в 1921 г. заставил Гарри обратиться к политике – сыграло знакомство во время войны с Джеймсом Пендергастом, чей дядя Том оказался очень влиятельным в Канзас-Сити человеком. Он возглавлял в это время местную организацию Демократической партии, которая также доминировала во всем штате Миссури. Джеймс порекомендовал Гарри Тому, и именно при помощи Тома Пендергаста⁴⁷ Трумэн был избран в 1922 г. судьей окружного суда в Восточном судебном округе административного округа Джексон, куда входил г. Канзас-Сити. Суд этот занимался рассмотрением административных дел. Обращает на себя внимание то, что на судебную должность, пусть и второстепенную, был избран человек, вообще без опыта, из чего можно сделать вывод, что избрание Трумэна носило фиктивный

характер, ведь немногочисленных избирателей округа (сплошь демократов) давно уже контролировал Пендергаст. Впрочем, в пользу избрания его судьей говорило военное прошлое Трумэна, и то, что он пользовался уважением у бывших сослуживцев, которые готовы были за него поручиться.

Все эти годы Трумэн не терял надежды получить образование, причем, юридическое. С 1923 по 1925 гг. он посещал ночные курсы в Правовой школе Канзас-Сити (ныне это Юридический ф-т Университета Миссури), но покинул их, когда не был переизбран в 1924 г. окружным судьей. Знакомые адвокаты Канзас-Сити сообщили ему, что его образования и опыта, вероятно, будет достаточно для получения им лицензии на юридическую практику. Но лицензия тогда ему не понадобилась, потому что он выиграл выборы на должность судьи (удивительно, но уже будучи президентом США, в 1947 г. Трумэн подал заявку на получение лицензии на адвокатскую практику, но вскоре передумал и отозвал ее). За 2 года работы судьей Трумэн занимался в основном тем, что санкционировал продажу членства в местных автомобильных клубах, получая за это неплохие деньги. Это убедило его в том, что карьера на госслужбе была бы куда более безопасной для семейного человека среднего возраста, каким он сам стал к тому времени. Так что в планах у него появилось желание баллотироваться на пост председательствующего судьи округа Джексон.

Выборы проходили в 1926 г. под полным контролем Пендергаста – иначе Трумэну было не выиграть, ведь даже на таком низовом уровне на избирательные кампании требовались деньги, а он сам был должником. Пендергаст же в Трумэне видел «своего человека», совершенного лоялиста, очень ему обязанного, и закрывавшего глаза на многое, что творилось тогда в Канзас-Сити. Увы, эту «дружбу» потом не раз припоминали Трумэну, намекая на его причастность к коррупции. Так или иначе он был избран, а потом переизбран в 1930 г. Будучи председательствующим судьей округа, Трумэн вышел на новый уровень, приняв участие в разработке 10-летнего хозяйственного плана по преобразованию округа Джексон и Канзас-Сити. План прописывал проведение общественных работ по ряду проектов, включая строительство обширной сети дорог и строительство нового здания окружного суда, спроектированного известным архбюро «Wight and Wight». В 1926 г. Трумэн получает общенациональную известность – его выдвинули и утвердили президентом Национальной ассоциации автодорог. В конце 1920-х гг. у себя в штате он руководил проектом по возведению 12 памятников женщинам-пионерам, открывавшим и осваивавшим Миссури.

В 1933 г. Трумэн получил крупный пост – он был назначен директором Миссурийского отделения Федеральной программы повторного трудоустройства (подразделения Рузвельтовского Управления строительных работ, CWA), что означало то, что его имя прозвучало в высших политических кругах. Назначение пролоббировал генеральный почтмейстер США Джеймс Фарли, который был «должен» Пендергасту за то, что тот обеспечил Рузвельту победу и в Канзас-Сити, и во всем Миссури год назад. Это назначение подтвердило полный контроль всемогущего «миссурийского босса» над процессом распределения федеральных должностей в Миссури. Даже сам Рузвельт признавал власть Пендергаста в Миссури. Что же до Трумэна, то ему после получения нового назначения пришлось встретиться с помощником Рузвельта Гарри Ллойдом Гопкинсом, который его просто очаровал, убедив присоединиться к сторонникам политики «Нового курса». Такие связи уже в самом Белом доме придали Гарри уверенности в себе. Он начал подумывать о серьезной политической карьере в рядах Демократической партии, например, заговорил о возможности баллотироваться в губернаторы штата или члены Конгресса. Для этого нужно было заручиться поддержкой Пендергаста, который встретил такие желания Трумэна холодно. Вся его власть основывалась на контроле за местной демократической партийной организацией, которая официально могла заниматься сбором денег для проведения кампаний. Пендергаст распределял партийные средства между всеми перспективными, на его взгляд, потенциальными кандидатами и... фактически сам же считал

результаты голосования, так как его же партийная машина контролировала состав избирательных комиссий округа Джексон и Канзас-Сити (увы, людей Пендергаста не раз уличали в махинациях при голосовании).

К тому времени в их отношениях с Трумэном произошло некоторое охлаждение, и Гарри не стал выбором «миссурийского босса» на праймериз демократов на выборах в Сенат США от Миссури, на которых в 1934 г. выдвинулись целых 5 кандидатов. Трумэну дали ясно понять, что он должен будет добиться победы сам (Пендергаст же готов был приложить все силы, чтобы в ноябре того года избран был бы демократ, кто бы им ни оказался в итоге). На тех праймериз, ставших для Трумэна первым опытом самостоятельной политической борьбы, он сумел добиться поддержки родного округа Джексон с густонаселенным Канзас-Сити – этого хватило, чтобы обойти конгрессменов Джона Дж. Кохрейна и Джейкоба Л. Миллигана. Также помогли связи по всему штату, налаженные во время службы судьей округа. Помогли Трумэну старые знакомства в Армейском Резерве и среди ветеранов войны – членов «Американского легиона», крупнейшей организации ветеранов в США. Трумэн обеспечил свое выдвижение, и в дело вступил Пендергаст с его ресурсами. На промежуточных выборах в Конгресс Трумэн победил действующего сенатора, республиканца Роско К. Паттерсона, обойдя его почти на 20 %, и набрав 787 тыс. голосов (он получил 59,5 % голосов жителей штата при 39,7 % у Паттерсона). Помогло прежде всего то, что Трумэн всячески выставлял себя как твердого сторонника президента и его «Нового курса». В январе 1935 г. провинциал Гарри Трумэн с женой и дочерью обосновался в Вашингтоне, став сенатором.

Между тем, уверенная победа обратила на него все взоры, и он с удивлением обнаружил, что у него нет поддержки в крупных столичных СМИ, а есть много недоброжелателей. Заговорили о том, что он не сенатор от Миссури, а... «сенатор от Пендергаста», намекая на сложившуюся к тому времени в стране «систему патронажа», когда сенаторов и конгрессменов контролировали не их избиратели в штатах, а местные партийные машины, часто прямо указывающие «своим» выдвиженцам, как голосовать. Трумэн защищался, утверждая, что «всегда голосовал по совести». Словно в попытках оправдаться, он рьяно бросился защищать «Новый курс», резко выступая против «жадности корпораций» и «спекулянтов с Уолл-стрит», «групп особых интересов» и «больших денег», которые, как он говорил, достигли слишком большого влияния в национальных делах. Несмотря на то, что Трумэн, закатав рукава, работал в таких важных сенатских комитетах, как Комитет по ассигнованиям и Комитет по торговле между штатами, президент Рузвельт почти не обращал на него внимания...

Так протекли первые 6 лет сенаторского срока. В преддверии новых выборов в Сенат в 1940 г. разразилась настоящая гроза. В 1939 г. Миссури, наконец, накрыла волна федеральных расследований против мафии и коррупции, и Департамент казначейства США добился изъятия федеральных средств из-под контроля местного Демократического клуба, а значит и Пендергаста. Тогда же некто Эдвард Шнайдер, секретарь-казначей без малого 8 (!) подставных фирм и предприятий, контролируемых Пендергастом, покончил с собой. Всесильного некогда босса привлекли к ответственности за неуплату подоходного налога и взятку, полученную для погашения его долгов по азартным играм⁴⁸. Пендергаста приговорили к 15 месяцам тюрьмы, и приговор этот нанес большой политический удар по репутации Трумэна. В 1940 г. ему за место в Сенате от Миссури бросили вызов сразу два ярых врага Пендергаста – прокурор Соединенных Штатов Морис Миллиган (брат уже когда-то побежденного Трумэном Джейкоба Миллигана) и экс-губернатор штата Ллойд Старк. Станным образом Гарри остался верен своему потерявшему все «покровителю», ведь в округе Джексон «старину Тома» до сих пор поминали добром, говоря, как много он построил дорог и дешевого жилья для бедняков. Трумэн в ходе кампании, пока его буквально поливали грязью, грозя «засадить вслед за Пендергастом», заверял приунывших демократов Канзас-Сити, что нельзя разочаровываться Рузвельтом и партией, ведь это республиканские судьи, а вовсе не президент, были ответственны за

падение «старины Тома». В ходе кампании Трумэну удалось заручиться поддержкой лидера Демократической организации Сент-Луиса Роберта Э. Ханнегана, и эта поддержка оказалась в итоге решающей на праймериз, как, впрочем, и в дальнейшей судьбе Трумэна. В тяжелейшей борьбе Трумэн вырвал победу, получив 268 тыс. голосов (40,9 % против 39,6 % у Старка) и был выдвинут в Сенат. На ноябрьских выборах он также просто чудом победил республиканца Манвела Дэвиса (51 % против 49 %). Та кампания была очень грязной, и Гарри приходилось все дорогу отбиваться от довольно справедливых нападок, но стоит отметить, что те выборы были более-менее честными – партийную машину Джексона и Канзас-Сити уже не контролировали так, как раньше, а после ареста Пендергаста подсчет голосов был организован людьми со стороны, и потому итоги голосования выглядят вполне объективно. А Трумэн еще раз доказал, что способен драться.

Второй сенаторский срок стал определяющим в его карьере. Еще в конце 1940 г. Трумэн возглавил Подкомитет по мобилизации сенатского Комитета по военным делам. Это дало ему в руки важный инструмент влияния. Например, возможность инспектировать военные базы в США, логистические пункты от Флориды до Среднего Запада, стратегические узлы связи и, главное, военные заводы. Подкомитет должен был выявлять (и выявлял) случаи необоснованных трат и спекуляции при закупках для мобилизационных нужд армии, но полномочий бороться с ними у него не было. Трумэн же хотел как можно скорее начать расследование всех этих фактов злоупотреблений и коррупции – причем, отнюдь не только при мобилизационных действиях, а во всей военно-промышленной сфере страны (тогда все военные контракты заключались в рамках так называемой Национальной оборонной программы). Он предложил коллегам-сенаторам подумать над созданием особого комитета по расследованиям, наделенного нужными полномочиями. Надо сказать, что с каждым месяцем фактов нарушений при исполнении военных контрактов выявлялось все больше и больше, чем не преминули воспользоваться политические противники президента. В начале 1941 г. конгрессмен от Джорджии Юджин Кокс, консервативный демократ и ярый противник Рузвельта и его «Нового курса», предложил создать в Палате представителей Конгресса специальный комитет для расследований фактов перерасхода федеральных средств при исполнении военных заказов. Такой парламентский орган мог бы породить серьезные проблемы для администрации, и тогда близкий друг президента, сенатор от Южной Каролины Джеймс Бёрнс⁴⁹, предложил Рузвельту поддержать идею Трумэна – тогда бы в Сенате появился куда более дружественный комитет, нежели чем в Палате.

Поддержка Белого дома придала идее необходимый импульс, и в марте 1941 г. в Сенате был создан новый комитет – Специальный комитет по расследованиям в сфере Национальной оборонной программы (Senate Special Committee to Investigate the National Defense Program⁵⁰), возглавил который Трумэн. Со временем комитет даже стали называть «Комитетом Трумэна», и он принес сенатору от Миссури подлинную известность. Трумэн управлял комитетом «с исключительным мастерством», как уверяли современники, и ему часто удавалось достигать консенсуса при решении множества проблем, тем более что Комитет был двухпартийным. Комитет вызвал широкий интерес у СМИ. «Комитет Трумэна» занялся широким спектром проблем. Он выявлял неэффективных «нанятых правительством» управляющих и чиновников, курирующих исполнение военных заказов, расследовал факты злоупотреблений при строительстве в Нью-Джерси жилья для военных специалистов. В марте 1943 г. журнал «Time» даже назвал «расследователя Трумэна» «человеком месяца», поместив его лицо на обложку. Журнал приурочил это ко 2-й годовщине создания «Комитета Трумэна», и в статье Комитет описывался как «одно из самых полезных правительственных учреждений Второй мировой войны, и самое близкое к высшему командованию». В статье, кроме того, председатель Комитета, сенатор Трумэн, описывался как «важное в глазах простого человека с улицы государственное лицо». После скандала с Пендергастом, нанесшего в 1939–40 гг. ущерб репутации

ции Трумэна, подобные лестные оценки значительно меняли его имидж публичного человека. Вероятно, прилежная и честная работа в Комитете была важна для Трумэна, как, своего рода, оправдание и попытка политической реабилитации: ведь теперь никто уже не мог прямо обвинить в коррупции его самого...

От Уоллеса к Трумэну: неподдельная интрига съезда

С подобной положительной репутацией, тем более сопровождавшейся еще и растущим авторитетом в Капитолии и Вашингтоне в целом, всерьез можно было бы задуматься и о большем, скажем, о выдвижении в вице-президенты США на предстоящих в 1944 г. выборах – то, что президент Рузвельт будет выдвигаться снова, уже сомнений ни у кого не вызывало. Как и не было сомнений в том, что партия его поддержит. Вот только у Трумэна таких мыслей, судя по всему, не было совсем. И тут начинается весьма примечательная история, где он снова оказался «ведомым», лицом, за которое приняли решение, а не тем, кто принял его сам. Так получилось, что некогда неприметный и провинциальный пограничный штат Миссури вдруг стал играть заметную роль в американской политике. Глава демократов Сент-Луиса Роберт Ханнеган, тот самый, кто еще в 1940 г. поддержал на волне скандала с Пендергастом Гарри Трумэна, в январе 1944 г. неожиданно стал председателем Национального комитета Демократической партии⁵¹. Он «заработал» этот пост, успешно решив «проблему Пендергаста», то есть очистив парторганизацию демократов штата от коррумпированных лиц, часто оказывавшихся откровенными мафиози. На волне этого успеха за него и проголосовали члены Нацкома, коллеги Ханнегана – главы местных партийных машин штатов и их заместители. В пору было теперь говорить о появлении в Вашингтоне своего «миссурийского клана», ведь сразу двое земляков оказывались заметными фигурами в столице: Ханнеган и Трумэн. Точно нельзя сказать, намеревался ли новый глава Нацкома продвинуть именно своего земляка в вице-президенты, или нет, но, когда кандидатура Трумэна всплыла в списке потенциальных претендентов на пост вице-президента, Ханнеган ухватился за эту возможность всерьез. Тем более, что сам он совсем не желал, чтобы второй раз в паре с Рузвельтом был выдвинут действующий вице-президент Генри Уоллес. «Проблема вице-президента» остро встала тогда в виду резко ухудшившегося здоровья ФДР. В случае его смерти следующий вице-президент, кто бы им не стал в 1944 г., сразу становился бы президентом. Решалась судьба всего наследия Рузвельта и вопрос: быть ли дальше «Большой коалиции», или политика страны уйдет дальше влево. Последнее никак не устраивало верхушку Демократической партии. Там был не только председатель НК Ханнеган, но, например, Эдвин Поли, казначей Нацкома; Фрэнк С. Уокер, генеральный почтмейстер США; Джордж Аллен, секретарь Нацкома, и Эдвард Флинн, руководитель парторганизации г. Нью-Йорк.

Осложнял проблему и объективный фактор: вице-президент США Уоллес был вторым по популярности человеком в стране, а недавно проведенный внутренний опрос среди членов партии показал, что почти 57 % демократов видели именно в Уоллесе законного преемника Рузвельту. Больше всего пугало Ханнегана и его компанию то, что вице-президент активно поддерживался рабочим движением. И это, надо сказать, был серьезный аргумент против Уоллеса, ведь в ширившемся в США во время Второй мировой войны забастовочном движении часть элиты видела дестабилизирующий фактор. Число забастовок действительно оставалось высоким и росло: например, только в одном 1942 г. в Америке бастовал 1 млн рабочих, недовольных низкой зарплатой. На фоне ухудшения положения рабочих начали возникать еще и расовые конфликты – причем, не на сегрегированном Юге⁵², а в промышленных центрах Севера, как, например, в июне 1943 г. в Детройте. Туда для усмирения мятежа в негритянском гетто пришлось даже направлять войска (при столкновениях погибло 34 человека, из них 25 – черные). Возник скандал, и туда с инспекцией от администрации прибыл Уоллес, выступивший в

городе с речью, которую горожане, в том числе афроамериканцы, встретили овацией. «Мы не можем противостоять нацистам за рубежом и при этом мириться с национальными конфликтами дома», – говорил вице-президент.

При такой широкой народной волне, грозящей скорым поворотом всей американской политики влево, можно было ожидать дальнейшего восхождения Уоллеса к вершинам популярности, но это также грозило Демократической партии расколом, если не забывать, какой разношерстной была пресловутая рузвельтовская «Большая коалиция», и насколько разные силы она объединяла. Потому Ханнеган и Ко пытались в преддверии съезда убедить президента, что выдвижение Уоллеса на 2-й срок приведет-таки к расколу партии. И Рузвельт заколебался, хотя первая леди Элеонора Рузвельт была за Уоллеса, резонно напомнив, что тот поддерживал «Новый курс» с самого начала. Президенту на рассмотрение группой Ханнегана предлагались несколько возможных кандидатур: экс-сенатор Джеймс Бёрнс, к тому времени перешедший на работу в правительство и ставший главой Службы военной мобилизации, судья Верховного суда США Уильям О. Дуглас, сенаторы Олбен Баркли из Кентукки и Гарри Трумэн, а также промышленник Генри Кайзер и спикер Палаты представителей Сэм Рэйбурн⁵³. Из них только Трумэн был представлен руководством партии как «истинно компромиссная фигура», хотя из всего этого списка ФДР склонялся больше всего к видному либералу, судье Дугласу.

Есть версия, что одним из аргументов против Уоллеса в глазах президента был его майский доклад о положении дел на китайском фронте, в котором он слишком много критики направил в адрес давнего союзника США – Национальной армии Чан Кайши и Гоминьдана, указывая, наоборот, на усиливающуюся народную поддержку в Китае коммунистов и на необходимость использовать этот фактор (тогда же он совершил длительную поездку в СССР, где ему оказали теплый прием). Впрочем, на словах перед самым съездом ФДР все равно выражал напарнику поддержку, говоря ему: «Надеюсь, команда останется прежней». Прямой поддержки, правда, не было, если не считать письма Рузвельта съезду, где он несколько туманно говорил, что «если б он был простым делегатом, то обязательно бы проголосовал за Уоллеса». Это означало, что будущего кандидата в вице-президенты предстояло выбирать съезду... без участия президента.

Национальный съезд Демократической партии открылся в Чикаго, Иллинойс, 19 июля 1944 г. Между тем, в ходе опроса Gallup в день открытия съезда 65 % высказались за то, чтобы вице-президентом остался Уоллес, и лишь 3 % – за то, чтобы им стал Бёрнс. Только 2 % респондентов высказались за Трумэна! Очевидно, он не был и близко так же популярен и известен в стране, как Уоллес.

Когда Уоллес прибыл в Чикаго 20 июля, его сразу же поддержали лидеры профсоюзов Сидни Хиллман и Фил Мюррей. Зал спортивной арены Чикаго, где проводил форум, был заполнен сторонниками Уоллеса. Вопрос с кандидатом в президенты был уже решен – Рузвельта партия выдвинула на беспрецедентный 4-й срок: на съезде он в 1-м же туре голосования получил 1086 (92,3 %) голосов делегатов от всех штатов, хотя у него и были противники⁵⁴. Надо сказать, тот съезд уже обозначил некоторое ослабление «Большой коалиции», поскольку недовольство высказывали южане – им не нравилась практика ФДР брать в администрацию чернокожих. Был, в частности, выдвинут сенатор от Вирджинии, ярый сегрегационист Гарри Ф. Бёрд⁵⁵ (он получил 89 голосов или 7,5 %, а также 1 голос был у Джеймса А. Фарли из Нью-Йорка). Теперь, согласно давней традиции, предстояло выдвижение напарника главному кандидату – кандидата в вице-президенты. Как правило, утвержденный съездом кандидат в президенты сам называл своего напарника съезду, а делегаты за него голосовали. Но если этого не происходило (а такие случаи были), предстояла полноценная борьба с выдвижением и голосованием по турам, если кандидат не набирал бы нужного числа голосов делегатов (50 % + 1 голос). Сложность голосования при так называемой *перекличке* всех делегаций штатов в алфа-

витном порядке (roll-call) традиционно состояла (и состоит) на национальных съездах обеих главных партий в том, что делегации штатов вольны сами решать, кого поддерживать, и никто им указывать не может, – вернее, каждый делегат штата, даже если он «привязан» к какому-либо конкретному кандидату (то есть получил указание своей партийной организации голосовать за кого-то конкретного), может изменить свое решение во время переключки уже в 1-м туре – такие «сдвиги» (switch) голосования приводят к постоянному изменению числа голов, и переключку приходится проводить снова, с 1-го тура.

Кандидату в вице-президенты (и в президенты) необходимо тогда было набрать для победы 589 голосов из 1176 голосов всех делегатов съезда. Сам Трумэн на съезде планировал выдвинуть своего друга Бёрнса и даже заготовил текст речи, но тот, когда перед съездом узнал, что ФДР не склонен его поддержать из-за боязни разозлить левые круги и профсоюзы, в первую очередь основателя КПП Хиллмана, отказался выдвигаться и не приехал в Чикаго. Трумэн неоднократно говорил, что не хотел участвовать в гонке, и что вообще не хотел быть вице-президентом, но, как указывалось выше, решение принимал не он, а его земляк Ханнеган. Еще 17 июля председателем съезда, сенатором от Индианы Сэмом Джексоном, было обнаружено письмо Рузвельта в поддержку Уоллеса. Но 20 июля на арене съезда Ханнеган заявил, что у него на руках другое письмо, в котором президент назвал своим выбором Трумэна (и Дугласа) – надо сказать, что оба эти письма не сохранились. Что удивило, также были выдвинуты⁵⁶ еще шестеро: сенатор от Алабамы Джон Бэнкхед, сенатор от Иллинойса Скотт Лукас, уже упомянутый выше Олбен Баркли, губернатор Северной Каролины Дж. Мелвилл Бротон, губернатор Индианы Пол Макнатт и губернатор Теннесси Прентис Купер.

В 1-м туре голосования никто нужного количества голов не набрал, но формально победил Уоллес – 429,5 голов (36,5 %); Трумэн получил 319,5⁵⁷ голов (27,1 %), остальные же набрали еще меньше. 2-й тур голосования должен был пройти в заключительный день работы съезда 21 июля. У группы Ханнегана для того, чтобы протолкнуть «своего миссурийца» в вице-президенты оставалась ночь и утро следующего дня. В это время и началась активная «обработка» делегаций. Некоторые биографы Трумэна⁵⁸ пишут, что партийные лидеры за ночь пытались убедить делегатов голосовать за Трумэна всяческими способами, включая угрозы, а иногда даже оказывали «большое давление»: «Никто точно не знает, сколько сделок было заключено, сколько постов и должностей было обещано, но, как сообщается, к наступлению утра генеральный почтмейстер Фрэнк Уокер позвонил каждому председателю каждой делегации»⁵⁹. Другие же исследователи⁶⁰ уверяют, что лидеры Нацкома не заключали «ночные сделки» с делегатами, а еще до того «поговорили с делегатами», заверив их, что «президент хочет Трумэна». А утром 21-го оказалось, что следившая за порядком чикагская полиция почему-то не пустила на арену съезда большое количество сторонников Уоллеса...

2-й тур голосования уже переломил тенденцию: Трумэн вдруг вырвался вперед, получив 477,5 голов делегатов, когда у Уоллеса было 473 голоса. При переключке делегации стали изъявлять желание изменить голоса после того, как сняли свои кандидатуры все остальные, кроме Купера (за него неизменно отдавали свои 26 голов делегаты родного Теннесси). Было решено провести 2-й тур снова – тогда стало ясно, что ночная «работа» с делегатами проведена была успешно, и Трумэн уверенно вырвался при переключке вперед. В итоге он набрал 1031 голос, а Уоллес – лишь 105 голов! Председатель съезда Джексон, будучи сторонником Уоллеса, скрепя сердце, вынужден был объявить Трумэна кандидатом в вице-президенты.

Газетные острословы с некоторой иронией назвали выдвижение Трумэна «вторым миссурийским компромиссом», памятуя об известном событии прошлого века. Ну а либералы в партии были явно разочарованы, и чтобы успокоить их ФДР анонсировал перевод Уоллеса, в случае победы в ноябре, в Кабинет (потом он действительно получит назначение на пост секретаря торговли США). Некоторые опасались, что кандидатура Трумэна ослабит партий-

ный тандем демократов. Но популярность Рузвельта позволила ему, а значит и Трумэну, быть избранным. Хотя обращало на себя внимание и то, что кандидат от республиканцев, молодой и перспективный нью-йоркский политик Томас Дьюи, выступил в ноябре 1944 г. куда лучше против ФДР, чем его три предшественника в 1932, 1936 и 1940 гг. – вероятно, сказываться начала, наконец, некоторая усталость американской нации от бессменного Рузвельта. Демократы также сохранили за собой Конгресс, получив 243 места в Палате представителей (против 190 у республиканцев и 2 независимых), и 57 – в Сенате (против 39 у республиканцев)⁶¹.

Так или иначе, 20 января 1945 г. 60-летний Гарри Трумэн был приведен на крыльце Белого дома (инаугурацию решено было провести тогда там – тоже впервые в истории, хотя по традиции она проходила на ступенях Капитолия США) к присяге в качестве вице-президента Соединенных Штатов. Короткое вице-президентство его прошло очень гладко и практически незаметно. За исключением заседаний Кабинета, он виделся лично с ФДР всего два раза. Правда, 10 апреля Трумэну пришлось прибегнуть к своим конституционным полномочиям в качестве президента Сената США, когда он отдал свой единственный решающий голос (такое бывает, когда голоса в Сенате разделяются поровну⁶²) против поправки Роберта А. Тафта из Огайо в Закон о Ленд-лизе (поправка предлагала немедленно после окончания войны свернуть все поставки по Ленд-лизу). Рузвельт практически не информировал Трумэна о своих важных решениях. Он даже не делился со своим вице-президентом информацией по главным инициативам, связанным с войной. Трумэн, например, даже не знал ничего о сверхсекретном «Манхэттенском проекте», в рамках которого в США шла разработка первой в мире атомной бомбы. Между тем, как-то раз СМИ все же обратили внимание на вице-президента – и не в связи с каким-либо достижением. Наоборот, событие грозило скандалом, когда Трумэн вдруг решил почтить присутствием похороны опального Тома Пендергаста 26 января. На скромной церемонии похорон дискредитировавшего себя бывшего партийного босса в родном Миссури вице-президент прямо ответил на удивленные реплики журналистов о том, что он тут делает: «Том всегда был моим другом, а я всегда был его другом»...

Какой же будет «трумэновская» Америка?

Малоопытному в большой политике президенту сразу же пришлось окунуться в нее с головой, принимая массу решений и столкнувшись с «русским фактором». С разгромом Германии в апреле-мае 1945 г. и окончанием Второй мировой войны в Европе сразу же возрас- тала роль СССР с его огромным военным потенциалом и популярностью среди населения освобожденных Красной армией стран Восточной Европы. Знающие Трумэна люди отметили, что относительно «русского фактора» после прихода его в Белый дом следует ждать изменения политики – и вот в каком ключе. Рузвельт не высказывался во время переговоров с советским руководством о коммунизме и каких-либо идеологических различиях двух систем. Вообще, его внешняя политика в отношении СССР была сугубо прагматична, неидеологична, точнее говоря, намеренно деидеологизирована. В Ялте, во время встречи с советским лидером Иосифом Сталиным⁶³ премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль⁶⁴ был недоволен уступчивостью Рузвельта и тем, что тот был буквально «очарован Сталиным». Рузвельт, фактически уступая СССР Восточную Европу, добился от Сталина обещания, как только закончится война с Германией, вступить в войну на Дальнем Востоке с Японией. Теперь Трумэну нужно было добиться подтверждения этого обещания, ведь война на Тихом океане продолжалась. Более того, президент уже знал о завершении «Манхэттенского проекта» и о том, что США обладают невиданным ранее по силе оружием.

То, что новым руководством Белого дома будет взят совсем иной курс в отношениях с Советами, стало ясно уже на совещании Кабинета (правительства США) 23 апреля. Трумэн тогда привлек в администрацию в качестве негласного советника по внешней политике своего

друга, небезызвестного Джеймса Бёрнса. Тот тогда же и заявил президенту, что «по его мнению, атомная бомба даст нам возможность продиктовать условия мира по завершению войны». Трумэн подвел итог совещанию: «Я намереваюсь быть твердым в моей политике к России»⁶⁵. В Белом доме в тот день принимали советского наркома иностранных дел Вячеслава Молотова⁶⁶ – это было знакомство его с новым американским руководством. Трумэна тогда уже инструктировала группа новых советников во главе с Бёрнсом. Президент сказал перед встречей с Молотовым судьбоносные слова: «До сих пор наши отношения с Советским Союзом представляли собой *улицу с односторонним движением*. Так дальше продолжаться не может. Поставить на этом точку надо теперь или никогда». Советский посол в США Андрей Громыко⁶⁷ позднее вспоминал о встрече Трумэна с Молотовым: в самом начале беседы Трумэн сразу же перешел в атаку, что было неожиданно, и Молотов даже растерялся, «что с ним случалось крайне редко». После тирады Трумэна он приготовился отвечать, но тут президент дал понять, что беседа закончена, попрощался и вышел. Молотов был явно встревожен⁶⁸.

Но на самом деле все только начиналось. Заместитель госсекретаря Д. Грю писал в меморандуме правительству 18 мая 1945 г.: «*Будущая война с Россией очевидна*, как может быть что-нибудь очевиднее на нашей земле. Она может разразиться в ближайшие несколько лет. Нам следует поэтому поддерживать в готовности наши вооруженные силы... Мы должны настаивать на контроле над стратегическими вооружениями и морскими базами». В мае 1945 г. командующий ВВС США генерал Г. Арнольд заявил в беседе с британским главным маршалом авиации Ч. Порталом: «Наш следующий враг – Россия... Для успешного использования стратегической бомбардировочной авиации нам нужны базы, расположенные по всему миру так, чтобы мы могли с них достичь любого объекта в России, который нам прикажут поразить»⁶⁹.

Уже 3 июля Бёрнс был назначен на важнейший пост госсекретаря. Назначение говорило о многом: Бёрнс был явным антикоммунистом (как, впрочем, его предшественник в Госдепартаменте, Эдвард Стеттиниус⁷⁰), и собирался в преддверии новой большой конференции держав Антигитлеровской коалиции в Потсдаме держаться с СССР предельно жестко, совсем не по-рузвельтовски. Нужно было только дождаться известий об успешном испытании атомной бомбы. 16 июля в штате Нью-Мексико, на специальном полигоне Аламогордо, такое испытание прошло⁷¹.

Трумэн в это время только прибыл в Европу, возглавляя американскую делегацию на Потсдамской конференции, которая открылась 17 июля. А уже 24 июля Трумэн уведомил Сталина о «некоем сокрушительном оружии, которым обладает США», и стало окончательно ясно, что американское руководство будет использовать атомную бомбу как средство давления на СССР, хотя формально страны еще были союзниками. Рождался так называемый «ядерный фактор» или «фактор бомбы», который в эпоху «Холодной войны» крепко обоснуется как во внутренней американской политике, так и во внешней – наряду с «русским фактором». Примечательно, что, если следовать дневниковым записям самого Гарри Трумэна, которые он вел в Потсдаме, он изначально готов был использовать новое оружие против Японии, чтобы разом окончить войну. Атомная бомба (ее сразу прозвали в Америке A-bomb) безусловно придала президенту уверенности. И общественность его поддерживала. Первый же замер рейтинга нового президента, проведенный Gallup⁷² 29 мая 1945 г., дал Трумэну 86 % поддержки. С таким рейтингом можно было смело думать на перспективу, что Трумэн, очевидно, и стал делать, прощупывая в Потсдаме почву относительно грядущих выборов. Конференция длилась до 2 августа, и президент успел немного посмотреть Европу. Его провезли по Берлину, разделенному на зоны оккупации (восточную – советскую, и еще 3 западных – британскую, французскую и американскую), он посетил штаб командования в американской зоне оккупации Германии.

«Фактор Эйзенхауэра»

Там он впервые встретился с бывшим главнокомандующим союзными войсками в Западной Европе, командующим Вторым фронтом, генералом армии⁷³ Дуайтом Эйзенхауэром. Командованию американскими силами в Европе к тому времени также сообщили об успешном испытании атомной бомбы. Президента сопровождал в той инспекционной поездке по оккупированной Германии военный секретарь Генри Стимсон⁷⁴. Именно он сообщил о бомбе Эйзенхауэру. И между ними состоялся примечательный разговор, в котором генерал неожиданно проявил себя как проницательный и дальновидный деятель. Эйзенхауэр, в частности, выразил надежду, что Америка «никогда не применит такое оружие против любого врага, так как ему было бы неприятно видеть Соединенные Штаты в роли инициатора использования в войне столь ужасного и разрушительного средства». Более того, у него «теплилась некоторая надежда, хотя и ошибочная, что если мы (то есть США – Д.О.) никогда не применим это оружие в войне, то другие народы, возможно, останутся в неведении относительно того, что проблема расщепления атома уже решена». Как писал Эйзенхауэр в мемуарах, он тогда «конечно не знал, что в производство этого оружия была вовлечена целая армия ученых, и что тайну в этом важном вопросе невозможно сохранить более или менее длительное время. Во всяком случае было принято решение, что если Япония не пойдет на быструю капитуляцию в соответствии с требованиями, переданными японскому правительству из Потсдама, то план использования атомной бомбы будет исполнен»⁷⁵.

В разговоре с президентом Трумэном генерал пошел дальше. Он, например, рискнул высказать личные соображения относительно намерений русских вступить в войну против Японии. Генерал, сославшись на имеющиеся сведения о неизбежном скором крахе Японии, сказал, что «категорически возражает против вступления Красной Армии в эту войну». Он, как потом писал сам, уже тогда «предвидел определенные трудности, которыми будет сопровождаться участие русских в войне». Под трудностями, очевидно, имелось в виду усиление СССР в регионе Восточной Азии, что в итоге и произошло. К тому же, генерала не слишком радовало, что Америка может на конференции поставить «себя в положение упрасивающей или умоляющей русских о помощи». Далее он обратился к президенту с просьбой, чтобы США сохранили некоторую гибкость в вопросе прекращения операций в рамках Ленд-лиза с французами и англичанами – например, он просил, чтобы не было никакого «одностороннего и внезапного прекращения помощи по Ленд-лизу французам и англичанам»⁷⁶.

Личность командующего американской зоной оккупации Германии в данном контексте примечательна тем, что на него сразу обратил внимание президент, оценивающий *политический потенциал* военачальника. Эйзенхауэр вошел в так называемую «тройку героев войны», куда СМИ и общественное мнение, кроме него, включали также двух других наиболее популярных на тот момент военачальников США: главнокомандующего на Азиатском театре, генерала армии Дугласа Макартура⁷⁷, и адмирала флота Честера Нимица⁷⁸. По воспоминаниям Эйзенхауэра, Трумэн (а они ехали в момент разговора в машине) вдруг начал обсуждать будущие планы некоторых американских генералов, – в том смысле, а не пойдет ли кто-нибудь из них в политику? Речь внезапно зашла и об Эйзенхауэре. Он ответил, что не имеет «никаких честолюбивых замыслов», и будто бы хочет «уединиться в тихом домике и оттуда делать то небольшое, чтобы помочь нашему народу понять те большие перемены, которые принесла миру война». Трумэна он охарактеризовал как «искреннего и честного, исключительно приятного человека». В какой-то момент президент обернулся к Эйзенхауэру и прямо сказал: «Генерал, я всегда готов помочь вам во всем, что бы вы не попросили, в том числе и *при выдвижении вашей кандидатуры* на пост президента в 1948 году».

По воспоминаниям Эйзенхауэра, он был «неожиданно поражен в сокровенных чувствах, и тем ошеломляющим предложением своего президента, высказанным со столь очевидной искренностью». Ему, впрочем, как он сам рассказывал, и раньше в беседах с друзьями в шуточной форме предлагались варианты возможной политической карьеры, который он всегда отвергал. И тогда, в Германии, ему не оставалось ничего иного, как воспринять это как «прекрасную шутку». «Я надеялся, что это именно шутка. Искренне посмеявшись, я ответил: “Господин президент, я не знаю, кто будет вашим оппонентом на президентских выборах, но только не я”», – вспоминал он⁷⁹.

В том историческом разговоре президент проявил удивительную политическую расчетливость в поисках возможных будущих, пусть еще совсем гипотетических, оппонентов и, должно быть, укрепился во мнении о своем «особом предназначении».

«Русский фактор» теперь навсегда!

Именно после возвращения из Европы президент Трумэн начинает демонстрировать все больше решимости в своих действиях. 6 августа, получив известия о скором вступлении Советского Союза в войну с Японией, он отдает приказ об использовании атомной бомбы. Первая такая бомба была сброшена на Хиросиму. А уже 8 августа СССР вступает в войну. Словно бы желая обогнать Сталина и не дать ему присвоить лавры победителя еще и на Востоке, Трумэн отдает приказ сбросить 9 августа атомную бомбу на Нагасаки. Чудовищные удары, унесшие десятки тысяч жизней мирного населения, сыграли свою роль – 14 августа Япония запросила мира. Но коммунистический натиск это не остановило: СССР к тому времени занял Манчжурию, где соединился с силами коммунистической Народно-Освободительной Армии Китая. Корейские коммунистические отряды вместе с Красной Армией выходили к 38-й параллели на Корейском полуострове, а во французском Индокитае после освобождения его от японцев набирали силу коммунистические же повстанцы.

Наступление коммунизма шло и в Восточной Европе, где у СССР было сосредоточено несколько миллионов солдат – в некоторых занятых Красной Армией странах региона Москвой уже созданы были «правительства», вполне готовые взять власть. Такая «красная волна» все больше пугала Бёрнса и Трумэна. Президент решительно был готов изменить всю прежнюю стратегию поведения Америки с бывшим союзником. Хорошо знавшие Трумэна сотрудники администрации напоминали, что для него не существовало особой разницы между коммунизмом и фашизмом, о чем он дал знать уже в Потсдаме. Еще будучи сенатором, Трумэн уже неприкрыто демонстрировал свой скептицизм относительно русских. «Став президентом, Трумэн ощущал гораздо в меньшей степени, чем Рузвельт, эмоциональную обязанность хранить единство союзников; для выходца из изоляционистского Среднего Запада единство между союзниками было скорее предпочтительным с практической точки зрения, чем эмоционально или морально необходимым. Не испытывал Трумэн и преувеличенного восторга по поводу военного партнерства с Советами, на которые он всегда взирал с величайшей осторожностью. Когда Гитлер напал на Советский Союз, тогда еще сенатор Трумэн оценивал обе диктатуры как морально эквивалентные друг другу и рекомендовал, чтобы Америка поощряла их сражаться насмерть: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы обязаны помогать России, если будет побеждать Россия, то мы обязаны помогать Германии, и пусть таким образом они убивают друг друга как можно больше, хотя мне ни при каких обстоятельствах не хотелось бы видеть победителем Гитлера. Ни один из них ни во что не ставит данное им слово»⁸⁰.

На проходившей в Лондоне с 11 сентября по 2 октября встрече министров иностранных дел стран-победительниц (Великобритании, США, Франции и СССР) госсекретарь Бёрнс прямо и довольно-таки недипломатично заявил об отказе США признавать такие спешно созданные при Красной Армии «коммунистические правительства» в Болгарии, Венгрии и

Румынии, а тем более – обсуждать с ними какие-либо мирные переговоры. Соединенные Штаты настояли на немедленном проведении в странах Восточной Европы свободных выборов⁸¹.

С каждым месяцем, правда, становилось все яснее, что понимания между вчерашними союзниками в войне уже нет. И пока американцы массово радовались окончанию войны, в Белом доме формировали «стратегию сдерживания коммунизма», которая будет довольно интересным образом проецироваться и на внутреннюю политику страны. Полностью созвучной мыслям госсекретаря Бёрнса и президента оказалась поступившая в Вашингтон 22 февраля 1946 г. так называемая «длинная телеграмма» выдающегося русиста и советолога, опытного дипломата Джорджа Фроста Кеннана⁸². На основе этой «длинной телеграммы», представлявшей из себя секретный (на тот момент) доклад о намерениях СССР после войны и характере «мирового коммунизма», Кеннан позднее (в июле 1947 г.) написал большую статью под названием «Истоки советского поведения», опубликовав ее анонимно (за подписью «Х») в авторитетном журнале «Foreign Affairs».

Будучи ярким противником коммунизма, Кеннан был также убежден в невозможности сотрудничества с СССР, потому как «никогда Москва искренне не признает общности целей Советского Союза и стран, которые она считает капиталистическими. По всей вероятности, в Москве полагают, что цели капиталистического мира антагонистичны советскому режиму и, следовательно, интересам народов, контролируемых им. Если время от времени советское правительство ставит свою подпись под документами, в которых говорится обратное, то это надо понимать как тактический маневр». Он пишет, что в основе советского поведения «остается антагонизм». Антагонизм этот «постулируется, становится источником многих проявлений внешней политики Кремля, которые вызывают у нас (то есть в США – Д.О.) беспокойство: скрытности, неискренности, двуличия, настороженной подозрительности и общего недружелюбия. В обозримом будущем все эти проявления, по-видимому, сохранятся».

Потому, как пишет автор, Америке «еще долго придется испытывать трудности в отношениях с русскими». С ними надо быть, пишет Кеннан, очень осторожными, ведь большевистское руководство, «может в тактических целях выдвигать любой тезис, который считает полезным для дела в данный момент, и требовать преданного и безоговорочного согласия с ним всех членов движения в целом», что порождает невероятную сплоченность рядов коммунистов и их приверженность спущенной сверху идеологии. Истина или идеология в этом случае «не неизменна, а фактически создается самими советскими лидерами для любых целей и намерений. Она может *изменяться каждую неделю или каждый месяц*. Она перестает быть абсолютной и непреложной и не вытекает из объективной реальности». Потому, пишет автор, «иметь дело с советской дипломатией одновременно и легче, и труднее, чем с дипломатией таких агрессивных лидеров, как Наполеон или Гитлер. С одной стороны, она более чувствительна к сопротивлению, готова отступить на отдельных участках дипломатического фронта, если противостоящая ей сила оценивается как превосходящая и, следовательно, более рациональная с точки зрения логики и риторики власти. С другой стороны, ее непросто одолеть или остановить, одержав над ней одну единственную победу. А настойчивое упорство, которое движет ею, говорит о том, что успешно противостоять ей можно не с помощью спорадических действий, зависящих от мимолетных капризов демократического общественного мнения, но только с помощью продуманной долговременной политики противников России, которая была бы не менее последовательной в своих целях и не менее разнообразной и изобретательной в средствах, чем политика самого Советского Союза».

После всего этого Кеннан прямо формулирует *стратегию сдерживания*:

«Краеугольным камнем политики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу, несомненно, должно быть длительное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских тенденций России. <...>

В свете сказанного становится ясно, что советское давление на свободные институты западного мира можно сдержать лишь с помощью искусного и бдительного противодействия в различных географических и политических точках, постоянно меняющихся в зависимости от сдвигов и перемен в советской политике, но его нельзя устранить с помощью заклинаний и разговоров. Русские ожидают бесконечного поединка и считают, что уже добились больших успехов».

Противостояние должно развернуться, по мнению Кеннана, буквально по всему миру и в сфере пропаганды, поскольку «идеологическое воздействие советской власти в настоящее время *сильнее за пределами России*, куда не могут дотянуться длинные руки советской полиции».

Для автора «совершенно очевидно, что в обозримом будущем вряд ли можно ожидать политического сближения между Соединенными Штатами и советским режимом. Соединенные Штаты и впредь должны видеть в Советском Союзе не партнера, а соперника на политической арене. Они должны быть готовы к тому, что в советской политике найдет отражение не абстрактная любовь к миру и стабильности, и не искренняя вера в постоянное счастливое сосуществование социалистического и капиталистического мира, *а осторожное и упорное стремление подорвать и ослабить влияние всех противостоящих сил и стран*».

Само сдерживание, по мнению Кеннана, надо проводить решительно, ведь «Россия по сравнению с западным миром в целом все еще слабая страна, что советская политика отличается большой неуравновешенностью», а «в советском обществе, возможно, кроются пороки, которые в конечном счете приведут к ослаблению его общего потенциала».

Соединенным Штатам, действуя в данном ключе идеологического противостояния, требуется не только «распространять информацию в Советском Союзе и других коммунистических странах», но и создавать у всего мира «представления о Соединенных Штатах как о стране, которая знает, чего хочет, которая *успешно справляется со своими внутренними проблемами и обязанностями великой державы*, и которая обладает достаточной силой духа, чтобы твердо отстаивать свои позиции в современных идеологических течениях».

Вообще же, прибегая таким образом к «решительному сдерживанию», США, по мнению автора, «имеют реальную возможность значительно ужесточить условия, в которых осуществляется советская политика, заставить Кремль действовать более сдержанно и осмотрительно». Все советско-американские отношения Кеннан называет «пробным камнем международной роли Соединенных Штатов как государства». А чтобы избежать поражения, «Соединенным Штатам достаточно быть на высоте своих лучших традиций и доказать, что они достойны называться великой державой»⁸³.

Так родилась стратегия Бёрнса – Трумэна – Кеннана, стратегия «сдерживания коммунизма», которая так или иначе предопределила всю последующую политику США в «Холодной войне». А отношения с СССР тем временем продолжают ухудшаться. В марте 1946 г. СССР предложил Вашингтону заключить советско-американский договор о дружбе, торговле и навигации. Одновременно с этим велись переговоры об условиях предоставления Советскому Союзу американского кредита в 1 млрд долл. на восстановление экономики. Но договор так и не был подписан, а Белый дом тогда же прекратил и переговоры о предоставлении кредита СССР⁸⁴. Эти решения администрации Трумэна широко освещались в СМИ, начиная формировать определенного рода общественную атмосферу. Тогда же антикоммунизм буквально захлестывает общественную среду в Америке – поводом стало широко освещаемое как по радио, так и по молодому американскому телевидению выступление британского экс-премьера У. Черчилля в маленьком городке Фултон в родном для Трумэна штате Миссури 5 марта. Местом произнесения этой эпохальной речи определили Вестминстерский колледж.

Помимо ставших широко известными слов о советском «железном занавесе, опустившемся на Европу от Балтики до Адриатики», Черчилль сказал и много чего еще. Например, о

том, что «в целом ряде стран по всему миру, хотя они находятся вдалеке от русских границ, создаются коммунистические пятые колонны, действующие удивительно слаженно и согласованно, в полном соответствии с руководящими указаниями, исходящими из коммунистического центра. Коммунистические партии и их пятые колонны во всех этих странах представляют собой огромную и, увы, растущую угрозу для христианской цивилизации, и исключением являются лишь Соединенные Штаты Америки и Британское Содружество наций, где коммунистические идеи пока что не получили широкого распространения».

Он также указал на тревожное положение дел на Дальнем Востоке и особенно в Маньчжурии, явно имея в виду наступление коммунистических сил в Китае и на севере Кореи. Условия Ялтинского соглашения он назвал «чрезвычайно выгодными для Советской России», вероятно, потому что они позволили СССР закрепиться по всей Восточной Европе. Коммунистическое наступление по миру Черчилль назвал «зловещей тенью, которая нависла над нашим миром как на Западе, так и на Востоке». При этом, по его мнению, «Советская Россия не хочет новой войны, скорее она хочет, чтобы ей досталась побольше плодов прошлой войны, и чтобы она могла бесконечно наращивать свою мощь с одновременной экспансией своей идеологии».

Главная задача Запада, по мнению Черчилля, состоит «в предотвращении новой войны и в создании во всех странах необходимых условий для развития свободы и демократии». Решить эту задачу нужно «как можно быстрее», и западным странам «нельзя уйти от трудностей и опасностей» в этом вызове. Он предостерег от «политики бесконечных уступок и компромиссов», призвав к «твердой и разумной политике соглашений и договоров на взаимоприемлемой основе». Начать ее следовало немедленно, ведь «чем дольше мы будем с этим медлить, тем больше новых трудностей и опасности у нас возникнет». Твердость, прежде всего, военная, по мнению Черчилля, была необходима потому, что, общаясь в годы войны с русскими, тогда еще «друзьями и союзниками», он пришел к выводу, что «больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную». Вообще же, добиться предотвращения войны и сдержать русских, по его мнению, можно было лишь путем налаживания сотрудничества через создаваемую тогда ООН, а «поддержание таких отношений в течение многих и многих мирных лет должно обеспечиваться не только авторитетом ООН, но и всей мощью США, Великобритании и других англоязычных стран и их союзников»⁸⁵.

Надо сказать, что бывшему британскому премьеру после этого рукоплескали все правые круги США, включая не только консервативных демократов, но и почти всех республиканцев, а кроме того, его поддержали, что сразу бросилось в глаза, еще и многие традиционные сторонники Рузвельта и «Нового курса», – далеко не только одни умеренные демократы, но и либералы. Самому оратору в Фултоне устроили овацию стоя. Президент превозносил Черчилля, а Республиканская партия неожиданно резко повернулась от изоляционизма к интервенционизму⁸⁶ демократов. К тому же, то, что американское общественное мнение все больше *правело* и отходило от прежней своей симпатии к «доблести русского народа и Красной Армии», что наблюдалось еще совсем недавно, в военные 1942 и 1943 годы, подтверждали теперь опросы. Еще в декабре 1945 г., почти сразу после окончания Второй мировой войны, 38 % опрошенных американцев сказали, что «новая мировая война будет в ближайшие 25–30 лет». А весной 1946 г. колоссальный резонанс выступления Черчилля в Фултоне вызвал новые изменения в настроениях простых американцев. Так, 58 % опрошенных американцев ответили, что «целью советской внешней политики в мире является доминирование», и только 29 % ответили – «защита»⁸⁷. Дальше напуганных советской угрозой обывателей становилось все больше...

Внутренние проблемы

На таком фоне проблемы для администрации стала создавать внутренняя политика. Казалось, США выходили из войны абсолютными победителями и экономическими сверхгигантами, на что указывали объективные вещи: потеряв в войну ок. 300 тыс. чел. убитыми и более 670 тыс. чел. ранеными, США увеличили национальный доход с 73 млрд долл. в 1939 г. до 181 млрд долл. в 1945 г.; только военные контракты составляли 175 млрд долл., а чистая прибыль корпораций перевалила за 70 млрд долл. В 1945 г. США производили до 60 % промышленной продукции в мире, давали 50 % мировой добычи угля, 64 % мировой добычи нефти, 53 % – выплавки стали, 63 % – производства кукурузы, 17 % – зерна. Более того, 1/3 всего экспорта в мире приходилась на США, а страна сосредоточила у себя 2/3 всего мирового золотого запаса! Бреттон-Вудская конференция 1944 г. учредила мировую систему золото-долларового стандарта, закрепив за долларом США роль мировой свободно-конвертируемой валюты – он стал главной расчетной денежной единицей для мировых банковских операций (было установлено неизменное золотое содержание – 35 долл. за 1 унцию золота). США сделали крупнейший золотовалютный взнос в резервы создаваемых тогда Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР)⁸⁸.

Но одновременно с этим были и негативные моменты – госдолг США за годы войны вырос с 40 млрд долл. до 258 млрд долл. Главное же, с февраля по октябрь 1945 г. в стране происходил спад – рецессия, ставшая прямым результатом демобилизации после Второй мировой войны и резкого падения военного производства. Государственные расходы также сократились, а внутренние инвестиции рухнули почти в 4 раза. Главный показатель здоровья Уолл-стрит, индекс Dow Jones, вырос за это время только на 19,2 % (с 153,79 пунктов на 1 февраля до 183,37 пп на 1 октября 1945 г.). Процентные ставки были низкими, но с 1943 г. до конца войны в 1945 г. стоимость жизни из-за жестких регуляторных мер правительства выросла менее чем на 1,5 %⁸⁹. В ноябре 1945 г. президент подписал закон о поэтапном сокращении налогов на 6 млрд долл. и к тому же отменил регулирование экономики, действовавшее в период войны. Отменен был и контроль за ценами (кроме цен на зерно), что быстро начало раскручивать в стране инфляцию: в 1945 г. инфляция составила уже все 8 %! Сворачивание огромного военного производства и реконверсия экономики, демобилизация почти 10 млн солдат рисковали еще и всплеском безработицы уже в ближайшее время, что и произошло. С 1,2 % в 1944 г. безработица выросла до 1,9 % в 1945 г., а в послевоенном 1946 г. – и вовсе подскочила до 3,9 %⁹⁰. После отмены регулирования цен и зарплат в стране резко стало нарастать забастовочное движение. В октябре 1945 г. бастовали 43 тыс. рабочих нефтяных заводов, а в ноябре забастовали уже 225 тыс. членов профсоюза Объединенных автомобильных рабочих (United Automobile Workers / UAW), входящего в КПП.

В январе 1946 г. эта волна просто захлестнула страну: сначала бастовали 174 тыс. членов профсоюза электриков, потом – 93 тыс. упаковщиков мясной продукции, но хуже всего стало, когда забастовку с требованием повышения зарплат⁹¹ и против политики увольнений начали 750 тыс. рабочих сталелитейной промышленности! Администрация Трумэна, впрочем, решив продолжать идеологический курс Рузвельта, и не собиралась отказываться от ответственности за поддержание в стране полной занятости и стимулирования спроса. В феврале 1946 г. Конгресс принял с подачи президента Закон о полной занятости. В соответствии с ним, при президенте США создавался особый Экономический совет, важнейшей функцией которого стала подготовка ежегодного экономического доклада президента Конгрессу. «Закон возложил на федеральное правительство ответственность за использование его ресурсов для устранения

возможных рецессий и трансформировал проблему сознательного государственного вмешательства в национальное благосостояние из плоскости “стоит ли”, в плоскость “как”»⁹².

Так или иначе, большой бизнес был недоволен, обвиняя профсоюзы в нарушении договоренностей военного периода, когда менеджмент компаний разрешал профсоюзам проводить мелкие забастовки и даже давал согласие на закрытое членство в рабочих организациях, когда профсоюзы не разглашали данные о своих членах. В ответ бизнес требовал полной ответственности профсоюзов за трудовую дисциплину. Теперь, когда бастовали уже сотни тысяч, многие компании начали увольнять бастующих, что еще больше накаляло обстановку. Обыватели тоже были недовольны: согласно Gallup, рейтинг одобрения президента Трумэна упал с 63 % в опросах в январе 1946 г. до 45 % к июню. К тому времени по всей стране уже бастовали рабочие-шахтеры, инженеры-путейцы и железнодорожники. Недовольные промедлением администрации с отпуском цен на зерно фермеры несколько месяцев вообще отказывались продавать государству зерно, что подстегнуло цены на хлеб⁹³ в городах. На Белый дом справа, от республиканцев и демократов-южан, посыпались упреки в мягкости по отношению к бастующим и неэффективности управления. Президент, поддаваясь давлению критиков, стал даже грозить применением против бастующих частей регулярной армии! Все эти заботы легли на плечи еще одного «миссурийца» в администрации Трумэна, его личного помощника Кларка Клиффорда⁹⁴. Этот молодой адвокат (ему было всего 39 лет) был в феврале назначен на должность 2-го советника в Белый дом (1-м и главным советником был пресс-секретарь президента, старый друг Трумэна Чарльз Гриффит Росс).

Вызов Генри Уоллеса, и антикоммунистическая истерия как фон начала кампании

Хотя железнодорожную забастовку 1946 г. удалось урегулировать, главным внутренним врагом в среде крупного бизнеса и близких к ним элит названы были профсоюзы, симпатизирующие... коммунистам. Потом риторика ужесточилась: оказывается, это коммунисты и управляют из-за кулис профсоюзами, утверждали правые. В первую очередь это якобы касалось Конгресса производственных профсоюзов (КПП), достаточно левого по своей политике, в гораздо меньшей степени – Американской федерации труда (АФТ), чей секретарь-казначей Джордж Мини⁹⁵, нью-йоркский ирландец-католик, был сам убежденным антикоммунистом. Вскоре спектр еще сместился – главным внутренним врагом и дестабилизирующим общество фактором были объявлены уже непосредственно сами коммунисты. И это притом, что в стране с 1919 г. вполне открыто действовала Коммунистическая партия (до 1929 г. она называлась Рабочей партией Америки), членами которой были десятки тысяч человек. ФБР и раньше вело за ней слежку, но теперь внимание к партии стало еще более пристальным. Все более настроенными к левым становились представители американского среднего класса. В июне 36 % опрошенных высказывались за то, чтобы «принять строгие меры по отношению к коммунистам, избавиться от них, депортировать и посадить в тюрьму»; 16 % высказывались за то, чтобы «усмирить коммунистов, держать из подальше от органов госуправления»; правда, столько же высказалось за то, чтобы «ничего не делать в отношении коммунистов»; 7 % ответили: «Позвольте коммунистам нести свой бред, но наблюдайте за ними», но 25 % опрошенных вообще сказали, что у них нет мнения по этому вопросу. Большинство (40 %) из тех, кто высказывался за самые строгие меры к коммунистам, были фермеры, а бизнесменов было среди них 36 %, и конторских служащих – 34 %. Удивляет то, что в эту группу вошло также 37 % рабочих⁹⁶.

Серьезность разворачивающихся в стране процессов выразилась еще и в том, что именно тогда же, летом 1946 г., созданный еще в 1934 г. временный Комитет Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee)

получил статус постоянного. У Комитета были серьезные полномочия вмешиваться в работу не только профсоюзов и иных общественных организаций, но и в личную жизнь граждан, изучая и выявляя «действия, способные нанести вред интересам США». Последняя формулировка была весьма размытой, а потому под «действия, способные нанести вред...» при желании можно было вообще отнести любую общественную, политическую и даже творческую деятельность практически каждого законопослушного гражданина. Либеральные круги рузвельтовского призыва не могли смириться с новым очевидным реакционным трендом во внутренней и внешней политике. Они нашли своего потенциального лидера в бывшем вице-президенте, а теперь секретаре торговли, 58-летнем Генри Уоллесе⁹⁷.

Будучи профессиональным фермером и аграрием-практиком, Уоллес на политической арене (а начал он политическую деятельность очень рано, еще до Первой мировой) был довольно непоследователен в плане партийной принадлежности, но сам он уверял всегда, что был стойким либералом и прогрессистом – вне зависимости от членства в какой-либо партии. Враги, которых у него было немало, каждый раз напоминали, что он все-таки слишком уж часто менял партии: так, до 1924 г. он входил в Республиканскую партию, но на выборах того года открыто поддержал Прогрессивную партию. Крупное хозяйство в Айове и славная история семейного бизнеса, а также лоббирование идей интенсификации выращивания кукурузы сделало Генри Уоллеса влиятельной фигурой в штате. В 1932 г. его привлекла кандидатура Рузвельта и программа Демократической партии, точнее ее обещания покончить с «Великой депрессией», ведь «Новый курс» выработывался уже позднее, при участии самого Уоллеса. Он активно включился в кампанию за ФДР в Айове, всяческим образом продвигая идею и необходимость принятия федерального законодательства, обязывающего правительство продавать и экспортировать излишки сельхозпродукции на внешних рынках, чтобы спасти фермерство от полного разорения. Примечательно, что уже тогда воззрения Уоллеса в аграрной сфере полностью разделял и Рузвельт, что очень сблизило их, так что Уоллес мог смело рассчитывать на место в будущем Кабинете. После уверенной победы Рузвельт назначил Уоллеса секретарем США по сельскому хозяйству (эту должность он занимал до 4 сентября 1940 г.). На этом посту Уоллес стал главным проводником политики «Нового курса» в сфере сельского хозяйства, находившегося на краю гибели. Как секретарь он сделал очень много для нового понимания либерализма в американской политике, что сразу сделало его кумиром левых кругов наряду с самим президентом.

Так, Уоллес пролоббировал принятие 12 мая 1933 г. Законопроекта о помощи фермерам. Его принципом было регулирование сельского хозяйства, и он ставил главной целью поднять уровень цен таким образом, чтобы их паритет (*равное соотношение* цен продаваемой фермерами сельхозпродукции и покупаемой фермерами промышленной продукции) соответствовал паритету цен за 5 лет до Первой мировой войны, в период 1909–1914 гг. (в первую очередь, речь шла о ценах 1914 г.). Теперь фермеры, которые *добровольно соглашались* ограничить объемы производства или уничтожить часть урожая, получали премии от государства, что вызвало шок в правоконсервативных, тоже в основном аграрных, кругах, особенно в Глубоком Юге⁹⁸. Ранее американское федеральное правительство никогда таким образом не вмешивалось в фермерскую политику. Компенсации фермерам, согласно принципу, прописанному в Законопроекте, поступали из особого федерального фонда, созданного из налога на первичную переработку сельхозпродукции, то есть Законопроект этот предполагал введение нового налога, что также вызвало резкое недовольство у консерваторов. Ключевыми мерами *Закон о регулировании сельского хозяйства 1933 г.* объявлял сокращение посевных площадей и уничтожение произведенных излишков продукции. За первый год действия этого закона площадь под пшеницей была сокращена на всей территории США на 7,5 млн акров, 10 млн акров под хлопком была перепажана заново, а 6,2 млн поросят были истреблены, поскольку не могли быть проданы. В 1934 г. сбор хлопка в США сократился по сравнению с 1933 г. более чем на 25 %,

урожай кукурузы – более чем на 40 %, и это были федеральные ограничения! *Закон о помощи фермерам 1933 г.* создавал механизм рефинансирования всех фермерских долгов, о чем уже говорилось выше. Консерваторы были в ярости, и в апреле 1936 г. Верховный суд США признал Закон о регулировании сельского хозяйства антиконституционным. Но было уже поздно, большинство его мер были реализованы к тому времени, но у правых теперь появился личный враг – секретарь сельского хозяйства Уоллес. Для них он стал «врагом № 2» после Рузвельта. Далее Уоллес в марте 1936 г. добился разработки и принятия Закона сохранения плодородия почв и Закона о квотах для внутреннего рынка – еще одного примера прямого вмешательства федерального правительства в аграрную сферу. Уоллес настаивал, чтобы и тут целью правительства было искусственными мерами прямого вмешательства поднятие цен на продукцию, поставляемую на рынок крупными фермерами. Однако при этом применялся другой способ достижения этой цели. Учитывая предыдущий опыт, когда крупные фермеры часто злоупотребляли правительственными субсидиями, теперь премии фермерам, соблюдавшим условия закона – то есть квотирование продукции, – были уже дифференцированными, в зависимости от плодородия, изъятых из обработки почв, а не только от размера сокращаемых фермерами площадей. Средства теперь аккумулировались не за счет особого налога, а выделялись из федерального бюджета в размере 500 млн долл. в год.

Но и на этом Уоллес не остановился – в 1938 г. он способствовал принятию нового Закона о регулировании сельского хозяйства, усиливающего регулирующие функции государства, и вводящего концепцию «постоянной нормальной житницы». Согласно ей, поддержание паритета цен достигалось не путем уничтожения излишков продукции, а ее сохранения, и сопровождалось выплатами фермером в счет еще непроданной продукции. Это было нечто невиданное в сфере аграрной политики в США: правительство, проводя политику демпинга за границей, таким образом искусственно стимулировало экспорт пшеницы и хлопка выдачей важных премий на внутреннем рынке, для внутренних же поставщиков! Процесс разорения ферм остановился, долги фермеров уменьшились на 2 млрд долл., доходы фермеров, включая государственные премиальные платежи, выросли с 4,7 млрд долл. в 1932 г. до 8,5 млрд долл. в 1939 г., а паритет цен в 1936–37 гг. поднялся до 92 % уровня 1914 гг.⁹⁹

После всего этого Уоллес зарекомендовал себя выдающимся специалистом в сфере аграрной политики и заставил говорить о себе как о возможном будущем напарнике ФДР. Тем более, что в Кабинете он стал едва ли не «правой рукой» ФДР или «помощником президента». В 1940 г. Рузвельт действительно выдвинул Уоллеса в вице-президенты США, и вместе они были избраны. На этом этапе деятельность «главного либерала в правительстве» вышла на международный уровень – Уоллес стал курировать отношения с союзниками США в войне, он стал заниматься организацией военной промышленности в качестве председателя Совета по военной экономике (BEW) и Совета по приоритетам и распределению поставок (SPAB).

Рос и политический вес вице-президента. 8 мая 1942 г. в Нью-Йорке он произнес свою самую знаменитую речь – «Век простого человека», ставшую манифестом американского либерализма¹⁰⁰. Войну с нацизмом он определил как идеологическую – войну за свободу во всем мире, войну между свободными странами (куда отнес, к слову, и СССР) и «странами рабства». С Германией и ее сателлитами он призвал «беспощадно бороться до полной победы». «Победа в войне должна обеспечить новый день для любителей свободы повсюду на этой земле». После победы, по его мнению, в мире должен был настать «век демократий, век простого человека». Идея демократии, согласно Уоллесу в той речи, должна обязательно воплощаться через социальную справедливость. Именно идеями социальной справедливости руководствовались все великие революции Нового времени, начиная от Американской в 1776 г., заканчивая Русской в 1917 г. Через революции лежит «путь к свету», когда «многие простые люди научились думать и работать вместе». «Народная революция нацелена на мир, а не на насилие, но если

права обычного человека нарушаются, это высвобождает ярость медведицы, потерявшей детеныша», – сурово предупреждал Уоллес.

В своем либерализме он шел дальше самого Рузвельта, говоря, что провозглашенные президентом в его послании Конгрессу 6 января 1941 г. знаменитые «четыре свободы» являются ядром не иначе как... революции! «Некоторые говорили об «Американском веке». Я говорю, что век, в который мы вступаем, – век, который возникнет после этой войны, – может быть, и должен быть веком простого человека, – восклицал Уоллес. – Придет время мира, и гражданин снова будет обязан; на потребителя возложена обязанность – высшая обязанность пожертвовать меньшим ради большего – ради *интересов общего благосостояния*. <...> Не может быть привилегированных народов».

Вскоре он с дипломатическими поручениями от ФДР объездил Центральную и Южную Америку, где выступал перед публикой на испанском языке, имея большой успех. При этом историк Артур Шлезингер как-то назвал Уоллеса «лучшим секретарем сельского хозяйства в стране», но одновременно и... «неисправимо наивным политиком»¹⁰¹. Вокруг фигуры вице-президента закрадывалось противоречие, сказывавшееся уже в те годы, во время войны. В мае 1944 г. ФДР отправил Уоллеса как своего эмиссара в огромный тур по Советскому Союзу и Китаю. И надо сказать, что приезд из СССР *подмочил* репутацию вице-президента, но и одновременно в преддверии выборов заставил всерьез заволноваться правых. По словам Уоллеса, побывав в самых зловещих на тот момент местах Советского Союза, в Магадане и на Колыме, он «не увидел там каких-либо ужасов рабского труда». Наоборот, у него сложилось впечатление, что вся работа там (по крайней мере, в тех из немногих лагерей, которые ему показывали советские власти) выполняется... «добровольно». Более того, он был сам настолько впечатлен одним трудовым лагерем в Магадане, что сравнил его с некоторыми учреждениями Рузвельта, и описав тот магаданский лагерь как... «смесь Управления ресурсами Долины Теннесси и Компании Гудзонова залива»¹⁰². Последнее высказывание уже тогда вызвало у американской общественности немало недоумения. Тем больше недоумения оно вызывает сегодня, когда доступным стал большой объем информации о системе советских исправительно-трудовых лагерей – ГУЛАГе, и с каждым годом информации о чудовищных преступлениях, творившихся там, становится все больше. В общем, Уоллес остался под таким впечатлением от теплого приема, оказанного ему в Советском Союзе, что стал даже с почтением отзываться о Сталине и всей советской системе, подобно другим представителям левой западной интеллигенции, наивно восторгавшихся политикой советского руководства на фоне страшного голода 1930-х годов и «Московских процессов над оппозицией»¹⁰³...

В то же время противоречив, непоследователен и довольно эксцентричен был Генри Уоллес и в религиозной сфере. Будучи крещеным в Пресвитерианской церкви, он не боялся открыто проявлять интерес к самым разным религиозным учениям, даже далеко не самым respectable. Он проявлял интерес к зороастризму, мистическим учениям. Он покинул Пресвитерианскую церковь и начал, например, регулярно посещать собрания одиозного Теософского общества, какое-то время был прихожанином малоизвестной Либеральной католической церкви, потом покинул и ее и присоединился к Епископальной церкви. В начале 1930-х гг. Уоллес начинает переписку с известным русским эмигрантом, художником и теософом Николаем Рерихом¹⁰⁴. Вскоре, очаровавшись русским художником, Уоллес как секретарь сельского хозяйства будет помогать проектам Рериха. Например, на средства федерального бюджета США будет организована большая экспедиция Рериха в пустыню Гоби и в Манчжурию для сбора засухоустойчивых трав (по мнению Уоллеса, это нужно было для решения вопроса борьбы с засухой в Долине Теннесси). Та экспедиция закончилась провалом – сам Рерих остался в Индии, а Служба внутренних доходов Казначейства США начала расследование эффективности бюджетных трат на экспедицию. Тот же Уоллес будет лоббировать при-

нятие администрацией США в 1935 г. знаменитого Пакта Рериха – Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Письма же Уоллеса Рериху за 1933–34 гг. еще аукнутся ему во время дальнейшей его политической карьеры и едва «не потопят» бывшего вице-президента совсем...

Секретарем торговли США в последний 4-й срок Рузвельта Уоллес проработал недолго (приступил к должности со 2 марта 1945 г.). С новым президентом Трумэном они не сработались. Уоллес сразу воспринимался как фигура слишком самостоятельная. Трумэн тоже не мог не понимать той простой вещи, что его «министр», сам было чуть не ставший в 1944 г. премьерником ФДР, вскоре начнет самостоятельную карьеру. Поводом к разрыву стала «Холодная война» и резко ухудшившиеся отношения с СССР. У Уоллеса и так уже к тому времени была устойчивая репутация «первого друга Советов в Америке», но после того, как он 12 сентября 1946 г. в своей речи в Нью-Йорке, будучи еще в должности в Кабинете, обрушился на внешнюю политику США, стало окончательно ясно – политик пошел на разрыв с президентом. Уоллес, явно вопреки общей атмосфере растущего антикоммунизма в стране, пошел на смелый поступок. Он заявил, что не признает новых подходов к «сдерживанию коммунизма», и что есть сферы влияния в мире, которые недоступны США, например, Восточная Европа, закрепленная за Советами. И потому надо «заложить основы для установления подлинного мира с Россией». Он говорил, в частности, что «идеологический конфликт будет существовать всегда, но это не может служить причиной того, чтобы дипломаты не могли создать основы для безопасного существования обеих систем рядом друг с другом. Со своей стороны, мы должны признать, что у нас ничуть не больше оснований влезать в политические дела Восточной Европы, чем у России – в политические дела Латинской Америки, Западной Европы и Соединенных Штатов».

Уоллес был довольно категоричен в этой речи: «Нравится нам это или нет, но русские будут пытаться сделать социалистической свою сферу интересов, точно также как мы пытаемся сделать демократической нашу сферу интересов». Хотя он и добавил, что «русским не следует подстрекать местных коммунистов к деятельности в Западной Европе, Латинской Америке и в Соединенных Штатах», но все же заявил, что и США «не следует вмешиваться в политические дела в Восточной Европе и России»¹⁰⁵, – потому Уоллеса и освистали из толпы, а пресса назвала его речь «просоветской».

Резкое недовольство речью члена Кабинета выразил госсекретарь Бёрнс, но жестче всего были ведущие республиканцы в Сенате – Роберт Тафт¹⁰⁶ и Артур Ванденберг¹⁰⁷, которые умело перевели ракурс с одного члена Кабинета на всю администрацию Трумэна. Президент не хотел допускать в публичной сфере даже никаких намеков в своей слабости, тем более что упреки в «мягкости к коммунизму» (а ведь «Холодная война» только началась!) ему сыпались тогда со всех сторон. Уоллес на время захватил первые полосы газет, но это дорого ему вышло – намечалась травля бывшего рузвельтовского соратника в СМИ, и уже 20 сентября Трумэн попросил его отставки, что Уоллес и сделал. Левый журнал «The New Republic» согласился на время сделать Уоллеса редактором, предоставив ему столь важную для него трибуну.

Рождение «ничего не делающего Конгресса»

Громкий демарш секретаря торговли обозначил активизацию политической жизни в стране – до президентских выборов было еще далеко, но в разгаре были промежуточные выборы в Конгресс, на которых оппозиция планировала отыграть за долгие годы забвения. День 5 ноября 1946 г. стал одним из самых славных для «Великой старой партии»¹⁰⁸, и стало понятно, чего так опасался Трумэн. Впервые с 1932 г. Республиканская партия получила контроль над обеими палатами Конгресса! Кроме того, она выиграла большинство губернаторских выборов. В Сенате республиканцы получили 51 место против 45 у демократов, а в Палате представителей – 246 мест против 188. Давно Демократическая партия не знала таких пора-

жений. Тем более последователям Рузвельта было обидно, что республиканцы шли на этих первых послевоенных выборах с лозунгом «Может быть, достаточно?», намекая на исчерпанность политики «Нового курса» и усталость американцев от старого, еще рузвельтовского, Конгресса. Оппозиция поставила под сомнение всю политику «Нового курса», заявив о необходимости избавиться от якобы порожденных ею четырех «С» – Control, Confusion, Corruption and Communism, – то есть контроля (государства над экономикой), смущения (администрации во внутренней и экономической политике), коррупции и коммунизма (во внешней политике). Очевидно, что по правящей вот уже 13 лет в США Демократической партии ударили проблемы в экономике – сильнейшая послевоенная рецессия и вызванные ею внутренние проблемы: высокие налоги, рост инфляции, забастовочная волна. Дела же на иностранном направлении и вовсе вселяли в обывателя настоящий страх: разворачивалась «Холодная война», и олицетворяемый США «мировой капитализм» выступал в ней против «мирового коммунизма» в лице СССР. Трумэновская «доктрина сдерживания» еще не была понята и принята общественностью, а пока оппозиция всячески нагнетала страх на фоне мирового расширения коммунизма, благо Сталин сам давал к этому множество поводов как в Восточной Европе, так и в Азии.

Впрочем, немного скрашивало итоги выборов для демократов то обстоятельство, что явка по стране оказалась крайне низкой (всего ок. 34 %), а потому республиканцы, конечно, не получили объективного большинства голосов избирателей. Но новый расклад в Конгрессе сулил Белому дому немалые проблемы – возникла угроза блокировки всех ключевых инициатив президента. Так, по крайней мере, думали на первых порах его советники во главе с Клиффордом. Экономические итоги года оказались едва ли не еще хуже. Инфляция составила 14 %, а ВВП рухнул в 1946 г. на 11,6 %! Правительство вынуждено было резко сократить расходы – прежде всего, военные: доля их в ВВП страны была предельно снижена – если в 1945 г. она составляла 36,6 %, то в 1946 г. – уже 18,7 %. Поводов для оптимизма было мало и в году наступившем.

Раскол среди либералов

Политический сезон 1947 г. открылся еще в самом конце года минувшего – 29 декабря 1946 г. в США появился первый кандидат в президенты. В Миннесоте о своем выдвижении заявил бывший губернатор Гарольд Стассен¹⁰⁹. Этот молодой и энергичный политик «обещал развернуть» Республиканскую партию в сторону «истинного либерализма». Фактически, Стассен очень сильно отличался от всех остальных республиканцев того времени. Теоретически, его «туманный, неопределенный либерализм призывал к достижению... максимума свободы для каждого гражданина, соотнесенной с той же степенью свободы того или иного его согражданина»¹¹⁰.

Но внимание СМИ пока привлекал не Стассен. Вскоре, 4 января 1947 г., формально вошел в президентскую гонку и сам Генри Уоллес, заявивший о формировании новой общественной организации «всех прогрессивных людей». Так, на конференции в Нью-Йорке была создана организация «Прогрессивные граждане Америки» (Progressive Citizens of America / PCA), призвавшая под свои знамена в основном либерально настроенных демократов. Для ряда организаций Демократической партии северных мегаполисов (не только Нью-Йорка, но и Бостона, Филадельфии, Чикаго и Детройта) новое движение могло представлять в некотором смысле угрозу – в плане конкуренции, поскольку PCA стали попросту переманивать в свои ряды множество местных активистов-демократов. К тому же, PCA могли претендовать на голоса либеральной интеллигенции крупных городов. Правда, антиуоллесовские СМИ отреагировали на появление PCA в основном скептически, предупредив местных демократов Восточного побережья об опасности раскола.

Некие довольно влиятельные силы в либеральном истеблишменте, впрочем, сложа руки не сидели. Раскол в либеральной среде Америки был очевиден, поскольку буквально в те же дни работавший уже в стране «Союз за демократические действия» был спешно, словно вдогонку за Уоллесом, преобразован в новую организацию – «Американцы за демократические действия» (Americans for Democratic Action / ADA). С самого начала обозначилась разница между этими двумя новыми организациями. Опасения в появлении со стороны РСА некоей конкуренции не подтвердились, – уоллесовская организация заявила о приверженности пацифизму и «внутреннему миру», прямо выступив против преследования коммунистов, что, учитывая тогдашние общественные настроения в стране, сделало ее немногочисленной маргинальной группой. ADA же объединила куда более правые политические силы, хотя в ее создании приняли участие и некоторые члены Социалистической партии. Но большинство ее составляли члены так называемого Комитета защиты Америки через оказание помощи союзникам – интервенционистской организации, прямо отрицавшей пацифизм. В ADA также вошли лидеры профсоюзов и куда более именитые либеральные политики, нежели Генри Уоллес, – например, сама Элеонора Рузвельт, пользующаяся влиянием в демократическом Национальном комитете. В отличие от РСА, намеревавшихся действовать самостоятельно, ADA сразу заявила о своей приверженности Демократической партии. Она резко отмежевалась от большинства тогдашних левых организаций, типа Компартии, выступив за интернационалистскую внешнюю политику и строго либеральную внутреннюю политику, поддерживающую профсоюзы. Ни о какой солидарности с коммунистами, как это было у РСА, и речи не шло. Это было понятно уже потому, что среди членов-основателей ADA все были убежденными антикоммунистами: сразу присоединился к ADA историк Артур Шлезингер, профсоюзный лидер Уолтер Ройтер, быстро выдвинулся в руководство ADA создатель ее отделения в штате Миннесота, молодой демократ Губерт Хэмфри. Основатели ADA также заявили о их приверженности прогрессизму, но не левому, как у РСА, а «*прагматичному, некоммунистическому и центристскому*». Так что пока первая заявка Уоллеса на завоевание собственной общественной поддержки вышла несколько неловкой. Но платформа для будущей собственной партии у него все-таки появилась...

«Доктрина сдерживания» во внешней и внутренней политике

Тем временем воплощать в жизнь доктрину «сдерживания коммунизма», как ни странно, пришлось все же не одному из ее идеологов Бёрнсу, а его преемнику. Трумэну его давний приятель-южанин на посту госсекретаря к началу 1947 г. казался уже слишком самостоятельным и недостаточно представительным. Критериям полной предсказуемости и вместе с тем представительности на международной арене вполне соответствовал еще один генерал армии США – Джордж Маршалл¹¹¹, которого, к слову, сам Эйзенхауэр считал своим учителем. 21 января Маршалл неожиданно заменил в Госдепартаменте Бёрнса¹¹². Именно Маршаллу, которого не причислили к упоминаемой выше американской тройке «главных героев войны» только потому, что он всю войну держался в тени, будучи главой штаба, пришлось вместе с Трумэном выработать стратегию поведения США в новых условиях в Восточной и Юго-Восточной Европе, когда через месяц (21 февраля) Великобритания заявила, что в виду экономических трудностей вынуждена будет уйти из Греции и Турции. (Еще раньше, в январе, коммунисты предприняли серьезные действия по укреплению своей власти в Польше¹¹³.) Британия отозвала финансовую помощь Греции и Турции и всех своих военных советников. Быстро образовавшийся вакуум в этом важнейшем регионе Европы мог быть заполнен Советским Союзом, что не отвечало бы принципу сдерживания, который нужно было срочно применять.

В целом тот февраль отметился резким обострением отношений с Советами. Генконсул СССР в Нью-Йорке писал в Москву о том, что в сравнении с ноябрем и декабрем прошлого

года в январе и феврале 1947 г. отношение к Советскому Союзу в США значительно ухудшилось, обвиняя при этом все тех же сенатских лидеров-республиканцев Ванденберга и Тафта, а также заместителя госсекретаря Маршалла, Дина Ачесона¹¹⁴, – которые каким-то образом «направляют прессу и радио к еще большему обострению положения». Еще 10 февраля Сенат обсуждал вопрос назначения представителя от США в недавно созданной Комиссии ООН по атомной энергии (еще в 1946 г. президент Трумэн назначил на эту должность влиятельного брокера с Уолл-стрит, миллионера Бернарда Баруха, к слову, автора самого выражения «Холодная война»). Сенатор Маккеллар на слушаниях обратился тогда к заместителю госсекретаря Ачесону с несколько странной и провокационной сентенцией: «Не полагаете ли вы, что Россия забрала бы себе остаток Европы и мира, если бы имела бомбу?» Ачесон в сущности «согласился с полуутверждением, содержащимся в этом вопросе: «Внешняя политика России является агрессивной и экспансионистской». Советский МИД очень быстро отреагировал на этот выпад, подготовив проект ноты министра Молотова. Там сообщалось: «Советское правительство обращает внимание правительства США на недопустимость поведения господина Ачесона, позволившего себе, несмотря на свое официальное положение, сделать в Сенате враждебное Советскому Союзу и совершенно несовместимое с нормами отношений между СССР и США заявление». Когда проект этой ноты оказался у Молотова, он лично отредактировал ее, превратив из резкой в грубую. Он сам вписал в текст слова, характеризующие выступление Ачесона, как «грубо клеветническое и враждебное Советскому Союзу». Даже дипломатическую формулу, которой заканчивалась нота, – «С искренним уважением» – он заменил на более прохладную – «Уважающий Вас». Госдепартамент, получив ноту, пошел точно таким же путем. Его действия можно расценить как зеркальное отражение действий Советской стороны. В ответной ноте Госдепартамент не отказал себе в удовольствии точно процитировать текст Ачесона, который в этой редакции выглядел следующим образом: «...Я вполне осознаю, что внешняя политика России является агрессивной и экспансионистской. Я полагаю, что одним из великих усилий, которые предпринимаются всеми в Объединенных Нациях, является попытка найти средства разрешения проблем такого рода...». «Вы характеризуете содержание этого заявления как грубо клеветническое и враждебное в отношении Советского Союза, – отвечал Госдепартамент Молотову. – Согласно нашим нормам, сдержанное замечание по вопросу, который относится к внешней политике, не есть клевета». СССР ответил новой нотой, адресованной уже непосредственно госсекретарю Маршаллу¹¹⁵.

И уже 12 марта президент представил Конгрессу особую внешнеполитическую доктрину действий Америки в Греции и Турции – Америки, приходящей в регион вместо уходящей оттуда Британии. Доктрина станет известной как «Доктрина Трумэна». Президент запросил 400 млн долл. на «борьбу с распространением коммунизма в Греции и Турции», а потому доктрина стала первым реальным воплощением долгосрочной политики сдерживания. Президенту удалось получить согласие Конгресса, несмотря на преобладание в нем оппозиции. «Доктрину Трумэна» поддержали даже республиканцы, – настолько президент оказался убедителен, когда заявил, что США не бросят Грецию и Турцию «перед лицом угрозы их свободам».

Не собиравшись президент отступить и на внутренней арене, продемонстрировав свою жесткость, которую от него требовали «ястребы» и общественное мнение, боявшееся распространения шпионской сети коммунистов внутри страны. 21 марта Трумэн подписал ставший печально известным Указ № 9835 о введении практики так называемой «проверки лояльности». Указ учреждал Программу проверки лояльности для всех федеральных служащих – как в Департаментах, так и Агентствах. Отвечавшее за проверки ФБР получило невероятную власть, обретя по этому документу полномочия проверять личные дела чиновников, включая сугубо конфиденциальную информацию из личной жизни людей. Искали любые компрометирующие человека данные, делая упор на его личные взгляды, и возможные связи с коммунистами. Если такие подозрения появлялись, человека могли посчитать «нелояльным», или того хуже – воз-

можным шпионом. За 4 года действия Указа в США были проверены 3 млн госслужащих разных рангов, причем тысячи чиновников были вынуждены уйти в отставку сами, опасаясь обвинений в нелояльности, а 212 человек заставили уйти под угрозой уголовного наказания. Но ни одного признака шпионажа в пользу мирового коммунизма в ходе проверок лояльности так найдено и не было...

Жесткость президента сыграла свою роль – уже в марте его рейтинг вырос с 49 до 63 %, согласно Gallup. Он намеревался действовать масштабно и с особым размахом. Попытки его потенциальных противников самостоятельно действовать на ниве внешней политики Трумэна совершенно не пугали, ведь как раз в это время, 9 апреля, неожиданным образом проявилась международная активность республиканца Гарольда Стассена. Экс-губернатор Миннесоты решил задействовать свои личные связи и опыт работы в ООН и получил... аудиенцию у Сталина в Москве. Политик таким образом решал проблему своей популярности и пробовал применить метод личной дипломатии для налаживания отношений с СССР. Сталину же показалась удачной идея донести свое видение ситуации резко обострившихся отношений с Америкой через... кандидата в ее президенты. Он дал Стассену развернутое интервью, будто бы пожелав смягчить политико-идеологические противоречия между двумя странами и призвав к невмешательству во внутренние дела СССР. Так, Сталин сказал Стассену: «Не следует увлекаться критикой систем друг друга. Каждый народ держится той системы, которой он хочет и может держаться. Какая система лучше – покажет история. Надо уважать системы, которые избраны и одобрены народом. Плоха или хороша система в США – это дело американского народа. Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему. Нужно уважать системы, одобренные народом. Только при этом условии возможно сотрудничество... Советскую систему называют тоталитарной или диктаторской, а советские люди называют американскую систему монополистическим капитализмом. Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится»¹¹⁶.

15 апреля в Москву прилетел уже сам госсекретарь Маршалл, намеревавшийся по указанию президента установить личный контакт со Сталиным. Во время приема в Кремле советский лидер подчеркнул, что «придает огромное значение всеобъемлющей договоренности с Соединенными Штатами. По его мнению, компромисс был возможен по всем основным вопросам; необходимо лишь проявить терпение и не впадать в пессимизм. Тупики и конфронтации, утверждал Сталин, были лишь первыми незначительными схватками и стычками рекогносцировочных сил»¹¹⁷. Но примирения после той встречи не вышло, и 28 апреля, вернувшись домой, Маршалл выступил с несколько пугающим радиообращением, где заявил, что «в своих отношениях с Советским Союзом Запад *прошел точку, за которой уже нет возврата*. Госсекретарь США отверг сталинский намек на компромисс на том основании, что нельзя игнорировать связанный с этим фактор времени: восстановление Европы продвигалось гораздо медленнее чем надеялись, а «действие не может ждать компромисса посредством истощения. Любые возможные действия, способные справиться с этими насущными проблемами, должны быть предприняты незамедлительно»¹¹⁸.

5 июня госсекретарь Маршалл в своей речи в Гарвардском университете представляет «Программу экономического восстановления», план колоссальной экономической помощи всей Европе, который становится известен как «План Маршалла». Новое выражение «принципа сдерживания» являло собой самый яркий пример интервенционализма во внешней политике США – любой согласившейся принять помощь стране обещаны были внушительные инвестиции со стороны Америки и прямые поставки товаров по льготным ценам (при определенных условиях). Предполагавшиеся «Планом Маршалла» финансовые средства рассчитаны были на обеспечение долговременного сотрудничества с любой страной, принявшей помощь – таким образом США планировали предотвратить наступление в странах Европы экономического

кризиса и приостановить рост влияния прокоммунистических сил во внутренней политике европейских стран. Америке же, согласно изложенному Кеннаном принципу, предстояло продемонстрировать «лучшие традиции» в деле защиты свободы и доказать, что она «достойна называться великой державой». И «План Маршалла» был вскоре поддержан Конгрессом (особенно в восторге от него был республиканец Артур Ванденберг, председатель сенатского Комитета по международным делам).

С апреля следующего 1948 г. План предусматривал выделение в течение 4 лет (до 1952 г.) более 12 млрд долл. экономической помощи Старому свету. Постепенно в программе предоставления помощи стали участвовать 17 стран Европы: Австрия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург (БЕНИЛЮКС), Дания, Франция, Западная Германия (после объединения трех зон оккупации Франции, Британии и США), Греция и Турция, Исландия, Ирландия, Италия, Норвегия, Португалия, Швеция, Швейцария и Великобритания. Последняя стала крупнейшим получателем кредитных средств по «Плану Маршалла» – около 26 % от общего объема инвестиций (3,3 млрд долл.). Франция получила 18 % (2,7 млрд долл.), Западная Германия – 11 % (1,4 млрд долл.), Италия – 10 % (1,2 млрд долл.) и др.

Что же до СССР, который теоретически не исключался администрацией США в качестве получателя экономической помощи, то он сразу отказался от участия в «Плане Маршалла» и заблокировал участие в нем стран Восточной Европы, так что ослабления международной напряженности не произошло вовсе. Скорее, наоборот, все только начиналось – разделенная Германия и Берлин теперь становились ареной прямого столкновения двух сверхдержав в Европе. США денонсировали и рузвельтовский Торговый договор с СССР от 1937 г., наложив эмбарго (запрет) на поставки в Советский Союз промышленных товаров и высокотехнологичного оборудования (запрет вступал в силу с 1 апреля 1948 г.). В свою очередь и Сталин в долгу решил не оставаться – мировая коммунистическая система жестче опускала над своими территориями «железный занавес» и также становилась все более неуступчивой, недоверчивой и подозрительной по отношению в Западу. «В то время как США беспокоились относительно опасности возможного советского превосходства в мире когда-нибудь в будущем, Москва была обеспокоена вполне реальной гегемонией США во всех частях земного шара, которые не были оккупированы Красной Армией. Не так уж много требовалось, чтобы превратить истощенный обнищавший Советский Союз в еще один регион, зависимый от экономики США, более сильной тогда, чем весь остальной мир вместе взятый. Бескомпромиссность была поэтому логичной тактикой. Пускай это назовут блефом Москвы»¹¹⁹.

Борьба со сроками и Закон Тафта – Хартли

Летом во весь голос о себе заявила мощная консервативная коалиция в Конгрессе. Действующее с января новое республиканское большинство в обеих палатах, как и в 1939 г., на излете «Нового курса», нашло себе союзника в лице консерваторов-южан из Демократической партии, часто голосовавших вместе с республиканцами. Все несогласия по поводу внутреннего законодательства высказывались в адрес президента Трумэна лично, и тот же Тафт, ставший с января 1947 г. лидером республиканцев в Сенате (лидером большинства), любезно принимал помощь от коллег из другой партии, чем по ряду вопросов обеспечивалось устойчивое оппозиционное большинство в верхней палате Конгресса. То же наблюдалось и в Палате представителей. Учитывая, что республиканские фракции в обеих палатах контролировались консерваторами, с присоединением к ним еще и консерваторов-южан из другой фракции налицо была новая консервативная коалиция. Как и во времена Рузвельта, она встала на жесткий по отношению к президенту курс – почти полного неприятия его внутривнутриполитических законодательных инициатив (одновременно, почти все внешнеполитические действия Белого дома, наоборот, одобрялись). В первую очередь это выражалось в довольно странной тактике obstruction, когда

любые законопроекты Белого дома отклонялись, но в замен не предлагалось практически ничего – в итоге весь законодательный процесс намеренно стопорился.

С самого начала работы нового Конгресса, однако, им были предприняты решительные действия в одном конкретном направлении – законодательном недопущении повторения «феномена ФДР», когда один человек занимал бы президентское кресло много раз подряд. Ограничение президентского срока было одним из главных обещаний республиканских кандидатов в Конгресс на осенних выборах 1946 г., и они рьяно взялись его исполнять.

Активность проявила Палата представителей, буквально в январе разработав текст новой Поправки в Конституцию и оформив ее через законодательное предложение в «Совместной резолюции № 27» (т. е. рекомендованной и для принятия ее Сенатом). Поправка устанавливала ограничение пребывания в должности в виде двух 4-летних сроков для президентов в будущем. Законопроект о Поправке представлен был в Палате Эрлом К. Миченером, республиканцем из Мичигана. 6 февраля 1947 г. Законопроект был принят 285 голосами против 121 – при поддержке 47 членов фракции демократов (остальные голосовали против). Между тем, Сенат разработал собственную редакцию Поправки, которая первоначально отличалась от предложения Палаты, требуя, чтобы Поправка была представлена для рассмотрения на особые Ратификационные съезды штатов, а не в законодательные органы штатов. Предложение было снято с голосования после того, как весь Сенат целиком (включая всех 45 демократов!) принял Законопроект Миченера, однако к нему была добавлена поправка, выдвинутая самим Тафтом. Она уточняла условия, определяющие количество раз, когда вице-президент, который сменил на посту президента, может быть сам избран на высшую должность. Формально это был выпад против Трумэна лично, но на самом деле в случае принятия такое положение бы на действующего президента не распространялось, поскольку по англо-саксонской правовой традиции «закон не имеет обратной силы». 12 марта измененный Законопроект Миченера был принят в Сенате 59 голосами против 23 (при поддержке 16 демократов-южан). Текст сенатской редакции Поправки, с учетом предложения Тафта, содержал следующее положение:

«Никто не может быть избран на должность президента более чем два раза, а лицо, занимавшее должность президента или действовавшее в качестве президента в течение более 2 лет от срока, на который был избран президентом другой человек, не может избираться на должность президента более чем один раз. Это положение не распространяется на лицо, занимающее пост президента в период, когда данная поправка была предложена Конгрессу, и не препятствует любому лицу, которое может занимать пост президента или исполняющего обязанности президента, в течение срока, в пределах которого данная статья вступает в силу, сохранять пост президента или исполняющего обязанности президента в течение оставшегося срока».

21 марта Палата согласилась с принятой Сенатом редакцией Законопроекта и одобрила, согласно установленной процедуре, Совместную резолюцию Конгресса о внесении Поправки в Конституцию. После этого сама Поправка, налагающая ограничения на срок полномочий (для будущих президентов), была представлена штатам для ратификации. При этом ратифицировать 22-ю Поправку должны были в законодательных собраниях 3/4 всех штатов в течение 7 лет. Следует отметить, что первыми же Поправку ратифицировали законодатели Мэна и Мичигана – уже 31 марта, а потом Айовы, Канзаса и Нью-Гэмпшира – 1 апреля 1947 г. Далее в течение апреля и мая ратификацию Поправки провели еще 13 штатов, и среди них – ни одного на Юге...

Из-под пера республиканских законодателей Конгресса 80-го созыва (1947–1949 гг.) вышло и еще кое-что, направленное не конкретно против покойного ФДР (хотя бы в виде его памяти), но уже против непосредственного наследия его «Нового курса». Это «кое-что» отличилось удивительным ретроградством и откровенной реакционностью. Речь идет о печально известном *Законе Тафта – Хартли*.

Лидер большинства в Сенате Роберт Тафт разработал концепцию законопроекта еще в самом начале года и вместе с конгрессменом-республиканцем Фредом Хартли из Нью-Джерси внес его на рассмотрение 10 апреля под видом Законопроекта о трудовых отношениях 1947 г. Одиозный документ был полностью направлен против профсоюзов и имел яркий идеологический окрас, вызванный испугом, оставшимся у авторов законопроекта от послевоенной волны забастовок. Например, Закон сразу запретил федеральным служащим бастовать в любом виде. Закон прямо влиял на процесс ведения политических кампаний, запретив профсоюзам самостоятельно направлять свои средства в поддержку кандидатов на федеральных выборах.

Генеральный юрисконсульт Национального совета по трудовым отношениям (NLRB) получал невиданные ранее полномочия на вынесение судебных запретов против работодателей или профсоюзов, нарушивших Закон. Работодателям же дано было право предъявлять иск профсоюзам за ущерб, причиненный так называемым «вторичным бойкотом»¹²⁰. Сами вторичные бойкоты, как и простые пикеты против какой-либо компании, проводимые профсоюзами, – запрещались! Запрещались и так называемые «юрисдикционные забастовки», когда тот или иной профсоюз бастует, чтобы назначить конкретную работу конкретным своим членам.

Закон требовал, чтобы профсоюзы и работодатели уведомляли друг друга, а также Национальный совет по трудовым отношениям за 80 дней до того, как они предпримут забастовку или другие формы протестных действий в соответствии с новым коллективным договором.

Закон также разрешал президенту США вмешиваться в забастовки или потенциальные забастовки, которые могли бы создать чрезвычайную ситуацию в стране. От профсоюзных чиновников отныне требовалось письменное заверение в их лояльности федеральному правительству.

Закон запрещал практики «закрытых дверей» у профсоюзов – особых соглашений, которые требовали, чтобы работодатель нанимал только членов профсоюза.

Между тем, Закон Тафта – Хартли шел еще дальше – он разрешал отдельным штатам запрещать некоторые правовые положения о защите профсоюзов (например, те же «закрытые двери»), находящиеся в юрисдикциях штатов. Штаты просто могли бы принять у себя пакет законов, аналогичных федеральному Закону Тафта – Хартли¹²¹.

Широчайший резонанс вызвала ст. 14в Закона, которая запрещала профсоюзам вести переговоры по контрактам или юридически обязывающим документам, требующим от компаний увольнять работников, отказывающихся вступать в профсоюз. Кроме того, Закон прямо исключил надзорные трудовые органы из сферы своего действия, позволив работодателям свободно увольнять рабочих, участвующих в профсоюзной деятельности, или любого, кто не поддерживал позицию работодателя.

Случилось нечто невиданное – впервые Конгресс, причем в такой вызывающей форме, сделал заявку на прямое сворачивание наследия «Нового курса» в США. Профсоюзы были в ужасе. Более прогрессивный, нежели АФТ, КПП призвал к бойкоту конгрессменов, согласившихся голосовать за законопроект. Но ничего не помогло – сработала консервативная коалиция. Палата представителей 17 апреля 1947 г. приняла законопроект 308 голосами против 107¹²². За голосовали 215 республиканцев и 93 демократа (почти полностью за законопроект голосовали конгрессмены-демократы из Алабамы, Арканзаса, Флориды и Джорджии, а демократы Южной Каролины проголосовали за документ все целиком!). Голоса против направили 22 республиканца из Северных и Северо-Восточных штатов и 84 демократа оттуда же (меньшая часть фракции!). Еще 16 конгрессменов не голосовали.

Сенат США принял законопроект 13 мая 68 голосами против 24. За голосовали 47 республиканцев и 21 демократ (половина фракции!). Против голосовала вторая половина фракции демократов (21 чел.) и всего 3 республиканца, а 3 сенатора не голосовали. Оба

сенатора-демократа от Арканзаса и Джорджии, Северной Каролины, Вирджинии, Техаса и Теннесси, а также считающегося либеральным Мэриленда поддержали законопроект.

Дьюи выходит из тени

7 июня на митинге республиканцев в округе Нассау в штате Нью-Йорк прозвучало имя еще одного потенциального соперника Трумэна на предстоящих выборах. Местный активист Рассел Спрэг под гром оваций представил губернатора Тома Дьюи как «будущего президента страны»¹²³. Сам губернатор тогда скромно отмолчался – в его планы не входило официально объявлять свою кандидатуру, тем более что поле для возможных кандидатов от Республиканской партии было открыто, и уже в ближайшее время на нем могли появиться серьезные игроки. Однако, по мнению многих республиканцев, Дьюи не следовало осторожничать, ведь вот уже почти 4 года как именно он был негласным лидером партии и «надеждой республиканцев». Gallup в апреле давал Дьюи 51 % поддержки среди республиканцев по стране, хотя официальных кандидатов в гонке еще не было (кроме Стассена). В опросы включались гипотетические кандидаты, и никто из шести потенциальных соперников Дьюи не смог с ним сравниться по популярности, даже сам генерал Макартур, не скрывавший своей принадлежности к Республиканской партии (ему опросы давали, к слову, всего 2 % – меньше всех остальных). Соперниками губернатора Gallup называл, в частности, уже упоминавшихся выше сенатских лидеров Тафта (7 %) и Ванденберга (10 %), а также губернатора Калифорнии Эрла Уоррена¹²⁴ (3 %). Вторым же по всем опросам неизменно шел бывший губернатор Миннесоты, единственный пока официальный кандидат, либеральный республиканец Стассен (15 %).

Однако именно Дьюи принадлежал лучший результат из всех соперников Франклина Рузвельта на президентских выборах – в 1944 г. Дьюи набрал, как уже указывалось выше, почти 46 % по стране (более 22 млн голосов), и его поддержал целый ряд штатов, что позволило набрать 99 голосов выборщиков. Например, обращает на себя внимание, что Дьюи победил в таких крупных северных промышленных штатах, как Огайо, Индиана и Висконсин. Из штатов либеральной Новой Англии¹²⁵ его поддержал Вермонт. Он также победил в самом центре страны – Айове, Канзасе, Небраске и Вайоминге. Показав такие результаты, Дьюи укрепил свои позиции в «Великой старой партии». О нем заговорили как о настоящем лидере. Хотя в Нью-Йорке он и проиграл, как губернатор он всегда там был очень популярен – именно с Нью-Йорком была связана вся политическая карьера Дьюи, и вся его жизнь.

Родился *Томас Эдмунд Дьюи*, впрочем, не в Нью-Йорке, а в Мичигане, – в городке Овосо, 24 марта 1902 г. Его отец, Джордж Мартин Дьюи, был уважаемым человеком в той местности – он был владельцем и редактором местной газеты. Его мать, Энни (урожденная Томас) оказывала сильное влияние на сына уже с его раннего детства. По словам биографа Дьюи, она привила сыну «уважение к здравому смыслу, проявляемому обычными людьми в глубинке», а также «упорство и настойчивость, которые многие потом принимали за тщеславие», и те «ценности, которые часто можно было увидеть в малых городах в провинции»¹²⁶ – эти качества так никогда полностью и не стерлись у Дьюи во время его долгой жизни на урбанизированном Востоке США. Позднее некий журналист отметил, что еще мальчиком Дьюи «демонстрировал лидерство и амбиции... выше среднего уровня», а уже к 30 годам на него работала команда из девяти других молодых людей», продавая газеты и журналы в Овосо¹²⁷. Уже в старших классах средней школы в Овосо Томас был избран президентом своего класса. Тогда же он проявил себя как главный редактор школьного ежегодника и умелый дебатёр. Дьюи закончил Университет штата Мичиган (в г. Энн-Арбор) в 1923 г. со степенью бакалавра, а в 1925 г. он получил степень доктора права в престижной Колумбийской школе права при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Следует отметить, что еще в Энн-Арборе Томас пристрастился к музыке, точнее, к пению, присоединившись к «Phi Mu Alpha Sinfonia» (по-гречески аббревиатура выглядит, как ФМА), известному национальному студенческому союзу музыкантов. Судя по всему, пение тогда очень занимало молодого человека: в студенческие годы Томас был членом Мужского Хорового клуба, а еще в Овосо он был членом хора местной Епископальной церкви, прихожанином которой был. Тогда у него стал появляться настоящий артистический певческий талант – все современники отмечали, что Дьюи имел глубокий баритон, и в 1923 г. даже занял высокое 3-е место в национальном певческом конкурсе. Совершенно очевидно, что в те годы он всерьез думал не о политической или юридической карьере для себя, а карьере... профессионального певца, причем, даже не эстрадного, а оперного! Вскоре, однако, мечты эти были поколеблены сомнением Томаса, а не будет ли такая карьера слишком рискованной для него – напрямую зависимой от состояния его голоса? На такие мысли его натолкнула временная болезнь горла и неспособность петь. Решено в итоге было продолжить карьеру юриста, хотя наследием такого незаурядного увлечения, как пение, у Дьюи остался хорошо поставленный размеренный голос и отличная дикция, что делало его хорошим сильным оратором и немало пригодилось в последствии на национальной политической арене.

16 июня 1928 г. молодой юрист Дьюи женился на Фрэнсис Эйлин Хатт из г. Шерман, Техас. Что примечательно, тогда она была театральной актрисой, а сам Томас еще думал выступать на сцене. Правда, уже после их брака жена бросила свою актерскую карьеру, всецело сосредоточившись на семье, в которой родились двое сыновей: Томас Эдмунд-младший (р. 2 октября 1932 г. в Нью-Йорке) и Джон Мартин. После окончания Колумбийской школы права Дьюи остался в Нью-Йорке, а с 1939 г. семья поселилась в большой ферме «Дапплмир» («Dapplemere»), недалеко от городка Поллинг, в 65 милях (105 км) к северу от Нью-Йорка. Дьюи очень любил «Дапплмир» и говорил, что не променяет его ни на какое другое место, а однажды сказал: «Я работаю, как лошадь, пять дней и ночей в неделю, и в награду могу приезжать суда, в деревню, на выходные»¹²⁸. В 1945 г. Дьюи сказал репортеру, что «моя ферма – это мои корни... ведь сердце этой нации – вот такой вот маленький провинциальный городок»¹²⁹. Ферма «Дапплмир» была частью дружной сельской общины под названием «Квакер-Хилл» («Quaker Hill»), которая была известна как место проживания весьма состоятельных людей и даже некоторых нью-йоркских знаменитостей. Например, соседями Дьюи по «Квакер-Хиллу» были известный репортер и радиоведущий Лоуэлл Томас и преподобный Норман Винсент Пил, известный протестантский проповедник. Там же жил и легенда американского телевидения, звезда CBS News Эдвард Марроу. Резиденцией Дьюи в Нью-Йорке был номер 1527 известного отеля «Рузвельт» («Roosevelt Hotel») на Манхэттене.

Еще в начале 1920-х гг. Дьюи зарегистрировался как республиканец. А уже в 1931 г. стал председателем Клуба молодых республиканцев Нью-Йорка, что придало ему немалый политический вес в городе. Позднее, в 1946 г., Дьюи спросили, почему он всю жизнь оставался республиканцем, и он ответил: «Я считаю, что Республиканская партия – это лучший инструмент для передачи разумного руководства в руки компетентных людей и, таким образом, инструмент для сохранения наших свобод... Но есть еще одна причина, почему я республиканец. Я таким родился...»¹³⁰.

«Охотник на гангстеров»

По-настоящему блестящая карьера Томаса Дьюи начиналась с должности федерального прокурора (служашего Департамента юстиции США), но затем он какое-то время вел прибыльную частную практику как юрист на Уолл-стрит. Но он оставил частную практику, включившись в расследования коррупции в Нью-Йорке, получив официальный пост главного помощника прокурора США по Южному району Нью-Йорка. Тогда-то (в начале 1930-х гг.) Дьюи

впервые и попал в заголовки американских газет, прославившись тем, что смог привлечь к суду бутлегера¹³¹ и гангстера «Уэкси» Гордона.

Со временем Дьюи втянулся в это новое для себя дело и подходил к борьбе с коррупцией с творческим размахом. Например, он красочно расписывал на следствиях и судах детали преступлений гангстеров, и тем запутывал их свидетелей, которые пытались выгородить себя на суде или прикрыть своих «покровителей». Также в качестве федерального прокурора Дьюи часто использовал записанные телефонные звонки как канал по сбору информации по делу (прослушка звонков тогда была совершенно законным средством для стороны обвинения). В связи с этим он успешно лоббировал пересмотр уголовно-процессуального закона Нью-Йорка, который в то время требовал отдельных судебных разбирательств по каждому пункту обвинения. Как прокурор Дьюи прославился своими тщательностью и вниманием к деталям расследования. Однажды он и его сотрудники смогли выявить бутлегера, опираясь на информацию, полученную из анализа записанных 100 тыс. телефонных звонков по городу.

Настоящая слава пришла к Дьюи в 1935 г., когда губернатор штата Герберт Леман назначил его специальным прокурором округа Нью-Йорк (куда входила территория Манхэттена). Городская общественность тогда была сильно напугана расцветом мафии и коррупции в Нью-Йорке и сетовала на то, что Уильям Додж, тогдашний районный прокурор, недостаточно активно преследует преступность и политическую коррупцию по городу. Губернатор Леман, будучи демократом, и желая избежать собственных обвинений в «пристрастии и заинтересованности», попросил четырех видных республиканцев города и штата стать спецпрокурорами. К слову, все четверо отказались от поста, но в голос рекомендовали назначить Дьюи. Получив важный пост, он энергично взялся за дело, сформировав штаб из более чем 60 помощников, следователей, стенографистов и секретарей, а харизматичный мэр Нью-Йорка Фьорелло Ла Гуардия¹³² отрядил в штаб Дьюи отобранную лично им группу из 63 проверенных полицейских.

Штаб окружного спецпрокурора Дьюи сосредоточился на борьбе с оргпреступностью, занимавшейся в Нью-Йорке в основном рэкетом – различными криминальными делами, а особенно вымогательством у городского бизнеса, и покровительством проституции. И Дьюи устроил для крупнейшего города Америки настоящее шоу, применив в борьбе с мафией все последние приемы того времени, включая засады и прослушки телефонных переговоров. Вместе с популярным мэром Ла Гуардией он стал в Нью-Йорке, а значит, и в Америке настоящей знаменитостью: практически такой же, как летчик Чарльз Линдберг, и сам президент Рузвельт! Это приблизило Дьюи чуть ли не к званию национального героя. В ту пору «люди были гораздо более заинтересованы в его целях, чем в его средствах. Еще один ключ ко всему этому успеху может быть выражен одним словом – честность. Дьюи был честен»¹³³.

Спецпрокурор одним из своих самых больших успехов считал поимку известного нью-йоркского гангстера «Голландца» Шульца. Первый процесс над Шульцем зашел в тупик из-за недостаточности улик. Перед вторым процессом Шульц добился переноса места суда в городок Малоун, штат Нью-Йорк, а перед тем сам туда переехал. Меленький сельский округ нужен был гангстеру, затем что там легче было вызвать сочувствие местных жителей к своей персоне, а потому Шульц развернул там серию благотворительных акций для населения, из которого должно было быть сформировано большое жюри, то есть коллегия присяжных на суде. «Голландец» не прогадал: когда пришло время суда, местные присяжные сочли его невиновным. Но Дьюи и Ла Гуардия сдаваться не собирались, ведь новых улик против него теперь хватало – было сформулировано новое обвинение, и Шульцу грозил немедленный арест и очередной суд. Тогда Шульц предложил «убрать» ретивого спецпрокурора. Так люди Шульца стали готовить покушение на Дьюи – он должен быть убит, согласно плану, утром, во время звонка с телефона-автомата возле своего дома. Однако неожиданно покушению воспротивилась сама

ню-йоркская мафия: например, такой криминальный авторитет, как «Счастличик» Лучано и другие преступные боссы. Вместе они решили, что убийство Дьюи будет не совсем к месту и спровоцирует тотальную полицейскую облаву по всему городу. А потому «убран» был сам... Шульц. Зарвавшийся гангстер был застрелен в туалете бара в Ньюарке, Нью-Джерси.

Но боссы мафии этим громким убийством подставили и себя, потому как теперь команда юристов Дьюи обратила внимание уже на Лучано. Поймать его и осудить теперь стало главным для Дьюи делом. В этом ему очень помогла Юнис Картер, одна из первых женщин-юристов Нью-Йорка, первая женщина-прокурор и первый представитель афроамериканцев в данной профессии. В то время она занималась расследованием фактов проституции, организованной мафией в Нью-Йорке. Картер были проведены полицейские рейды на 80 публичных домов на Манхэттене, и арестованы сотни проституток и их покровительниц – связанных с мафией «мадам». При этом Картер завоевала доверие многих из этих арестованных женщин, убедив их дать показания на рэкетиоров, – рассказать, как их регулярно избивали бандиты, заставляли отдавать все деньги им, шантажировали и всячески издевались. Трое свидетельниц указали на Лучано как на босса организованной сети борделей в районе Нью-Йорка и соседнего штата Нью-Джерси. Расследование Картер проложило дорогу к сложному и громкому «процессу Лучано». Материалы по делу были переданы Дьюи, и он выдвинул против Лучано обвинения. 18 июня 1936 г. гангстеру был вынесен приговор за организацию проституции – он был приговорен к длительному тюремному сроку.

Успешный процесс против Лучано буквально катапультировал Дьюи наверх. В январе 1937 г. Дьюи также успешно осудил «Тутси» Герберта, еще одного ню-йоркского рэкетира, – за вымогательство. Герберт терроризировал местную птицеводческую отрасль, притесняя фермеров. Тогда же Дьюи, его сотрудники и полиция Нью-Йорка совершили серию решительных и жестких рейдов по аресту 65 ведущих ню-йоркских рэкетиров, притеснявших местные пекарни, рынки и рестораны. «The New York Times» выпустила хвалебную для Дьюи статью, называя его «сокрушителем теневого правительства рэкетиров в Нью-Йорке», а «The Philadelphia Inquirer» писала: «Если вы все еще сомневаетесь, является ли Дьюи общенациональным героем № 1, просто послушайте аплодисменты, которыми каждый раз сопровождается его появление в кинохронике...»¹³⁴. В 1936 г. Дьюи был награжден Золотой медалью ню-йоркской некоммерческой городской Ассоциации «100 лет» за «выдающийся вклад в развитие города Нью-Йорк».

В 1937 г. Дьюи был избран прокурором Нью-Йорка (официально должность называется несколько громоздко: районный прокурор Нью-Йоркского округа / District Attorney of New York County), победив кандидата демократов после того, как прежний прокурор Додж решил не баллотироваться на новый 4-летний срок. Дьюи оказался настолько популярным кандидатом, что на избирательных участках в Бруклине (который не входил в федеральный судебный округ, где проходили выборы прокурора) даже были вывешены большие таблички с надписью «Дьюи не баллотируется в этом округе». Зато были рады жители Манхэттена – они дали Дьюи внушительную поддержку на выборах.

Как для нового районного прокурора для Дьюи сразу нашлось небывало серьезное и громкое дело – требовалось осудить самого Ричарда Уитни, бывшего президента Уолл-стрит, т. е. Нью-Йоркской фондовой биржи. Уитни подозревали в крупной растрате. Дьюи довел дело до суда в довольно короткий срок – и Уитни был приговорен к 5 годам тюрьмы. Далее требовалось разобраться с Джеймсом Дж. Хайнсом – боссом знаменитого «Таммани Холла», традиционной еще с XIX в. вотчины политической коррупции Нью-Йорка, к слову, контролируемой местными демократами. Хайнса Дьюи осудил по 13 пунктам обвинения в рэкете. Тот процесс широко освещался в СМИ.

За 4 года работы районным прокурором Дьюи и его штаб юристов добились невероятного показателя – 94 % осуждений обвиняемых, привлеченных к суду. Ими в Нью-Йорке было

создано новое Бюро по борьбе с мошенничеством, рэкетом и детской преступностью. Проведено было расследование деятельности казино, когда были выявлены многочисленные нарушения ими пожарной безопасности. В итоге число казино, давнего рассадника преступности в тогдашнем Нью-Йорке, сократилось с 13 тыс. до 3,5 тыс. Дьюи действительно стал звездой – он вдохновил Голливуд на создание нескольких фильмов на основе его подвигов. Одной из таких лент стала «Меченая женщина», вышедшая в прокат 10 апреля 1937 г. Главную роль прокурора в фильме сыграл сам Хэмфри Богарт, и прототипом для него был Томас Дьюи. Бетт Дэвис сыграла роль хостес – девушки из ночного клуба, работающей на могущественного гангстера, прототипом которого был Лучано. Показания героини помогают осудить этого мафиози. Этот «гангстерский фильм» студии Warner Bros. имел успех. О популярности Дьюи в те годы говорит и то, что многие в Нью-Йорке и не только стали по-доброму шутить над прокурором, приводя при этом выдуманную историю-притчу о том, что где-то в Америке некая молодая девушка будто бы вдруг захотела подать в суд на самого Бога, желая остановить продолжительный сезон дождей. Когда ее отец промолвил: «Но ты не можешь судиться с Богом и победить», она возразила: «Нет, могу... если Дьюи будет представлять меня на суде»¹³⁵.

В 1938 г. сверхпопулярному прокурору-звезде исполнилось только 36 лет! С таким багажом можно было думать и о политической карьере. Потому, когда Эдвин Джекль, председатель местной организации Республиканской партии Нью-Йорка, предложил Дьюи баллотироваться в губернаторы штата против действующего губернатора-демократа Лемана, Дьюи согласился. У него уже хватало в ту пору уверенности в своих силах. Получив полную поддержку республиканской парторганизации, и оставаясь прокурором, Дьюи включился в кампанию. В его пользу была репутация известного, успешного и главное, честного прокурора – борца с оргпреступностью и коррупцией в Нью-Йорке. На стороне Лемана был опыт управленца. В ноябре чуть было не произошло чудо – но Дьюи потерпел поражение, выступив все же на удивление сильно: от Лемана он отстал всего на 1,4 % (получив 49 %, или более 2,3 млн голосов). Результат республиканцы штата оценили как успешный, учитывая возраст кандидата. Дьюи привлек к себе внимание уже на национальной политической арене, а в мае 1939 г. Gallup показал, что он является лидером среди возможных кандидатов в президенты от республиканцев в 1940 году! Но это было не все. Тот же удивительный опрос показал, что нью-йоркский окружной прокурор еще и популярнее самого президента Рузвельта – имея 58 % против 42 % у ФДР! Это было что-то неслыханное. Популярности «охотника на гангстеров», как стали называть Дьюи, в 1939 г. добавляло и успешное осуждение им лидера американских нацистов Фрица Джулиуса Куна – и тоже за растрату, хотя в обвинении фигурировало и нанесение вреда государству.

Тогда-то Джекль и Дьюи и решили выдвигать его кандидатуру в 1940 г. Да, американские СМИ тогда всерьез называли молодого нью-йоркца «первым претендентом на выдвижение», но его поддержка в партии ослабла в конце весны 1940 г. А все из-за того, что Вторая мировая война вдруг внезапно нависла грозной тучей над Америкой, и рейтинг президента стал стремительно расти. Это смутило некоторых республиканских лидеров, которые стали сомневаться в Дьюи, называя его слишком молодым соперником для такого опытного политика, каким был Рузвельт. Прокурор виделся слишком неопытным в случае войны, избегать которую США становилось все тяжелее и тяжелее. В общем-то, Дьюи тогда подкосила высказанная им позиция о невмешательстве Америки в дела Европы, хотя откровенным изоляционистом Томас тогда все же не был. Летом многие республиканцы обратили свой взор на представителя бизнес-кругов Уэнделла Уилки¹³⁶. Он был на 10 лет старше Дьюи и поддерживал позицию президента по оказанию помощи ближайшим к США странам – сражающимся с Германией Англии и Франции. Уилки проиграл Рузвельту на всеобщих выборах, что помогло сохранить репутацию Дьюи как перспективного кандидата.

Вот только президентские выборы его уже не привлекали – в 1942 г. Дьюи снова был выдвинут местными республиканцами на пост губернатора штата Нью-Йорк, и на этот раз

победил с большим отрывом. Соперником его был демократ Джон Беннетт, уходящий в отставку генпрокурор штата. Упрочило шансы Дьюи то, что Беннетт не был поддержан Американской трудовой партией, традиционными сторонниками демократов в Нью-Йорке. Голоса рабочего электората разделились, а кандидат трудовиков Дин Алфанж тогда получил почти 10 % голосов избирателей штата, в основном демократов. Правда, был переизбран действующий заместитель губернатора, демократ Чарльз Полетти, который едва не проиграл напарнику Дьюи, Томасу Уоллесу (в штате Нью-Йорк губернатор и его зам избираются отдельно). Дьюи получил на выборах 52 % голосов (более 2,1 млн), его соперник-демократ – 36,4 % (1,5 млн).

Прогрессивный губернатор Нью-Йорка

Выходя на новый уровень, да еще и в таком урбанизированном и либеральном штате, Дьюи пообещал стать высокоэффективным губернатором, а это в эпоху «Нового курса» означало только одно – признание ведущей роли государства в экономике и общественной сфере. Так, Дьюи удвоил государственные субсидии в сфере образования штата, увеличил зарплату служащим штата и сумел сократить долг штата более чем на 100 млн долл. Программу своих действий новый губернатор назвал «либерализмом с оплатой по факту». В его понимании это означало, что «правительство штата может быть и прогрессивным, и финансово ответственным одновременно». Прогрессизм Дьюи выразился в том, что он сразу бросил вызов расовой дискриминации. В частности, при нем в Нью-Йорке – впервые среди штатов – приняли закон, запретивший расовую дискриминацию при трудоустройстве.

Именно губернатор Дьюи провел закон о создании Университета штата Нью-Йорк. Вскоре после того, как он стал губернатором в 1943 г., Дьюи узнал, что некоторым служащим штата и учителям платили только 900 долл. в год. Тогда он добился введения надбавок в 150 % к зарплатам служащим и учителям.

Еще одним приоритетом Дьюи было обеспечение финансирования строительства магистралей через весь штат. В конечном итоге, новое шоссе было построено и названо в его честь. Дьюи также упорядочил работу многих учреждений штата, сделав их более эффективными. Во время Второй мировой войны строительство в Нью-Йорке пришлось ограничить, перераспределив производственные мощности. Это позволило Дьюи получить профицит бюджета штата в 623 млн долл. Средства эти он разместил в созданный им «Фонд послевоенной реконструкции». Фонд создавался для будущих инфраструктурных проектов в штате. В конечном итоге Фонд помог обеспечить 14 тыс. новых койко-мест в системе охраны психического здоровья штата, предоставил жилье для 30 тыс. семей, позволил восстановить леса, посадив 34 млн новых деревьев. Кроме того, запущена была программа по борьбе с загрязнением рек и озер, что, между прочим, особенно привлекало Дьюи – заядлого рыбака. Его губернаторский Фонд также помог в обеспечении очистки городских трущоб и оплате программ помощи ветеранам. Была расширена особая программа Департамента здравоохранения штата, которая фактически искоренила в Нью-Йорке чахотку (туберкулез).

Одновременно с этим, его губернаторство оказалось «гораздо более дружелюбным» по отношению к частному бизнесу, нежели это было во время его демократических предшественников. Дьюи создал Департамент торговли штата для возможности привлекать новые предприятия и туристов на его любимый Манхеттен. (Тогда же г. Нью-Йорк застраивался в основном частным образом – Джон Рокфеллер-мл. уже возвел свой знаменитый небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг, точку притяжения для всего девелоперского бизнеса в городе.) С 1945 г. по 1948 г. в Нью-Йорке было открыто 135 тыс. новых предприятий.

Дьюи за время руководства штатом создал мощную политическую организацию республиканцев, которая позволила ему доминировать в политике штата и серьезно влиять на национальную политику.

В 1944 г. Республиканская партия безоговорочно поддержала популярного губернатора в качестве кандидата в президенты. Как говорилось выше, он выступил на выборах против ФДР лучше, чем все его предшественники. Ближе к концу той кампании именно Дьюи первым из республиканских лидеров открыто объявил о своей поддержке возможной конституционной поправки по ограничению будущих президентов только 2-мя сроками. Как говорил Дьюи, намекая на возможное переизбрание ФДР на новый, уже четвертый 4-летний срок, «четыре срока или 16 лет – это самая опасная угроза нашей свободе из когда-либо возникавших»¹³⁷. Он также с некоторой опаской впервые с начала президентства ФДР поднял тему возраста и здоровья президента.

Впрочем, это не помогло, а Дьюи тогда было, в чем упрекнуть. Многие историки и политологи считают, что это даже стоило ему победы на тех выборах. Речь идет о трудно объяснимой позиции губернатора о том, что якобы президент Рузвельт знал о готовящейся японцами в декабре 1941 г. атаке на базу в Пёрл-Харборе. В одной из речей, например, Дьюи заявил, что после Пёрл-Харбора «вместо того, чтобы быть переизбранным, президент должен быть подвергнут импичменту». Фразу сочли неуместной и бестактной. Столь серьезнейший просчет кандидата может быть поставлен в вину его тогдашнему советнику по внешней политике, крупному бизнесмену-республиканцу, представителю вашингтонского истеблишмента Джону Фостеру Даллесу¹³⁸.

После войны Дьюи критиковали за поддержку очень спорного решения законодательного собрания штата о прекращении финансирования созданных во время войны центров по уходу за детьми. Эти центры создавались федеральным правительством в помощь матерям-одиночкам, призванным в армию и участвующим в военных действиях, а потому вынужденным оставить детей без присмотра. Решение легислатуры штата вызвало широкий резонанс, а правительство штата было вынуждено согласиться на финансирование местных общин, которые могли бы, по задумке Дьюи, перенять заботу об оставленных детях, создавая более мелкие частные приюты. Призванные и мобилизованные в оборонную промышленность матери штата Нью-Йорк во время войны без поддержки не оставались – им помогали различные гражданские и общественные организации. К тому же, шло финансирование из федеральной казны, но так или иначе детские учреждения прекратили получать субсидии с 1 марта 1946 г. Помощь штата Нью-Йорк таким центрам по уходу за детьми тоже оказалась временной и закончилась в январе 1948 г., что вызвало волну протестов по штату. Оппозиция настоятельно просила Дьюи оставить центры, но реакция же губернатора, мягко говоря, удивила – он назвал выступающих за подобные меры... «коммунистами».

Еще одним противоречием его губернаторства был тот факт, что Дьюи решительно поддерживал в штате институт смертной казни. За 12 лет губернаторства Дьюи в штате Нью-Йорк казнено было более 90 человек. Впрочем, среди них оказались и особо опасные преступники – киллеры-гангстеры из организованной группы «Убийство по найму», возглавляемой главными мафиозными боссами Нью-Йорка Луисом «Лепке» Бухалтером и Альбертом Анастасией.

Ноябрь 1946 г. для Дьюи, как и для всей остальной Республиканской партии, оказался весьма удачным – он был с блеском переизбран на 2-й губернаторский срок, получив почти 57 % голосов (2,8 млн голосов – почти на 700 тыс. больше, чем у соперника, и это был рекорд в истории штата). Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что Томас Дьюи к лету 1947 г. представлял собой серьезную угрозу для президента Трумэна как возможный кандидат республиканцев.

Кампания набирает обороты: Тафт, Трумэн и Уоллес

После принятия Законопроекта Тафта – Хартли президент сразу заявил, что наложит на него вето, что он и сделал 20 июня. На что Тафт не без оснований и с нескрываемым высоко-

мерием возразил, что Конгресс спокойно вето преодолеет. Далее развернулась «законодательная война» Конгресса с президентом. Трумэн воззвал «к совести конгрессменов-демократов» и призвал партию поддержать его и не голосовать за преодоление вето, но то, что произошло после этого, обозначило явный раскол в Демократической партии – иначе это и назвать нельзя. В тот же день Палата представителей собралась и... сходу преодолела вето Трумэна (хотя, согласно Конституции США, для этого требуется не менее 2/3 голосов!). За преодоление вето был подан 331 голос против 83 (80 % против 20 %). За голосовали 225 республиканцев и уже 106 демократов (на 13 больше, чем при первом голосовании!), причем, голоса пришли всё от тех же демократов-южан – так, целиком проголосовали за преодоление вето Алабама и Арканзас, почти целиком – Луизиана, Вирджиния, Миссисипи, Северная и Южная Каролины, представленные только демократами. Против проголосовали 11 республиканцев и 71 демократ. Больше всего голосов против подали Массачусетс, Иллинойс и Нью-Йорк.

В Сенате на голосовании 23 июня расклад был не многим лучше. Тафту легко удалось набрать необходимые и там 2/3: 68 голосов против 25 (при 2 воздержавшихся). Поддержали Законопроект 48 республиканцев и 20 демократов (все те же южане). Таким образом Конгресс отменил вето Трумэна на Закон Тафта – Хартли, и скандальный документ вступил в силу и без подписи президента, сенатор же Тафт заявил о себе как о новом кандидате в президенты. Правда, его позиции тогда были не слишком сильны, если верить опросам. Gallup на 18 июня давал Трумэну без малого 55 % одобрения, а среди республиканцев у Тафта тогда было только 9 %, причем тенденции к росту рейтинга сенатора от Огайо не наблюдалось. Позиции же президента, наоборот, укреплялись, и причины увидеть тут было не сложно – росло недовольство среди американцев новым Законом Тафта – Хартли.

В июле у президента рейтинг составил уже 59 % как следствие поддержки населением его энергичной внешней политики. 23 июля общественности было представлено открытое письмо Уоллеса Трумэну. Генри Уоллес все никак не унимался и решил еще раз обрушиться непосредственно на дипломатическую сферу. Было отчетливо видно желание бывшего вице-президента покончить с «Холодной войной» по мере ее разрастания. В письме он раскритиковал всю внешнеполитическую доктрину США, включая и «План Маршалла», подчеркивая, что такое «поведение в отношении СССР обозначит начало “века страха”, а не “века сотрудничества”». И снова из уст бывшего вице-президента зазвучали как будто бы нотки оправдания Советского Союза: «Много из того, что встревожило нас в недавнем советском поведении, было результатом их тяжелого экономического положения, их обеспокоенности вопросами безопасности, опасений по поводу капиталистического окружения. Советскому Союзу надо доказать, что мы хотим торговать с ними и укрепить наши экономические отношения с ними. Чем более жестко мы ведем себя, тем более жесткими будут становиться русские»¹³⁹.

Письмо вызвало отклик. Сам Альберт Эйнштейн, живущий в США, выступил в поддержку Уоллеса. Именитый физик и нобелевский лауреат сам написал ему письмо, наполненное теплыми хвалебными словами: «Я не могу не выразить свое высочайшее и безоговорочное восхищение вашим письмом президенту. В нем содержится глубокое понимание фактической и психологической ситуации и многообещающее понимание нынешней американской внешней политики. Ваша мужественная позиция заслуживает благодарности всех нас, с глубокой тревогой наблюдающих за действиями нашего нынешнего правительства».

«Действия правительства», однако, развивались совсем в ином ключе. 26 июля Трумэн подписал Закон о национальной безопасности 1947 г., предусматривающий крупную перестройку всех военных и разведывательных органов США, работавших на тот момент с самого окончания Второй мировой войны – по мере усиления же «Холодной войны» они уже не отвечали всем потребностям внешней и оборонной политики государства. (Основные положения Закона вступили в силу 18 сентября, на следующий день после того, как Сенат утвердил Джеймса Форрестала¹⁴⁰ первым в истории США секретарем обороны.) Крупная реорга-

низация заключалась в том, что Военный департамент объединялся с Морским департаментом в новое федеральное правительственное ведомство – *Департамент обороны США*. Внутри нового Департамента обороны создавался Департамент военно-воздушных сил (а сами ВВС США теперь становились самостоятельным родом войск – ранее они входили в состав Армии). Корпус морской пехоты утвержден был, в соответствии с Законом, как самостоятельная военная служба, подчиненная Морскому департаменту (или Департаменту ВМФ) в составе единого Департамента обороны. Разместился Департамент в огромном, специально построенном по заказу армейского командования еще в 1941–43 гг. здании в округе Арлингтон, Вирджиния (недалеко от Вашингтона). Здание это, спроектированное архитектором Джорджем Бергстрёмом, имело форму огромного (в 5 этажей) правильного пятиугольника и потому вошло в историю под названием Пентагон. С тех пор именно с этим словом будут всегда ассоциировать единое военное ведомство США.

Наряду с военной реорганизацией, Закон проводил реорганизацию военно-политической структуры правительства США, создавая новое отдельное федеральное правительственное учреждение – *Совет национальной безопасности (СНБ)*, подчиненный напрямую президенту. СНБ должен был координировать вопросы обороны страны, иностранные дела, международную экономическую политику и политику в сфере разведки. Вопросы национальной разведки также организационно прописывались в Законе. В частности, созданное когда-то во время Второй мировой войны Управление стратегических служб США уже не могло отвечать новым задачам времени и было к тому моменту расформировано (все, что осталось от него – это небольшой аппарат во главе с директором Центральной разведки и его помощником). Потому на его месте решено было создать новое единое разведывательное ведомство – *Центральное разведывательное управление*, также непосредственно подчиненное президенту. Такая масштабная реорганизация в сфере обороны и военного планирования нужна была Белому дому для более успешного проведения в жизнь «принципа сдерживания», для чего требовалось с каждым месяцем все больше сил и ресурсов. Глобальное противостояние с СССР все больше затягивало Америку.

В это же время Дьюи, наконец, исподволь начинает свою кампанию. Пока что она была заявлена как «неполитическая» – губернатор все еще осторожничал, и ему хотелось «прощупать почву» для возможности выдвижения и привлечения средств в свой предвыборный фонд, больше «засветиться» в провинции, причем, в первую очередь на Юге и Среднем Западе. Дьюи начинает серию поездок, посетив для начала некоторые города Техаса, Оклахомы и Арканзаса. Губернатор выступил перед республиканцами г. Канзас-Сити, Миссури, но потом провел тур по Западу: посетил «столицу мормонов» г. Солт-Лейк-Сити в Юте, г. Денвер, Колорадо, проехал по штатам Вашингтон, а затем – по Неваде и Монтане.

Далее градус политики в выступлениях кандидата только нарастал. Дьюи перемещается на Северо-Восток – в г. Ливан, Нью-Гемпшир, а в конце августа он выступил на национальном съезде крупнейшей организации ветеранов страны, «Американского легиона»¹⁴¹. Что примечательно, говорил губернатор о внешней политике, впервые открыто обрушившись на администрацию Трумэна с критикой. И в последствии все кандидаты в президенты США, как правило, будут избирать площадкой для своих внешнеполитических выступлений именно съезды «Американского легиона», каждый раз подчеркивая там свое желание заручиться поддержкой у такой патриотической категории электората, как ветераны, и каждый раз говоря, как важно поддерживать ветеранов. Не всегда это будет иметь успех, но появление кандидата перед ветеранскими организациями (в том числе и еще одной – «Ветеранами иностранных войн», традиционно конкурирующей за популярность и внимание с «Американским легионом») станет обязательным пунктом каждой предвыборной кампании, тем более, если сам кандидат когда-то служил в рядах вооруженных сил и являлся членом той или иной ветеранской организации. И в тот раз Дьюи (к слову, никогда не служивший в армии и не воевавший) говорил жестко:

например, он выступил как самый настоящий интервенционалист, еще больший, чем сам президент – такой позиции придерживаться ему рекомендовал вновь приглашенный в предвыборный штаб Дьюи бизнесмен и дипломат Джон Фостер Даллес. Дьюи обратил внимание аудитории на «проблемы США в Китае», где союзник Америки Гоминьдан теснился коммунистами, а потому было вполне уместно, говорил Дьюи, критиковать Белый дом за самое настоящее «упущение Китая», за то, что администрация «упустила коммунистическое наступление в Китае и по всему миру».

Вообще, осень 1947 г. выдалась беспокойной – как в США, так и в Европе и мире. В сентябре делегация СССР выступила на II сессии Генассамблеи ООН с заявлением, где, в частности, говорилось: «Становится все более очевидным для всех, что проведение в жизнь «Плана Маршалла» будет означать подчинение европейских стран экономическому и политическому контролю со стороны США и прямое вмешательство последних во внутренние дела этих стран. Вместе с тем, этот план является попыткой расколоть Европу на два лагеря и завершить с помощью Великобритании и Франции образование блока ряда европейских стран, враждебного интересам демократических стран Восточной Европы и в первую очередь Советского Союза»¹⁴².

Наконец, последовал и ответ Советского Союза на сам «План Маршалла», и ответ этот стоило теперь учитывать – восстановлен был коммунистический Интернационал. Но теперь он не назывался, скажем, 4-й Интернационал или Коминтерн, как раньше. Новый единый орган руководства коммунистическими партиями во всем мире назывался «Информационное бюро коммунистических партий» или Коминформ¹⁴³. Его появление стало свидетельством отказа от концепции «национального пути к социализму», – прежней политической доктрины, которой до того придерживались в Кремле. Теперь там решили изменить стратегию и действовать в стиле «красного натиска», как когда-то в 1920-е и 1930-е гг. А потому страх в Западном мире с появлением Коминформа все больше нарастал.

Этого не могли не учитывать антикоммунисты в США, а потому активизировался одиозный Комитет по расследованию антиамериканской деятельности (НУАС). Комитет к тому времени (после промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 1946 г.) обрел нового, чрезвычайно энергичного председателя, конгрессмена-республиканца из Нью-Джерси Джона Парнелла Томаса¹⁴⁴. Именно ему принадлежала исключительная по своему безумию и нелепости мысль провести расследование возможного «проникновения коммунистов» в... Голливуд. Изначально «проникновение коммунистических взглядов», по мнению Томаса, могло идти в Голливуд через Гильдию сценаристов – тех, кто придумывает сюжеты для кинолент. Вскоре именно сценаристы больше всего и пострадали от неистовства Комитета и его главы Томаса (вскоре НУАС станут прямо называть «Комитетом Томаса»). 20 октября в столице прошли первые публичные слушания по вопросу «проникновения коммунистов» в Голливуд, сразу приковавшие к себе всеобщее внимание. Что было не удивительно, ведь Комитет составил список из без малого 43 работников кинобизнеса – тех, кто был вызван для дачи показаний для НУАС.

Далеко не все в киносообществе восприняли подобное положение вещей с энтузиазмом, и целая группа голливудских звезд в ответ создала «Комитет по защите Первой поправки», выступив в защиту свободы слова и свободы мнений в стране от возможных притеснений. В «Комитет Первой поправки» вошли крупные голливудские режиссеры прогрессивных взглядов – Уильям Уайлер и Джон Хьюстон. Также членами Комитета стали настоящие звезды кино: Берт Ланкастер, Грегори Пек, Хэмфри Богарт и его жена Лорен Бэколл, Джин Келли и др. Примечательно, что Комитет был создан в преддверии слушаний в Конгрессе, и потому его члены настаивали на том, что никто не может лишиться граждан США их гарантированных Конституцией свобод слова и собраний, а право не давать свидетельств против самих себя гарантирует

5-я Поправка. Из списка «Комитета Томаса» 19 человек сразу отказались свидетельствовать против себя, но 11 из них все же были вызваны в Вашингтон на слушания... в качестве свидетелей. В их числе был всемирно известный немецкий писатель-демократ, гонимый в свое время нацистами, Бертольд Брехт, эмигрировавший в США и работавший в Голливуде сценаристом. Не будучи коммунистом, он все равно посчитал для себя слишком унижительным давать прилюдно показания о личных политических взглядах, и возможно, взглядах своих коллег, а потому вновь эмигрировал – теперь уже из США.

На слушания явились 10 человек из списка, и, ссылаясь на 1-ю и 5-ю Поправки, отказались отвечать на вопрос, состоят ли они теперь, или состояли когда-либо в Коммунистической партии. Председатель Томас в ответ на ссылку свидетелей на 5-ю Поправку, как правило, просто выходил из себя и начинал буквально кричать, требуя ответа и грозя засудить свидетелей за «неуважение к Конгрессу». Последнее было довольно серьезным обстоятельством, грозившим неприятностями, поскольку «неуважение к Конгрессу» было (и остается) уголовным преступлением в США. В итоге те 10 человек, отказавшихся отвечать (а среди них был, например, самый в то время именитый голливудский сценарист Далтон Трамбо), получили официальные обвинения в «неуважении к Конгрессу» и предстали перед судом. Им были вынесены обвинительные приговоры (в основном, по 1–2 года тюрьмы), а имена занесены в «черный список», и студии отказывались работать с «Голливудской десяткой». Ключевую роль тут сыграл президент Американской ассоциации кинокомпаний Эрик Джонстон, ярый антикоммунист, заявивший, что ни один «коммунист не получит работу в Голливуде, поскольку является деструктивной силой». Были приглашены на заседания «Комитета Томаса» и так называемые «дружественные свидетели» – те, кто готов был давать показания и таким образом приводить примеры «коммунистического влияния» в Голливуде. «Дружественными свидетелями» оказались глава Гильдии киноактеров Рональд Рейган, звезда вестернов Джон Уэйн и знаменитый на весь мир мультипликатор Уолт Дисней. Все они так или иначе поддержали расследования «Комитета Томаса», подтвердив, что «коммунисты действительно представляют серьезную угрозу для Голливуда», ничего конкретного, впрочем, при этом не сообщив. 17 ноября Гильдия киноактеров, будучи актерским профсоюзом Голливуда, под влиянием Рейгана обязала всех своих членов не вступать в Компартию США и не сотрудничать с коммунистами на под каким видом...

На этом фоне в конце года опрос соцслужбы Roper показывал, что только 22 % американцев считают работу Конгресса «отличной или хорошей», даже несмотря на попытки Конгресса отстаивать интересы страны во внешней и внутренней политике. Но 52 % респондентов назвали вовсе не «противодействие коммунизму» главной своей тревогой, а инфляцию. Действительно, правительство после катастрофического обвала экономики в 1946 г. смогло стабилизировать положение и замедлить рецессию – ВВП в 1947 г. упал только на 1,1 %, а вот инфляция разогналась со страшной силой до 8,8 %, к тому же не удалось снизить безработицу – она осталась на уровне прежних 3,9 %. Больше всего подорожал бензин – на 16,4 %, продовольствие выросло в цене на 11,3 %, одежда – на 8,2 %, а здравоохранение – на 6,9 %¹⁴⁵.

В общем, намного больше, чем коммунизм, волновала тогда американцев экономика и личное потребление. Результаты опросов показывали, что, например, такой лидер Конгресса, как Тафт, и его консервативная, антикоммунистическая повестка имели намного меньше поддержки в обществе, чем он считал сам, еще в начале работы нового состава Конгресса. Та же служба Roper в конце 1946 г. спросила избирателей, думают ли они, что «правительство должно обеспечивать уровень жизни населения». И 72 % ответили положительно. Ровно год спустя, к концу 1947 г., уже 77 % согласились с утверждением, что «было бы хорошо расширить систему соцстрахования на всех, кто имеет работу». Все больше людей поддерживало систему государственного жилищного строительства в федеральных масштабах – 62 %. Большинство опрошенных вообще сказали тогда, что будут голосовать за демократа на предстоящих пре-

зидентских выборах, – вне зависимости от колебаний рейтинга популярности Трумэна, да и собственно того, кто станет вскоре кандидатом от Демократической партии.

Между тем, Тафт, который шел по популярности среди республиканцев только 3-м или 4-м, в конце года начал собственный национальный тур в качестве кандидата в президенты. Правда, имидж свой могущественный сенатор от Огайо и автор скандального Закона Тафта – Хартли так и не смог выправить. Он всегда предельно откровенно высказывал свои мысли. Он «был человеком, твердо придерживавшимся принципов, в которые он верил, и когда вопрос вставал об этих основополагающих принципах, даже заманчивость Белого дома или возможность нанесения ущерба своей кандидатуре не могли удержать его от откровенного изложения своих взглядов»¹⁴⁶.

Больше всего недоброжелатели припоминали сенатору его скандальную речь 6 октября 1946 г., когда он публично выступил против смертного приговора нацистским преступникам на Нюрнбергском трибунале. Тафт тогда пошел против мнения всей остальной Америки – согласно опросам, смертный приговор поддерживало до 90 % граждан США. Но Тафт все же выступил на Конференции Англо-американского наследия в Кэньон-колледже в Огайо. Он назвал свою речь «Равная справедливость по закону». Нюрнбергский трибунал он назвал «судом победителей над побежденными, который не может быть непредубежденным независимо от того, как он связан с формами отправления правосудия».

Он заявил: «Я сомневаюсь, что казнь через повешение тех, кто несмотря на все питаемое к ним презрение, был лидером германского народа, когда-либо отвратит кого бы то ни было от развязывания агрессивной войны, так как никто не начинает агрессивной войны, не рассчитывая победить в ней. Во всем этом решении присутствует дух мстительности, а мстительность редко означает справедливость. Казнь через повешение 11 осужденных лиц ляжет пятном на репутацию Америки, о чем мы будем долго сожалеть». <...>

Многие, очень многие люди возмутились замечаниями Тафта. Те, кто сражался, или чьи родственники участвовали в боях и, возможно, погибли, давая отбор германским агрессорам, отнеслись с негодованием к этим красивым словам, произнесенным политиком, никогда не видевшим сражений. Те, чьими родственниками или бывшими соотечественниками были евреи, поляки, чехи и представители других национальных групп, терроризированных Гитлером и его подручными, были шокированы. <...> Дьюи, ярый соперник Тафта, боровшийся с ним за контроль над партией и за право быть выдвинутым кандидатом в президенты в 1948 году, заявил, что приговор был вполне справедливым. <...> Дьюи заявил: «Над обвиняемыми в Нюрнберге был проведен справедливый всесторонний суд. Никто не может питать какое-либо сочувствие к этим нацистским лидерам, доставившим такие страдания всему миру». <...> Олбен Баркли заявил, что Тафт «никогда не испытывал усиленного биения сердца по поводу толп у общественных кухонь в 1932 году, но его сердце мучительно кровоточит из сочувствия преступником в Нюрнберге». Типичным для реакции демократов на слова Тафта было заявление сенатора Скотта Лукаса из Иллинойса, который назвал речь Тафта «классическим свидетельством того, что у него каша в голове», и предсказал, что это «отзовется бумерангом на его ожиданиях быть выдвинутым кандидатом в президенты»¹⁴⁷.

Еще в сентябре, когда журналисты просили его прокомментировать растущую инфляцию и задали вопрос, что домохозяйки должны будут готовить на обед и ужин, учитывая так радикально возросшие цены на мясо, Тафт вновь, как и в 1946 г., ответил так, что его запомнили после этого надолго: «Все должны сократить свои потребности. Мы должны сократить потребление в стране». Газеты тут же вышли с убийственным для кандидата заголовком: «Тафт призвал: “Меньше ешьте!”»

Но лучше его риторика не стала. В Омахе Тафт говорил о тревогах фермеров и о том, что поддержка государством стоимости их продукции (ценовые субсидии) может быть сокращена до уровня менее 90 % паритета (т. е. базового – по состоянию на 1914 г. – соотноше-

ния цен сельхозпродукции и промышленной продукции в США). Такие «обещания» никак не могли понравиться местной фермерской аудитории сенатора. Во время поездки по Калифорнии, в Санта-Крузе и Лос-Анджелесе Тафт пересек черту, прямо заявив, что государство должно радикально сократить расходы, включая все соцпрограммы. В Сиэтле публика просто не стала терпеть эскапады сенатора – часть обозленных демонстрантов пыталась пробраться к его машине, забрасывая ее гнилыми овощами, каждый раз напоминая, что сенатор – один из авторов ненавистного Закона Тафта – Хартли. В конце концов, ему пришлось прервать тур и вернуться в Вашингтон. Но тур прошел не совсем безрезультатно – к концу года рейтинг Тафта среди республиканцев несколько подрос – до 10 %. Обозначилась прочная консолидация вокруг сенатора всего консервативного крыла партии, тогда как либеральным и умеренным республиканцам еще только предстояло выбирать между Дьюи и Стассеном.

Самый конец года прошел под аккомпанемент президентской кампании Уоллеса, который, наконец, официально осмелился выставить свою кандидатуру на предельно либеральной, прогрессивной платформе. Осенью, в октябре, он предпринял весьма рискованный с точки зрения имиджа шаг и вновь посетил Советский Союз – уже как частное лицо. Политик надеялся на личные связи с советскими дипломатическими кругами. В Москве у Уоллеса состоялась довольно примечательная встреча с заместителем Молотова по общим вопросам, зловецим Андреем Вышинским¹⁴⁸, в недавнем прошлом генпрокурором и главным обвинителем на «Московских процессах». Беседуя с Уоллесом, Вышинский на вопрос, «является ли борьба между СССР и США борьбой идеологий или социальных экономических систем, ответил, что в первую очередь это борьба систем, но, разумеется, не без участия и идеологий. Но прежде, чем серьезно говорить о борьбе идеологий, необходимо было достичь определенного экономического уровня и военной мощи. Идеологическая борьба, а не разговоры о ней, имела бы первостепенное значение лишь в том случае, если бы опиралась на экономическое равновесие обеих стран. Не располагая реальными возможностями для соревнования с Западом в экономической сфере, советские руководители ограничивались по преимуществу сферой вербальной политики и идеологии.

Вышинский в разговоре с Уоллесом отметил, что тупик в советско-американских отношениях явился результатом неправильной внешней политики «так называемого нового курса Трумэна – Маршалла, которые нарушают имеющиеся между союзниками соглашения, игнорирует Организацию Объединенных Наций и думают строить отношения с СССР не на основе соглашения, договоренности и сотрудничества, а на основе диктата, что не может иметь никакого успеха и что всегда встретит и впредь самое решительное наше сопротивление». Выход же из тупика, с точки зрения замминистра иностранных дел СССР, состоял в честном выполнении принятых на себя обязательств. Однако при этом Вышинский назвал чистым взором и инсинуациями предположение Уоллеса о том, что Москва инструктирует компартии в других государствах»¹⁴⁹.

Прогрессивный вызов Уоллеса не мог быть проигнорирован в Белом доме. Главный политический стратег администрации Кларк Клиффорд 19 ноября представил президенту особый политический меморандум – первый настоящий документ будущей кампании Гарри Трумэна¹⁵⁰. Общая идея Клиффорда была в том, что президент должен был – в свое время – предстать перед американским народом настоящим преемником Рузвельта, собственно «новым Рузвельтом», достойным продолжателем наследия «Нового курса», в первую очередь, конечно же, в социальной политике ФДР! Так, в своем меморандуме Клиффорд подчеркивал: президент «должен быть президентом всех американцев, а не только лидером своей партии», «широкие массы избирателей редко, если вообще рассматривают его в роли главы государства или политика, ответственного за решение наших национальных проблем». Демократическая партия, согласно мысли Клиффорда, нуждалась в укреплении, потому что представляла собой

на тот момент «*несчастливый союз* консерваторов Южных штатов, прогрессистов Западных штатов и рабочих крупных городов Севера». А потому одно из центральных мест в предстоящей кампании должны были занять проблемы экономики, где позиции Белого дома были на тот момент уязвимы, прежде всего, слева и в первую очередь – со стороны прогрессистов Уоллеса, за которыми стояли, по мысли Клиффорда, коммунисты! Клиффорд призвал сосредоточиться на привлечении голосов интеллигенции и значительной части левых – ибо тогда это была основа поддержки Уоллеса. Потом нужно было нанести сокрушительный удар уже по Республиканской партии.

Клиффорд писал: «Люди, окружающие Уоллеса, мотивируется идеологией Коммунистической партии. И главным апостолом Кремля, который определяет эту идеологию, по-прежнему является Карл Маркс. Марксисты исходят из того, что капиталистическая экономика содержит в самой себе семена своего собственного разрушения, что она должна неизбежно погибнуть в результате депрессии и коллапса. Но эта жесткая идеология не исключает и установки на то, что там, где и когда это возможно, партия должна всемерно способствовать ускорению этого процесса. Москва достаточно хорошо осведомлена о тонкостях американской политики для того, чтобы понять, что республиканская администрация окажется достаточно реакционной и твердолобой и неспособной предпринять такие государственные шаги, которые необходимы для стимулирования развития капиталистической экономики в кризисные времена»¹⁵¹.

Потому и была рождена концепция о том, что если республиканцы вдруг придут к власти в Вашингтоне, они вновь вызовут Великую депрессию, следовательно – нужно было не дать им победить на предстоящих выборах. Этот тезис потом будет одним из главных во всех предвыборных речах президента.

Тем временем 29 декабря 1947 г. из радиостудии в Нью-Йорке Генри Уоллес обратился к американцам с большой программной речью. В ней он критиковал истеблишмент, критиковал президента, защищал свое особое видение американской роли в мире, вновь отсылая к своей речи 1942 г. о «веке простого человека» и объясняя, почему он создает свою Прогрессивную партию, а не выдвигается от демократов, к коим ранее сам же и принадлежал:

«В течение последних 15 месяцев я исколесил всю страну, с севера на юг и с востока на запад, разговаривал с полумиллионом человек на митингах под открытым небом, и с тысячами людей – на встречах в залах. Я работаю и буду продолжать работать во имя мира и безопасности.

Сегодня повсюду в Соединенных Штатах – среди фермеров, рабочих, мелких предпринимателей, мужчин и женщин разных профессий я вижу растерянность, неуверенность и страх. Люди не спрашивают: «Будет ли новая война?» Но они спрашивают: «Когда будет война?»

Повсюду я вижу, что люди тратят так много на еду и аренду жилья, что уже не могут позволить себе привычные услуги врача и стоматолога. Они не спрашивают: «Будет ли еще одна депрессия?» Они спрашивают: «Когда начнется настоящая депрессия?»

Мир и изобилие очень много значат для меня, и я сказал уже на дюжине пресс-конференций и во многих своих выступлениях, когда меня спрашивали о новой третьей партии: «Если Демократическая партия по-прежнему будет *партией войны и депрессии*, то новая партия даст людям шанс проголосовать за процветание и мир».

Тем, кто приходил ко мне с вопросом об условиях моей поддержки нынешней демократической администрации, я отвечал: «Пусть администрация откажется от военного призыва и избавится от поджигателей с Уолл-стрит, которые ведут нас к войне».

Я настаивал на том, чтобы демократическая администрация обуздала постоянно растущую власть и прибыль монополий и предприняла конкретные шаги для сохранения уровня жизни американского народа. Я требовал, чтобы демократическая администрация прекратила свои атаки на гражданские свободы американцев. В своих выступлениях на Севере и на Юге,

на митингах против сегрегации, я изложил простую истину, что сегрегации и дискриминации любого рода нет места в Америке.

Мои условия для поддержки демократов хорошо известны.

Своими действиями и, наконец, своими словами они сказали: «Генри Уоллес, мы приветствуем вашу поддержку, но мы не изменим нашу политику».

Отвечая мне, руководство Демократической партии также ответило и миллионам американцев, которые требуют права голосовать за мир и процветание. Таким образом, руководство Демократической партии лишило американский народ его законной возможности выбрать между прогрессом и реакцией в 1948 г.

Что касается Республиканской партии, то там надежды нет – как это давно выяснили Джордж Норрис, Фиорелло Ла Гуардия и Уэнделл Уилки¹⁵².

Когда старые партии гниют, люди имеют право быть услышанными с помощью новой партии. Они отстаивали это право, когда Демократическая партия была основана Джефферсоном в борьбе против Федералистской партии войны и привилегий. Они снова добились победы, когда родилась Республиканская партия Линкольна. Народ должен снова получить возможность распорядиться своими голосами в 1948 г.

Равнодушные либералы, сидящие на двух стульях, говорят: «Зачем выбрасывать свой голос на ветер?» Я же отвечаю: «Голоса за новую партию в 1948 г. будут самыми ценными голосами, которое вы когда-либо отдавали на выборах или когда-либо отдадите!»

Чем больше будет голосов за мир в 1948 г., тем яснее мир узнает, что Соединенные Штаты не поддерживают *реакционную двухпартийную политику войны*, которая состоит в том, чтобы поделить мир на два вооруженных лагеря и сделать неизбежным день, когда американские солдаты будут лежать в своих арктических защитных костюмах в русском снегу.

Между Трумэном и республиканцами нет настоящей борьбы. Обе эти стороны выступают за политику, которая открывает дверь к войне в нашей жизни и гарантирует войну нашим детям.

Перестаньте обманывать себя, говоря: «Мне это не нравится, но я собираюсь голосовать за меньшее из двух зол».

Вместо того чтобы выбрать из этих зол, смело выходите, встаньте прямо и во весь голос прокричите – так громко, чтобы вас мог услышать весь остальной мир:

«Мы голосуем за мир и безопасность для себя и наших детей. Мы боремся за настоящий американизм на выборах 1948 г. Мы боремся за свободу слова и свободу собраний. Мы боремся за прекращение расовой дискриминации. Мы боремся за более низкие цены. Мы боремся за свободные профсоюзы, за рабочие места и за дома, в которых мы можем достойно жить».

Мы только что прошли через праздничные дни (имеются в виду Рождественские каникулы – *Д.О.*), когда каждая радиостанция и каждая церковь вещали радостные гимны о мире. Каждый год в это время сердца американского народа полны искренней доброй воли ко всему человечеству. Мы добрые, мирные люди.

Но выходные праздничные дни быстро проходят, и одним из первых пунктов повестки дня нового Конгресса является всеобщая воинская повинность¹⁵³. Я говорю, что первой политической целью прогрессистов является добиться поражения этого законопроекта, который мобилизует наших 18-летних мальчиков в армию и будет стоить нации 2 млрд долл. в год.

Всеобщий призыв в армию является первым решающим шагом на пути к фашизму.

Мы будем бороться с этим законопроектом до конца, как и со всеми конгрессменами, которые проголосуют за него!

Американцы из прессы узнают, что платят фантастические средства на *военные авантюры* в Греции, Турции, Китае – и миллиарды на вооружение здесь, дома.

Но постепенно до нас доходит, что эти газетные заголовки проявляются в нашей повседневной жизни... в продуктовом магазине, когда мы платим 1 доллар за фунт масла, 95 центов за яйца и 90 центов за мясо.

Мы внезапно осознаем, что нельзя заставить всех людей в мире готовиться к следующей войне, не заплатив за это в своей повседневной жизни – меньшим количеством еды, одежды и жилья. Подготовка к войне приносит рекордную прибыль крупному бизнесу, но лишь ложное процветание для людей – ведь их покупательская способность уменьшается с ростом цен, а их потребности не исчезают, и они обременены новыми долгами.

Да, прибыль корпораций теперь втрое выше, чем в 1939 г., но каждая семья платит за нашу военную политику в продуктовом магазине.

Новая партия должна отстаивать позитивную мирную программу изобилия и безопасности, а не дефицита и войны. Мы можем предотвратить депрессию и войну, если мы обеспечим мир только таким же всеобъемлющим образом, каким мы разжигаем войну.

Я лично был за гуманитарные аспекты «Плана Маршалла» задолго до того, как он был объявлен. Поскольку я видел послевоенную потребность в помощи людям, меня обвинили в том, что я хотел «квартиру молока для каждого готтентота».

Я настаивал на помощи Греции, вопреки оппозиции администрации, еще за 8 месяцев до объявления «Доктрины Трумэна». Но я боролся и буду продолжать бороться против таких программ, которые дают людям оружие, когда они хотят плугов.

Я борюсь с «Доктриной Трумэна» и «Планом Маршалла» в их нынешнем виде, потому что они делят Европу на два враждебных лагеря. Те, кого мы покупаем политически нашей едой, скоро нас покинут. Они отплатят нам монетой временной благодарности, а затем обратятся к ненависти к нам, потому что наша политика разрушает их свободу.

Мы восстанавливаем Западную Европу и Германию через агентства США, а не агентства ООН, потому что мы хотим ограничить Россию. Мы ведем себя так же, как Франция и Англия после предыдущей мировой войны (то есть Первой мировой – *Д.О.*), и конечный результат будет таким же – растерянность, депрессия и война.

Этого просто не должно произойти. Работа ради мира, процветания и прогресса стоит бесконечно меньше, чем работа по разжиганию войны.

Мы, кто верит в это, тут же названы «инструментами русского влияния» и «коммунистами». Но пусть *торговцы страхом* не искажают правды и не скрывают сути проблемы, а называют вещи своими именами. Мы – не за Россию, и мы не за коммунизм, но мы осуждаем методы гитлеризма, когда мы видим их на своей собственной земле, и мы осуждаем людей, которые участвуют в подобной травле оппозиции как «врагов человеческого рода», людей, которые предпочли бы скорее развязать Третью мировую войну, чем приложить подлинные усилия для достижения мирного решения разногласий.

Я хочу прояснить одну вещь и для России, и для Соединенных Штатов: мир требует реального взаимопонимания между нашими народами. Россия может выиграть от мира столько же, сколько Соединенные Штаты, и так же, как мы здесь боремся против распространителей ненависти и лжи против России, ее лидеры могут внести большой вклад, сдерживая тех экстремистов, которые пытаются расширить пропасть между нашими странами, двумя великими державами.

Я настаиваю на том, чтобы Соединенные Штаты были в полной безопасности до тех пор, пока не будет достигнут реальный мир между ними и Россией, и пока не появятся международные полицейские силы, более сильные, чем армия любой нации, включая Россию и Соединенные Штаты.

Я категорически против любого империализма или экспансионизма, спонсируемого Британией, Россией или Соединенными Штатами, и призываю Россию, а также Соединенные

Штаты объективно и без каких-либо ограничений взглянуть на все наши разногласия, на предрассудки, которые породили ненависть с обеих сторон.

Мир нуждается в конференции Организации Объединенных Наций по разоружению, чтобы навсегда избавить человечество от угрозы не только атомных бомб, но и всех других видов оружия массового уничтожения.

Так случилось, что все предки моей матери и 3/4 предков моего отца приехали в эту страну еще до Американской революции, и я люблю американизм, меня учили уважению к нему в школе в Айове, еще полвека назад.

Этот американизм был предан после Первой мировой войны силами, олицетворяемыми монополистическим капитализмом, «желтой журналистикой» и расовым фанатизмом. Сегодня существует большая угроза, чем когда-либо прежде. Мы теряем друзей, разрушаем наши основные свободы и создаем себе врагов в то время, когда цена неудачи – полное уничтожение.

Эту неудачу можно встретить и преодолеть только новым политическим раскладом в Америке, который требует организации новой политической партии.

С этой целью я объявляю сегодня, что я буду баллотироваться в качестве независимого кандидата на пост президента Соединенных Штатов в 1948 г.!

Тысячи людей на всей территории Соединенных Штатов попросили меня участвовать в этой великой борьбе. Люди поднимаются и объединяются для этого. Я надеюсь, что вы – те, кто слушает меня сегодня, – возглавите силы мира, прогресса и процветания в ваших общинах и по всей нашей стране. Вы дадите мне знать, что вы поднялись для борьбы с силами зла?

Мы собрали «армию Гедеона»¹⁵⁴ – небольшую по численности, но сильную в своей вере и готовую к действиям. Нам, как и Гедеону сказано было: «Пусть уйдут те, кто испуган и дрожит». Каждого, кто испугается и покинет нас, тут же заменит тысяча новых. Защита справедливости стоит сотни армий.

Мы имеем дело с будущим, свободным от каких-либо принципов, кроме принципа общего благосостояния. Мы не нуждаемся в содействии какой-либо группы, не следующей этому принципу. Волей Божьей, мир между народами откроет век простого человека»¹⁵⁵.

Январь 1948 года: президент атакует

Новый 1948 год стал определяющим для всей американской политики того времени – в ноябре должны были состояться важнейшие, первые послевоенные всеобщие выборы, когда вместе с президентом выбирать предстояло еще и новый состав Конгресса США, что сформировало бы новую конструкцию власти в стране. Важнейшим год становился прежде всего для президента Гарри Трумэна, «президента случайного», занявшего Белый дом при трагических обстоятельствах, а теперь способного занять его уже по воле народа, получив мандат от избирателей на следующие 4 года.

Трумэн все еще не был формально кандидатом, но всем стало ясно, что он стал им – когда президент представил отчет своего Кабинета в послании к Конгрессу. В обширной речи 7 января на объединенной сессии обеих палат Конгресса Трумэн не только говорил о достижениях администрации во внешних и внутренних делах, – слова его зазвучали в абсолютно предвыборном духе. Он заговорил и о своих далеко идущих планах как президента. И это были предвыборные обещания, поскольку рассчитаны были, что обращало на себя внимание, на годы вперед (10 лет), а не только на весь возможный следующий срок Трумэна в Белом доме – за него и предстояла борьба. Над смыслом и содержанием послания усердно работала команда президентских помощников во главе с Кларком Клиффордом, и им удалось составить великолепную политическую – по-настоящему предвыборную – речь, выглядевшую чрезвычайно серьезно¹⁵⁶.

Президент, прежде всего, обратился к республиканскому Конгрессу, стоящему к нему в жесткой оппозиции, с призывом о том, что орган законодательной власти должен быть вместе с президентом в решении задач страны, а потому должен «сосредоточить свое внимание не на партии», не на «том, что нас разделяет, а на том, что нас связывает». Президент призвал обратиться к... вере как к «основному источнику силы американцев».

Важно отметить, что президент выступил, согласно ноябрьской стратегии Клиффорда, как настоящий прогрессист: «Мы не верим, что люди существуют просто для того, чтобы укреплять государство или быть *винтиками в экономической машине*. Мы верим, что правительства созданы для того, чтобы служить людям, и что экономические системы существуют, чтобы отвечать желаниям людей. Мы глубоко привержены идее благосостояния и прав человека».

В своем послании президент предложил слушателям взглянуть на то, как далеко США продвинулись за последние 10 лет, и на то, как далеко страна могла бы продвинуться в 10-летие следующее. По его словам, прошедшее 10-летие с 1938 г. дало Америке «новую уверенность и новое доверие к идеалам свободной демократии». Прошедшая война укрепила у нации «глубокую веру в свободу и справедливость». Движение же в следующее 10-летие Трумэн предлагал осуществить на основе «значительно укрепившейся экономики и новой уверенности в демократических ценностях». Он выразил уверенность «в том, что с ясными целями и твердой решимостью США смогут в ближайшие 10 лет опираться на достижения прошлого 10-летия во имя славного будущего». А первой целью в этом пути будет «полное обеспечение в Америке основных прав человека и гражданина».

Трумэн впервые за свое президентство – во всеуслышание, на национальном уровне, будучи главой государства, – выразил «глубокую обеспокоенность правами человека». «Свобода вероисповедания, свобода слова и свобода мысли – это те заветные ценности на нашей земле. Любое отрицание прав человека является отрицанием основных убеждений демократии и нашего уважения к ценности каждого человека», – подчеркнул он.

Трумэн пошел дальше – он обратил внимание общества на проблему расовой дискриминации, все четче проявляющуюся в послевоенной Америке. Он заявил, что «сегодня некоторым гражданам по-прежнему отказывают в равных возможностях для получения образования, работы и экономического процветания, а также для выражения своих взглядов на выборах». Самое же серьезное, по его словам, это когда некоторым гражданам при этом «отказывают в равной защите по закону». «Независимо от того, основана ли дискриминация по признаку расы, вероисповедания, цвета кожи или происхождения, она полностью противоречит американским идеалам демократии», – провозгласил президент.

В деле борьбы с расовой сегрегацией в США Трумэн действительно пошел дальше ФДР. Он сослался на работу сформированного им Комитета по гражданским правам¹⁵⁷, который в своем недавнем докладе указал путь к действиям со стороны федерального правительства, а также штатов и местных органов власти, которые бы смогли исправить ситуацию с дискриминацией расовых меньшинств. В связи с необходимостью эффективных действий правительства президент обещал направить Конгрессу специальное послание по этому важному вопросу, чем тут же насторожил всех без исключения южан, не ожидавших от Трумэна такого рвения.

Далее Трумэн призвал исполнить обязательство американских властей по обеспечению как можно более полных прав населения заморских территорий и владений – в первую очередь, таких крупных и населенных, как Аляска и Гавайи. «Я считаю, что настало время для принятия Аляски и Гавайев в Союз в качестве штатов», – заявил президент.

Второй главнейшей целью для правительства он назвал защиту и развитие «человеческих ресурсов». «Защита прав наших граждан должна сопровождаться равным уважением их возможностей для их развития и защиты от экономических трудностей. В этой стране идеа-

лам свободы и равенства можно придать конкретное значение – в вопросах здравоохранения, образования, соцобеспечения и жилья», – заявил Трумэн.

По его словам, за последние 12 лет в США была создана прочная основа законодательства о соцобеспечении, когда многие миллионы граждан страны в настоящее время оказались защищенными от потери дохода, которая может возникнуть из-за безработицы, старости или смерти рабочего. И, тем не менее, по словам президента, система соцобеспечения имела пробелы и только наполовину была выстроена.

«Теперь мы должны предоставить компенсацию по безработице, пособия по старости и пособия по случаю потери кормильца миллионам людей, которые в настоящее время никак не защищены. Мы также должны повысить уровень льгот.

Самый большой пробел в нашей структуре соцобеспечения – это отсутствие адекватного обеспечения здоровья нации. Мы по праву гордимся высокими стандартами медицинской помощи в Соединенных Штатах. Однако факт заключается в том, что большинство наших людей не могут позволить себе платить за необходимое лечение.

Я твердо настаиваю на том, что нам требуется национальная программа здравоохранения. Сердцем программы должна стать *национальная система оплаты медицинской помощи, основанная на проверенных принципах соцстрахования*. Эта великая нация не может позволить своим гражданам без необходимости страдать от отсутствия надлежащей медпомощи.

Конечной же целью должна быть всеобъемлющая система страхования, чтобы в равной степени защитить всех наших людей от отсутствия безопасности и плохого состояния здоровья», – говорилось в послании Конгрессу.

Еще одной «фундаментальной целью демократии» Трумэн назвал обеспечение адекватного образования для каждого. Образовательную систему США президент назвал находящейся в состоянии финансового кризиса: «Вызывает сожаление тот факт, что в такой богатой нации, как наша, миллионы детей не имеют адекватных школ или учителей для получения хорошего начального или среднего образования. Если в каком-либо штате существуют недостатки в области образования, страдает вся страна. Федеральное правительство несет ответственность за предоставление финансовой помощи для преодоления этого кризиса».

Как итог президент призвал к созданию нового федерального Департамента США для исполнения правительственных программ в области здравоохранения, образования и соцобеспечения¹⁵⁸.

Далее, президент призвал к масштабной программе федерального жилищного строительства: «Здоровье и образование начинаются с дома. Независимо от того, на что похожи наши больницы или школы, молодежь нашей страны становится инвалидами, когда миллионы молодых живут в городских трущобах и лачугах. В течение следующего 10-летия мы должны добиться, чтобы у каждой американской семьи был приличный дом. В качестве немедленного шага нам нужна долгосрочная жилищная программа, которую я неоднократно рекомендовал этому Конгрессу. Программа должна включать систему финансовой помощи для получения большего количества жилья по более низким ценам. Правительство должно предоставлять государственное жилье семьям с низкими доходами и энергично разрабатывать новые методы для снижения стоимости строительства жилья. И пока мы не можем преодолеть существующую острую нехватку жилья, мы должны расширить и усилить контроль за арендной платой за жилье».

Особое внимание слушателей президент обратил на проблему ветеранов: «Более 14 млн мужчин и женщин, служивших в вооруженных силах во время Второй мировой войны, теперь вернулись к гражданской жизни. Более 2 млн ветеранов имеют помощь для получения образования. Миллионам помогли найти работу и помогли в покупке домов, получении медицинской помощи и адаптации при инвалидности. Все, кроме очень немногих ветеранов, успешно вернулись с войны в свои родные общины. Успех нашей программы помощи ветеранам подтвер-

ждается этим фактом. Нация гордится стремлением наших ветеранов стать самостоятельными и самодостаточными гражданами».

Третьей целью Трумэн назвал сохранение и использование природных ресурсов Америки. В этой сфере он призвал к целому ряду конкретных шагов: «Нам нужны точные и всесторонние знания о наших минеральных ресурсах, и мы должны активизировать наши усилия по увеличению добычи и накоплению запасов дефицитных материалов. Мы должны защищать и восстанавливать наши земли, – как земли штатов, так и частные земли, – путем борьбы с эрозией и восстановлением плодородия почв. Мы должны расширить нашу программу мелиорации, чтобы сделать плодородными миллионы акров засушливых земель и улучшить водоснабжение для новых миллионов акров неосвоенных земель. Это даст новые возможности занятости для ветеранов и других людей, особенно на Западе, и поможет обеспечить повышение уровня жизни растущего населения страны. Мы должны защищать и восстанавливать наши леса путем последовательного лесопользования и посадки новых деревьев в районах, бесплодных и пострадавших от вырубki. Мы должны продолжать возводить многоцелевые плотины на наших великих реках – не только для восстановления земель, но и для предотвращения наводнений, расширения наших внутренних водных путей и обеспечения гидроэлектроэнергии. Этот вид энергетики не должен быть монополизирован для личной выгоды».

Президент призвал к формированию свободного рынка электроэнергии в США, причем, «поощряя широкое использование энергетики по низким ставкам, федеральное правительство может обеспечить большие выгоды для частных потребителей. И гидроэнергетика – как государственная, так и частная – необходима для того, чтобы восполнить нехватку электроэнергии для промышленного и сельскохозяйственного развития. Необходимо добиться «разумного использования ресурсов посредством комплексного развития бассейнов великих рек». Необходимо развивать опыт освоения долины р. Теннесси и применять его для развития бассейнов других великих рек¹⁵⁹, заявил Трумэн.

Четвертая цель, по словам президента, – обеспечение роста уровня жизни всех американцев, укрепление экономической системы и более широкое распространение среди американцев отечественных товаров. «Удивительный экономический прогресс последних 10 лет указывает путь для следующих 10 лет», – заявил президент.

По словам Трумэна, с 1938 г. США добились огромных успехов в экономике: создано на 14 млн больше рабочих мест, чем было 10 лет назад. Годовой объем производства товаров и услуг увеличился на 2/3. Средний подушевой доход гражданина США, остающийся у него после уплаты налогов, вырос более чем на 50 %.

Президент призвал увеличить годовой объем производства как минимум на 1/3 от тогдашнего уровня и поднять уровень жизни почти вдвое, чем это было 10 лет назад. При этом, по словам президента, «непрерывное процветание фермерских хозяйств и сельскохозяйственное изобилие будут достигнуты только по мере роста и процветания всей экономики». О фермерах в послании было сказано довольно много.

«Хотя средний фермер чувствует себя сейчас лучше, чем когда-либо прежде, фермерские семьи в целом только начали догонять уровень жизни, сложившийся в городах. В 1946 г. средний доход фермеров составлял 779 долл., в отличие от среднего дохода в 1288 долл. у горожан. В течение следующего 10-летия мы должны устранить элементы неравенства в этих условиях жизни.

Для этого наша фермерская программа должна позволить фермеру продавать различные сельхозкультуры по справедливым ценам и повысить его собственный уровень жизни.

Нам необходимо продолжать поддерживать цены на основные сельхозтовары на основе, которая обеспечит разумную защиту от колебаний уровня производства и спроса. *Нынешняя программа ценовой поддержки* должна быть пересмотрена и модернизирована.

Страхование урожая должно быть усилено, а его преимущества расширены, чтобы защитить фермера от особых опасностей, которым он подвергается.

Нам также необходимо усовершенствовать способы доставки сельхозпродукции на рынки и в руки потребителей. Кооперативы, которые прямо или косвенно служат этой цели, нужно поощрять, а не препятствовать им. Программа бесплатных школьных обедов должна продолжаться и адекватно финансироваться.

Нам необходимо продолжать реализацию программы электрификации сельских районов, чтобы электроэнергия приносила пользу всему нашему сельскому населению.

Мы можем и должны помогать и поощрять фермеров сохранять их пахотные земли и восстанавливать плодородие почв, которые пострадали от небрежного или неразумного использования.

Все эти практические меры мы должны принять незамедлительно, чтобы сельское хозяйство могло внести свой вклад в наше общее процветание», – резюмировал президент, говоря о программе помощи фермерам.

Систему свободного предпринимательства также нужно укреплять в течение следующих 10 лет, заявил президент. Промышленность, по его мнению, должна инвестировать не менее 50 млрд долл. в улучшение и расширение производственных мощностей в течение следующих лет. А новые возможности для роста экономики должно обеспечить промышленное применение атомной энергии...

«Рост и жизнеспособность нашей экономики зависят от энергичного частного предпринимательства. Свободная конкуренция является ключом к промышленному развитию, полному производству и занятости, справедливым ценам и постоянно растущему уровню жизни. Конкуренция сегодня серьезно ограничена во многих отраслях из-за концентрации экономической власти и возникновению монополий. Существенное значение имеет выделение достаточных средств для обеспечения надлежащего применения существующих антимонопольных законов. Помимо этого, мы должны продолжать укреплять наше законодательство для защиты конкуренции.

Другим основным элементом сильной экономической системы является благосостояние наемных рабочих.

Мы узнали, что благосостояние рабочих зависит от высокой производительности и, следовательно, высокой занятости. Мы одинаково хорошо узнали, что благосостояние промышленности и сельского хозяйства зависит от высоких доходов наших рабочих.

Правительство мудро решило установить обязательный минимум зарплаты. Но наша минимальная зарплата в 40 центов неадекватна и устарела. Я рекомендую поднять минимальную заработную плату до 75 центов в час.

В целом, однако, мы должны продолжать полагаться на нашу разумную систему коллективных переговоров для установления прочной шкалы зарплаты. Доходы рабочих должны расти со скоростью, соответствующей поддержанию надежных соотношений цены, прибыли и зарплаты, а также увеличению производительности экономики», – говорил президент касательно рабочего вопроса в США.

Не мог Трумэн не коснуться и скандального и болезненного вопроса – Закона Тафта – Хартли: «Участие правительства в трудовых отношениях и вопросах управления бизнеса в настоящее время в значительной степени контролируется положениями Закона о трудовых и управленческих отношениях 1947 г. (то есть Закона Тафта – Хартли – Д.О.). Я четко изложил свою позицию в отношении этого Закона – своим вето в июне прошлого года. С тех пор не произошло ничего, что бы изменило мое мнение об этом Законе. Однако до тех пор, пока этот Закон в силе, я буду выполнять свой конституционный долг и исполнять этот Закон».

Коснулся президент и прошлой массовой волны забастовок: «Когда мы смотрим в будущее, мы можем понять исключительную важность *сдержанности и мудрости* при заключении

новых контрактов по управлению трудовыми ресурсами. Сбои в работе привели бы к потере для производства – потере, которая могла бы привести к росту цен для наших граждан, а также отказать в жизненной помощи бедствующим жителям других стран. Я искренне надеюсь, что представители труда и промышленности (то есть профсоюзы и бизнес – *Д.О.*) будут иметь в виду, что нация в целом жизненно заинтересована в успехе их переговоров».

Президент заявил, что у 1/5 американских семей средний годовой доход составляет менее 850 долл. А потому надо добиваться, чтобы «рост национального дохода стал более доступным для людей с низкими доходами, чьи потребности при этом наиболее велики»: «Бизнес, рабочая сила, сельское хозяйство и правительство, работая вместе, должны разработать такую политику, которая позволит реализовать все преимущества нашей экономической системы».

Пятой целью американской демократии и ее руководства Трумэн назвал «достижение мира во всем мире на основе принципов свободы и справедливости и равенства всех наций». Последний раздел послания был полностью посвящен внешней политике.

«Дважды в нашем поколении мировые войны учили нас, что мы не можем изолировать себя от остального мира, – говорил президент. – Мы узнали, что потеря свободы в любой части мира означает потерю свободы для нас самих – и что потеря независимости любой страной мира прямо ведет к угрозе Соединенным Штатам и всем свободным нациям.

Мы узнали, что здоровая мировая экономика необходима для мира во всем мире – что экономические проблемы – это болезнь, чьи зловещие последствия распространяются далеко за пределы одной страдающей от этого нации.

По этим причинам Соединенные Штаты активно следуют политике, направленной на достижение мирного и процветающего мира.

Мы оказываем и *будем оказывать всестороннюю поддержку Организации Объединенных Наций*. Хотя эта организация и столкнулась с непредвиденными и нежелательными трудностями, я уверен в ее окончательном успехе. Мы также направляем наши усилия на восстановление мировой экономики и возрождение мировой торговли. Эти меры тесно связаны и дополняют друг друга.

Мы считаем, что Соединенные Штаты могут быть *эффективной силой для обеспечения мира во всем мире*, только если они сильны. Мы с нетерпением ждем того дня, когда страны уменьшат свое вооружение. Однако до тех пор, пока сохраняется серьезное противодействие идеалам мира, мы должны поддерживать сильные вооруженные силы».

Трумэн, несмотря на весь свой негативизм по отношению к Конгрессу, похвалил его за принятие Закона о национальной безопасности. Кроме того, он привел в ярость прогрессистов Уоллеса, назвав продление в Америке всеобщей воинской повинности «еще более важным шагом для укрепления безопасности страны». Сохранение в США призыва в армию, по мнению президента, «должно стать основой для всех элементов безопасности страны».

Президент выступил в защиту экономической помощи Греции и Турции – «для сохранения ими целостности против давления извне»: «Если бы не наша помощь, их сегодняшняя ситуация вполне могла бы быть радикально иной. Сохранение территориальной целостности этих стран окажет мощное влияние на другие страны Ближнего Востока и Европы, которые пытаются сохранить свою независимость, ликвидируя ущерб, нанесенный им войной».

Отдельные слова сказаны были и про «периметр сдерживания коммунизма», те страны, в которых США вынуждены были разместить свои войска после войны: Германию, Австрию, Японию и Корею, – где по-прежнему требовалось проводить границы и развивать процесс внутреннего урегулирования. Президент заверил, что США будут и впредь прилагать все возможные усилия для достижения удовлетворительного процесса мирного урегулирования в каждой из этих стран.

Обратил внимание Трумэн и на многие тысячи перемещенных лиц (беженцев), которые все еще живут в зарубежных лагерях. Беженцам, по его мнению, должен быть разрешен въезд в

Соединенные Штаты. Президент вновь призвал Конгресс принять соответствующее законодательство, чтобы Америка «могла внести свой вклад в заботу о бездомных и страдающих беженцах всех вероисповеданий». «Я верю, что приглашение этих людей увеличит силу и энергию этого народа», – заявил он.

По его словам, «самые важные усилия, которые сейчас предпринимает Америка, это усилия по восстановлению мировой экономики», «восстановление мировой торговли, разрушенной войной, и исправление экономического паралича, охватившего многие страны».

«Чтобы восстановить мировую торговлю, мы недавно взяли на себя ведущую роль в обеспечении наибольшего снижения торговых тарифов, которое когда-либо видел мир. Расширение положений Закона о взаимных торговых соглашениях, которое сделало возможным такое достижение, имеет чрезвычайно важное значение. Мы также должны продолжать оказывать поддержку Всемирной торговой организации (ВТО), с помощью которой мы надеемся достичь всемирного соглашения о Кодексе справедливого поведения в международной торговле, – говорил президент. – Наши нынешние основные усилия по восстановлению экономики – это поддержка программы восстановления, разработанной для стран Европы. В своем недавнем послании Конгрессу я обрисовал причины, по которым Соединенным Штатам разумно и необходимо оказывать такую поддержку.

Я хочу подтвердить свою веру в обоснованность этого предложения. Когда европейская экономика укрепитя, ее промышленные товары будут полезны для многих других частей мира, находящихся в бедственном положении. Способность свободных людей преодолевать голод и отчаяние станет моральным стимулом для всего мира.

Мы намерены также сотрудничать с другими странами в деле восстановления мировой экономики. Мы продолжим наше сотрудничество со странами Западного полушария. Специальная программа помощи Китаю, направленная на обеспечение неотложной помощи и ускорение восстановления, будет представлена Конгрессу».

Президент еще раз подчеркнул, что, хотя ни одна нация сама по себе не сможет успешно реализовать эти программы экономического восстановления, поскольку они зависят от совместных и честных усилий всех стран-участниц, «все же руководство (этим процессом) неизбежно принадлежит США». Потому Трумэн посчитал крайне важным, чтобы Конгресс санкционировал дальнейшую реализацию «Плана Маршалла» – на период с 1 апреля 1948 г. по 30 июня 1952 г. с первоначальной суммой за первые 15 месяцев реализации в размере 6,8 млрд долл¹⁶⁰.

Заключительная часть послания все же не была посвящена внешней политике или международной экономике – она была посвящена главнейшей тогдашней проблеме в стране – инфляции, которая, по словам президента, подрывает уровень жизни миллионов семей: «Еда стоит слишком дорого. Цены на жилье достигли фантастического уровня. Школы и больницы испытывают финансовые трудности. Инфляция угрожает вызвать разногласия и раздоры между трудом и бизнесом. Хуже всего то, что инфляция несет угрозу новой депрессии, – так же, как и тогда, когда у нас была депрессия после нестабильного бума экономики сразу после Первой мировой войны».

Так, президент говорил: «Когда в октябре прошлого года я объявил о созыве Конгресса, я описал рост цен, который произошел с июня 1946 г. Оптовые цены выросли на 40 %; розничные цены выросли на 23 %. С октября (1947 г. – Д.О.) цены продолжают расти. Оптовые цены выросли на 18 % за год. Розничные цены выросли на 10 %».

Трумэн еще раз настоял на том, чтобы Конгресс поддержал его программу по борьбе с инфляцией, прописывающую жесткое ценовое регулирование и сбалансированный бюджет¹⁶¹. Обещал президент и значительное сокращение расходов при сохранении прежнего уровня налогов: «Государственные расходы были и должны оставаться на самом низком, безопасном уровне. Со дня победы над Японией федеральные расходы резко сократились. Они были сокра-

щены с более чем 63 млрд долл. в 1946 финансовом году до менее чем 38 млрд долл. в текущем финансовом году. Число госслужащих сократилось почти вдвое – с 3,5 млн до 2 миллионов. С другой стороны, доходы правительства не должны быть сокращены. До тех пор, пока не будет остановлена инфляция, не должно быть снижения налогов, которое не компенсируется налоговыми поступлениями».

Президент призвал скорректировать налоговую нагрузку в пользу... увеличения верхних ставок подоходного налога и увеличения налога на прибыль (корпоративного налога).

«Многие из наших семей сегодня испытывают трудности из-за высокой стоимости жизни. В то же время прибыль корпораций достигла рекордного уровня в 1947 г. Чистая прибыль корпораций составляет 17 млрд долл. по сравнению с 12,5 млрд долл. в 1946 г.

Из-за этого необычайно высокого уровня прибыли корпорации могут позволить себе нести большую долю налоговой нагрузки в это время.

В течение нынешнего периода, когда высокая стоимость жизни влияет на положение множества наших семей, необходимо внести налоговые коррективы, чтобы облегчить их бремя. На группу с низким доходом особенно сильно давят налоги. Для этой группы налоговая корректировка (снижение) приведет к экономии, которая может быть использована для приобретения предметов первой необходимости», – говорил президент.

Он рекомендовал уже с января наступившего года ввести налоговую льготу в 40 долл. для всех работающих граждан США, и еще 40 долл. льготы на каждого иждивенца в семье. Таким образом, подоходный налог среднего работающего американца (с женой и двумя детьми) был бы снижен на 160 долл. Эта налоговая скидка должна быть предоставлена, по предложению президента, всем налогоплательщикам страны, но особенно была бы полезна для лиц с низкими доходами.

По замыслу президента, такой налоговый вычет мог бы сократить федеральные доходы на 3,2 млрд долл. Но сокращение это должно быть компенсировано увеличением налога на прибыль корпораций – на ту же сумму...

Послание прозвучало сильно, не решив, впрочем, всех текущих проблем президента, однако, дав ясно понять, какие у него цели, и с какой программой он, вероятно, пойдет на выборы.

В начале года Уоллесу, чей рейтинг, согласно Gallup, не превышал в декабре 1947 г. и 7 %, нужно было думать о скором создании Прогрессивной партии. Основа для организации новой партии уже была готова – в виде движения «Прогрессивных граждан Америки» (РСА). Движение собралось 17 января на очередной съезд в Нью-Йорке. 600 делегатов РСА официально поддержали Генри Уоллеса в качестве кандидата в президенты и решили преобразоваться в партию. Главной проблемой текущей кампании они назвали вовсе не «Холодную войну», в сугубо внутренний вопрос – безудержную инфляцию. Задачей Уоллеса и РСА теперь стало заручиться как можно большей поддержкой профсоюзов, прежде всего КПП.

Кроме того, Уоллес хотел, чтобы его возможным напарником, то есть потенциальным кандидатом в вице-президенты непременно был действующий сенатор США. Уоллес думал, что сенатор добавит легитимности и популярности его нарождавшейся молодой Прогрессивной партии. Он обратился к сенатору от Флориды, демократу Клоду Пепперу, но тот отклонил просьбу. Тогда Уоллес обратился с просьбой стать его напарником к сенатору от Айдахо, гораздо более прогрессивному по взглядам демократу Глену Тейлору¹⁶², личности весьма колоритной. Получивший в Сенате известность как «Поющий ковбой», Тейлор, к слову, разделял озабоченность Уоллеса по поводу возможной кандидатуры Трумэна, но и в то же время беспокоился о своей собственной карьере. Будучи когда-то певцом в стиле кантри, Тейлор не сделал сколько-нибудь прибыльной карьеры, а потому рассчитывал оставаться в Сенате, а, может быть, и вернуться на сцену. Предложение же Уоллеса таило в себе определенные риски. В конце концов Тейлор все же принял предложение, обусловленное страхами по поводу роста

мировой напряженности и разрастания «Холодной войны». В феврале 1948 г. Уоллес официально объявил общественности, что сенатор Тейлор, полностью разделявший с ним его взгляды на внешнюю политику США, согласился стать его напарником.

Еще одним важным моментом, обозначившимся в самом начале года, была возможность появления на политической арене новых кандидатов. Точнее, одного конкретного кандидата. Как оказалось, еще с конца 1947 г. некая небольшая группа республиканских политиков, среди которых, к слову, были провалившийся на выборах в 1936 г. Альфред Лэндон и активист Рой Робертс, пыталась заручиться поддержкой «героя войны № 1», генерала Эйзенхауэра, ушедшего в отставку и жившего с конца войны в Нью-Йорке. По мнению группы Лэндона – Робертса, генерал должен был стать «идеальным кандидатом» для республиканцев, гарантирующим им победу в ноябре. Генерала стали засыпать письмами с просьбой о встрече. 23 января Эйзенхауэр пишет Леонарду Финдеру, издателю нью-гемпширской газеты «The Union Leader», обстоятельное письмо, где четко дает понять, что не собирается выдвигаться ни при каких обстоятельствах, и что «его решение – окончательное». Финдер должен был передать послание Робертсу и Лэндону. Больше с их стороны уговоров не будет, и с тех пор они всецело обращаются к Дьюи как потенциальному лидеру партии (по стране его рейтинг был в январе несколько выше, чем среди однопартийцев – 41 % против 33 %, притом, что Трумэн имел рейтинг 46 %, что и вызвало сомнения у группы Лэндона – Робертса относительно кандидатуры Тома Дьюи).

Губернатору следовало нарастить свою популярность, став более жестким критиком внешней политики президента, поскольку положение так называемого Свободного мира вновь осложнилось, по мнению американской прессы, и коммунисты перешли в наступление. Все внимание американской общественности было теперь приковано к Чехословакии, где еще работало к тому времени коалиционное правительство с участием некоммунистических сил, а президент Эдвард Бенеш¹⁶³ был довольно популярен в США, как и министр иностранных дел Чехословакии Ян Масарик¹⁶⁴. Весь февраль 1948 г. коммунисты в Чехословакии под руководством своего лидера, премьер-министра Климента Готвальда¹⁶⁵, наращивали давление на демократические партии – своих коллег в кабинете министров и на президента, требуя большей власти. 20–25 февраля коммунисты фактически блокировали работу правительства, создав в стране политический кризис. Одновременно с этим сильнейшее давление на Бенеша стал оказывать СССР, требуя, чтобы Чехословакия окончательно отказалась от попыток принять участие в «Плане Маршалла». Глава республики уступил давлению коммунистов и принял отставку министров демократических партий из кабинета. Было сформировано новое правительство – только из членов Компартии Чехословакии (КПЧС). Теперь у них были все рычаги для изменения конституции страны и установления однопартийного просоветского режима. (7 июня Бенеш подал в отставку, а президентом стал лидер КПЧС Готвальд).

События эти были названы в США государственным переворотом, а «потеря Чехословакии» очень больно ударила по рейтингу Трумэна – в феврале он рухнул до 39 %. К тому моменту серьезнейшей проблемой для президента внутри страны стал назревающий раскол среди демократов. Только теперь не слева – это уже произошло, когда Уоллес решил создавать прогрессивное движение, – а справа.

Десегрегация и новый раскол

Дело в том, что еще 2 февраля президент, выполняя обещание, приступил к политике десегрегации и направил Конгрессу Специальное послание по вопросу гражданских прав. В Послании президент представил Конгрессу свои конкретные рекомендации по законодательству, нацеленному на обеспечение в США широкого комплекса гражданских прав. Президент писал:

«Эта нация была основана мужчинами и женщинами, пришедшими на эти берега в поисках большей свободы и больших возможностей, чем те, что у них были раньше. Основатели Соединенных Штатов объявили всему миру об Американской вере. Вере в то, что все люди созданы равными, и что правительства созданы для обеспечения неотъемлемых прав, которыми наделены все люди. В Декларации независимости и Конституции Соединенных Штатов они красноречиво выразили стремление всего человечества к равенству и свободе.

Эти идеалы вдохновляли народы других стран, и их практическое воплощение сделало Соединенные Штаты надеждой угнетенных – повсюду в мире. На протяжении всей нашей истории мужчины и женщины всех рас и религий приезжали в эту страну, спасаясь от тирании и дискриминации. Миллионы людей, – они помогли построить эту демократическую нацию и постоянно укрепляли нашу преданность великим идеалам свободы и равенства. Вместе со своими предшественниками они помогли создать и укрепить нашу американскую веру – веру, о которой можно просто заявить:

Мы считаем, что все люди созданы равными, и что они имеют право на равное правосудие в соответствии с законом.

Мы считаем, что все люди имеют право на свободу мысли и мнений, и право на собственную веру.

Мы считаем, что все люди имеют право на равные возможности по обеспечению себя работой, жильем, право на здоровье и образование.

Мы считаем, что все люди должны иметь право голоса в своем государстве, и что государство должно защищать права людей, а не узурпировать их.

Это основные гражданские права, которые являются источником и опорой нашей демократии.

Сегодня американский народ наслаждается большей свободой и возможностями, чем когда-либо прежде. Никогда в нашей истории не было сильнее причины надеяться на полную реализацию идеалов свободы и равенства.

Однако мы не сможем окончательно достичь идеалов, ради которых была основана эта нация, – до тех пор, пока кто-либо из американцев страдает от дискриминации из-за его расы, религии, цвета кожи или места происхождения его предков.

К сожалению, до сих пор существуют примеры – вопиющие примеры – дискриминации, которые полностью противоречат нашим идеалам. Не все группы нашего населения свободны от страха перед насилием. Не все группы могут свободно жить и работать там, где им хочется, или сами могут улучшить свои условия жизни. Не все группы пользуются всеми привилегиями гражданства и участия в управлении государством, в котором живут.

Мы не можем быть удовлетворены, пока все наши люди не будут иметь *равные возможности по обеспечению себя работой, жильем, образованием, здравоохранением и свободой высказывать политическую позицию, и пока все наши люди не будут иметь равную защиту в соответствии с законом.*

Год назад я учредил Комитет из 15 выдающихся американцев и попросил их оценить состояние наших гражданских прав и рекомендовать соответствующие действия со стороны федеральных органов власти, органов власти штатов и на местах.

Оценка Комитетом данного вопроса выразилась в откровенном и показательном отчете. В этом отчете указывается, что о наших основных свободах заботятся лучше и защищают их бдительнее, чем когда-либо прежде. Но отчет также дает понять, что существует серьезный разрыв между нашими идеалами и некоторыми из наших практик. Этот пробел должен быть закрыт.

Для этого потребуются серьезные усилия каждого из нас лично, и мы будем действовать вместе через добровольные организации и наше правительство.

Защита гражданских прав начинается с взаимного уважения прав других людей, которое все мы должны демонстрировать в нашей повседневной жизни. Через организации в каждом сообществе – во всех частях страны – мы должны продолжать разрабатывать практические, рабочие механизмы для достижения бóльшей терпимости и братства.

Защита гражданских прав является обязанностью каждого правительства, которое получает свои полномочия от народа. Это в равной степени относится к местным органам власти, властям штатов и национальным органам власти. В настоящее время штаты могут и должны многое сделать для расширения защиты гражданских прав у себя. В тех случаях, когда правоприменительные меры штатов и местных органов власти недостаточны для выполнения этой основной функции власти, эти меры должны быть усилены и улучшены.

Федеральное правительство имеет четкую обязанность следить за тем, чтобы нигде в нашем Союзе конституционные гарантии индивидуальных свобод и равной защиты в соответствии с законами не отрицались и не ущемлялись. Эта обязанность разделена между всеми тремя ветвями власти, но она может быть выполнена только в том случае, если Конгресс примет современные всеобъемлющие законы о гражданских правах, соответствующие потребностям сегодняшнего дня, и продемонстрирует нашу неизменную веру в свободный образ жизни.

Поэтому я рекомендую Конгрессу принять в эту сессию законодательство, направленное на достижение следующих конкретных целей:

1. Создание постоянной Комиссии по гражданским правам, объединенного Комитета Конгресса по гражданским правам и Отдела по гражданским правам при Департаменте юстиции.
2. Укрепление существующих законов о гражданских правах.
3. Обеспечение федеральной защиты от линчевания¹⁶⁶.
4. Более адекватную защиту права голоса.
5. Создание Комиссии по занятости для предотвращения несправедливой дискриминации в сфере занятости.
6. Запрет дискриминации на транспортных маршрутах между штатами.
7. Обеспечение самоуправления и избирательного права на президентских выборах для жителей округа Колумбия.
8. Обеспечение статуса штатов на Гавайях и Аляске и усиление самоуправления для наших островных владений.
9. Увеличение возможностей для жителей США стать натурализованными гражданами.
10. Урегулирование вопроса возвращения на родину американцев японского происхождения.

Относительно укрепления правительства. В первую очередь мы должны укрепить федеральное правительство, чтобы более адекватно обеспечивать соблюдение законодательства о гражданских правах и следить за состоянием наших традиционных свобод.

Я рекомендую Конгрессу создать постоянную Комиссию по гражданским правам, подотчетную президенту. Комиссия должна постоянно пересматривать нашу политику и практику в области гражданских прав, изучать конкретные проблемы и регулярно давать рекомендации президенту. Комиссия должна работать с другими федеральными правительственными агентствами, с властями штатов и местными органами власти, а также с частными организациями.

Я также предлагаю, чтобы Конгресс учредил в своей структуре объединенный Комитет по гражданским правам. Этот Комитет должен постоянно изучать законодательные вопросы касательно гражданских прав, и должен рассмотреть способы улучшения соблюдения этих прав.

Эти два органа (Комиссия при президенте и Комитет Конгресса – *Д.О.*) должны постоянно информировать всех нас о состоянии гражданских прав в Соединенных Штатах и держать нас в курсе возможностей для улучшения их защиты.

Для обеспечения лучшего соблюдения федеральных законов о гражданских правах в Департаменте юстиции будет создан Отдел по гражданским правам. Я рекомендую Конгрессу назначить дополнительного помощника генерального прокурора для надзора за этим отделом.

Относительно укрепления существующих законов о гражданских правах. Я рекомендую Конгрессу изменить и усилить существующие положения федерального закона, которые гарантируют право голоса и право на личную безопасность и безопасность имущества. Эти положения являются основой нашей нынешней программы по защите прав человека.

Раздел 51 Раздела 18 Кодекса Соединенных Штатов, который в настоящее время предоставляет гражданам страны защиту при пользовании правами, закрепленными в Конституции или федеральных законах, необходимо усилить в двух отношениях. В своем нынешнем виде этот Раздел защищает людей только в том случае, если они уже являются гражданами, и обеспечивает защиту только при случае угрозы гражданам со стороны 2-х или более лиц. Эта защита должна быть распространена на всех жителей Соединенных Штатов, независимо от того, являются ли они гражданами, и должна быть предоставлена против посягательств со стороны любых лиц, – действующих как индивидуально, так и в рамках стовора.

Раздел 52 Раздела 18 Кодекса Соединенных Штатов, который в настоящее время обеспечивает защиту прав госслужащих, – прав, гарантированных им на федеральном уровне, – в некоторых случаях оказался неадекватным из-за размытых формулировок. Необходимо доработать и уточнить перечень основных прав, защищаемых в соответствии с этим Разделом.

Относительно федеральной защиты от линчевания. Необходима конкретная федеральная мера для борьбы с преступлением линчевания, характеризуя которое я не могу (в этом послании) прибегать к слишком сильным выражениям. Принцип нашей демократии, прописанный в нашей Конституции, заключается в том, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления против закона, должен проходить справедливое и организованное разбирательство – в беспристрастном суде. Мы достигли большого прогресса в этом направлении, но я с сожалением констатирую, что линчевание (самосуд) еще не исчезло с нашей земли. Пока хотя бы один человек еще живет в страхе перед линчеванием, мы не сможем добиться равного правосудия в соответствии с законом. Я призываю Конгресс принять решительные меры против этого преступления.

Относительно защиты права голоса. В соответствии с Конституцией, право всех граждан, обладающих соответствующей квалификацией, голосовать не подлежит сомнению. Однако осуществлению этого права все еще препятствуют. Некоторым лицам мешают голосовать, – в отдельных случаях запугивая их. Некоторым группам людей мешает устаревшая политика, преобладающая в определенных штатах или общинах.

Нам нужна более сильная законодательная защита права голоса. Я настоятельно призываю Конгресс принять законодательство, запрещающее вмешательство госслужащих или частных лиц в право квалифицированных для голосования граждан участвовать в первичных, специальных и всеобщих выборах, на которых должны быть избраны федеральные должностные лица. Это законодательство должно распространяться на выборы в штатах, а также на выборы федеральных должностных лиц, поскольку вмешательство в право голоса является результатом дискриминационных действий со стороны госслужащих по признаку расы, цвета кожи или другому неуместному требованию.

Налоговый ценз для участия в голосовании также влияет на избирательное право. Целых 7 штатов своими конституциями устанавливают такой барьер между своими гражданами и урной для голосования. Американский народ приветствовал бы добровольные действия со стороны этих штатов по устранению этого барьера. Тем не менее, я считаю, что Конгресс должен принять меры, гарантирующие, что право голосовать на федеральных выборах не будет зависеть от уплаты налогов.

Я хочу пояснить, что принятие рекомендованных мною мер ни в коем случае не приведет к федеральному управлению процессом голосования. Меры призваны предоставить квалифицированным для голосования гражданам федеральную защиту их права голоса. Фактическое проведение выборов, как всегда, останется в ведении властей штатов.

Относительно Комиссии занятости. Мы в Соединенных Штатах считаем, что все люди имеют право на равенство возможностей. Расовая, религиозная и другие оскорбительные формы дискриминации лишают человека равных шансов развивать и использовать свои таланты и пользоваться плодами своего труда.

Я еще раз повторяю свою просьбу о том, чтобы Конгресс принял закон о добросовестной занятости, запрещающий дискриминацию в сфере труда по признаку расы, цвета кожи, религии или национального происхождения. Конгресс должен создать Комиссию по добросовестной занятости, уполномоченную предотвращать дискриминацию со стороны работодателей и профсоюзов, торговых и профессиональных ассоциаций, а также государственных учреждений и Бюро занятости. Степень эффективности, достигнутая Комитетом по практике обеспечения справедливой занятости в военное время, показывает, что можно значительно выровнять возможности для трудоустройства при помощи действий правительства и, таким образом, устранить влияние предрассудков в сфере занятости.

Относительно транспорта на маршрутах между штатами. Торговые связи между штатами должны быть доступны для всех американцев на основе полного равенства. Верховный суд недавно объявил неконституционными законы штатов, предусматривающие сегрегацию на маршрутах между штатами. Но и правила какой-либо компании не должны заменять собой эти неконституционные законы штатов. Я настоятельно призываю Конгресс запретить дискриминацию и сегрегацию на маршрутах между штатами, – как на транспорте штатов, так и частном.

Относительно округа Колумбия. Я полностью согласен с принципом местного самоуправления для жителей округа Колумбия. Кроме того, я считаю, что в Конституцию необходимо внести поправки, чтобы распространить право голосования на президентских выборах и на жителей этого округа.

Округ Колумбия должен быть настоящим символом американской свободы и демократии для нашего народа и для народов мира. Я искренне надеюсь, что Конгресс незамедлительно предоставит гражданам округа Колумбия собственное местное выборное самоуправление. Затем граждане округа сами смогут справиться с неравенством, связанным с сегрегацией в школах и других общественных учреждениях, а также с расовыми барьерами в общинах, которые в настоящее время существуют по отношению к трети населения округа.

Существующее неравенство в основных услугах является в первую очередь проблемой для самого округа, но оно также вызывает серьезную обеспокоенность всей нации. Если в ближайшее время местные меры по исправлению положения не будут приняты, Конгресс должен принять отдельный закон о гражданских правах для столицы страны.

Относительно заморских территорий и владений. Нынешний политический статус наших заморских территорий и владений препятствует осуществлению гражданских прав их жителями. В прошлом я рекомендовал законодательство, предоставляющее статус штатов Аляске и Гавайям, и органические законы для Гуама и Американского Самоа, включая предоставление гражданства коренным жителям этих тихоокеанских островов. Я повторяю эти рекомендации.

Кроме того, жители Виргинских островов должны получить еще бóльшую степень самоуправления, а народ о. Пуэрто-Рико должен иметь возможность выбирать свою форму правления и определить свой окончательный статус в отношении Соединенных Штатов.

Всем законным резидентам (жителям без гражданства – *Д.О.*) Соединенных Штатов должно быть разрешено становиться гражданами – независимо от расы, цвета кожи, рели-

гии или национального происхождения. Конгресс недавно убрал препятствия, которые ранее не позволяли уроженцам Китая, Индии и Филиппин стать натурализованными гражданами США. Я настоятельно призываю Конгресс устранить остающиеся расовые или национальные барьеры, которые мешают получению гражданства некоторым жителям нашей страны.

Во время последней войны более 100 тыс. американцев японского происхождения были изгнаны из своих домов в штатах тихоокеанского побережья¹⁶⁷ исключительно по причине их расового происхождения. Многие из этих людей потеряли имущество и бизнес в результате интернирования, и не по своей вине. Конгресс имеет в своем распоряжении законодательство, устанавливающее порядок, с помощью которого претензии по поводу этих потерь, могут быть быстро рассмотрены и удовлетворены. Я верю, что в ближайшее время будут приняты благоприятные меры по этому законодательству.

Законодательство, которое я рекомендовал принять Конгрессу в его нынешнюю сессию, является программой-минимумом, – если федеральное правительство обязуется исполнить свое обещание по обеспечению конституционных гарантий индивидуальных свобод и равной защиты по закону.

В соответствии с действующим законодательством, исполнительная власть принимает все возможные меры для улучшения соблюдения законов о гражданских правах и ликвидации дискриминации в сфере занятости на федеральных должностях, в предоставлении федеральных услуг и пособий, а также в вооруженных силах.

Я уже упоминал о создании Отдела гражданских прав Департамента юстиции. Федеральное бюро расследований будет тесно сотрудничать с этим новым Отделом в расследовании федеральных дел, касающихся нарушений гражданских прав. Агенты Бюро проходят специальную подготовку, с тем чтобы они могли оказывать более эффективные услуги в этой сложной области правоохранительной деятельности.

В соответствии с установленной политикой правительства Соединенных Штатов, не должно быть никакой дискриминации в сфере занятости на федеральном уровне или в предоставлении федеральных услуг и пособий. В последние годы был достигнут устойчивый прогресс в достижении этой цели. В скором времени я издам указ, содержащий подробное изложение федеральной политики по интеграции вместе с соответствующими мерами по обеспечению этой политики.

В ходе недавней войны и за годы, прошедшие с момента ее завершения, мы добились значительного прогресса в достижении равенства в наших вооруженных силах, – независимо от расы, цвета кожи, религии или национального происхождения. Я поручил секретарю обороны принять меры для скорейшего устранения оставшихся случаев дискриминации в вооруженных силах. Кадровая политика и практика всех служб в этом отношении будут согласованы.

Я поручил секретарю по делам армии провести расследование положения по соблюдению гражданских прав в зоне Панамского канала с целью ликвидации такой дискриминации, которая может существовать там. Если потребуется законодательство, я сделаю соответствующие рекомендации Конгрессу.

Роль Соединенных Штатов в современном мире требует, чтобы мы как можно скорее приняли эти меры, чтобы обеспечить всем нашим людям их основные права.

Народы мира сталкиваются перед выбором – свобода или рабство, выбором между формой правления, которая использует государство для служения личности, и формой правления, которая связывает индивида с потребностями государства.

Мы в Соединенных Штатах работаем в компании с другими странами, которые разделяют наше стремление к прочному миру во всем мире и которые верят, как и мы, в то, что, прежде всего, люди должны быть свободными. Мы стремимся построить всемирную семью наций – мир, в котором люди могут жить под властью ими выбранных правительств, и по своим законам.

В рамках этих усилий Комиссия по правам человека при Организации Объединенных Наций в настоящее время занимается подготовкой международного Билля о правах человека, с помощью которого страны мира могут объединиться в диалоге, согласно международному Пакту об осуществлении основных прав человека и свобод. *Мы играем ведущую роль в этом процессе по созданию мирового правопорядка и справедливости*, – полностью защищающих право и достоинство личности.

Чтобы быть эффективными в таких усилиях, мы должны защищать и свои гражданские права, чтобы, предоставляя всем нашим людям максимальное право на личную свободу и равные возможности, мы были более сильной нацией – сильнее в управлении страной, сильнее в отстаивании нашей моральной позиции, сильнее в достижении общей удовлетворенности населения.

Мы знаем, что наша демократия не идеальна. Но мы знаем, что она предлагает нашему народу жизнь более свободную и счастливую, чем жизнь какого-либо народа при тоталитарном строе.

Если мы хотим вдохновить народы мира, чья свобода находится под угрозой, если мы хотим вернуть надежду тем, кто уже утратил свои гражданские свободы, если мы хотим выполнить наше предназначение, мы должны исправить оставшиеся недостатки в нашей демократии.

Мы знаем, куда идти. Нам нужна только воля»¹⁶⁸.

Надо сказать, что ничего подобного Америка не знала со времен Реконструкции. Заявка президента на то, чтобы всерьез продолжить дело Линкольна, была встречена в целом по стране весьма положительно. Вот только многочисленные демократы-южане были в ярости, тем более, что президент, говоря в Послании о праве голоса, указал на препятствия, чинимые при соблюдении этого права «в определенных штатах», конечно же, имея в виду Юг. Уже 6 февраля в Вакулла-Спрингс, во Флориде, прошла конференция губернаторов Юга. Приехали не только руководители штатов Глубокого Юга, где были наиболее сильны антитрумэновские настроения, но всего Большого Юга. Будучи сплошь демократами, почти все они были настроены крайне скептически относительно кандидатуры президента Трумэна на предстоящих выборах. Региональная база такого потенциально оппозиционного движения была весьма внушительна. И ход политических мыслей губернаторов-южан был вполне понятен – их категорически не устраивала десегрегационная то есть полностью *интеграционная* повестка президента и его сотрудничество с НААСР. В своей массе эти южные лидеры так и остались настоящими «диксикратами»¹⁶⁹ времен Гражданской войны, крайне консервативными в области социально-культурной политики и придерживающимися крайне автономических взглядов на дела их штатов.

Следует напомнить, что регион Большого Юга (The Solid South) включает в себя по традиции не только непосредственно южные (бывшие рабовладельческие) штаты: Вирджинию, Кентукки, Теннесси, Арканзас, Северную и Южную Каролины, Луизиану, Миссисипи, Алабаму и Джорджию, также Флориду и Техас¹⁷⁰. Кроме того, в регион Большого Юга иногда включают Западную Вирджинию и Оклахому (оба – из Центрального региона) и Восточные штаты – Делавэр и Мэриленд. Ядро бывшей Конфедерации называют со времен после Гражданской войны – Глубоким Югом (The Deep South), и этот суб-регион образуют лишь 5 штатов: Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия и Южная Каролина. Там со времен Реконструкции, отменившей рабство, сохранялась наиболее сильная расовая сегрегация, официально прописанная в местных законах. В сумме штаты Большого Юга имели тогда 147 голосов выборщиков и в основном склонялись к Демократической партии, а потому представляли из себя огромной важности силу на внутривнутриполитическом поле США. Для Белого дома в самой преддверии выборов потерять поддержку всего этого региона было совершенно немыслимо и недопустимо.

И теперь Глубокий Юг задавал тон всему антитрумэновскому движению в Демократической партии. Так, губернатор Миссисипи, демократ Филдинг Райт, словно подражая Уоллесу, также предложил создать новую третью партию, отдельную от Демократической. Эта партия в свою очередь должна была, по мысли Райта, «защитить расовую сегрегацию на Юге» от поползновений президента с его пакетом законопроектов по гражданским правам. Возникла реальная угроза потери позиций президента в штатах Юга. А также появилась перспектива появления нового кандидата в президенты – фаворита южан на конференции в Вакулла-Спрингс, губернатора Южной Каролины Строма Тёрмонда¹⁷¹. Впрочем, пока «диксикраты» решили не спешить, и Тёрмонд не объявил о выдвижении. Южане явно выжидали, стремясь увидеть законодательные инициативы Трумэна во всей их силе и оценить то, как на политику интеграции отреагируют американцы, – и не только на Юге.

Февраль 1948 года: Трумэн – кандидат?

Президент же сдаваться не собирался. Он обрушился на критиков изложенной в февральском Послании Конгрессу программы, назвав их «реакционерами» в своем выступлении на торжественном «Ужине Джефферсона – Джексона», традиционном благотворительном мероприятии в честь Демократической партии. Трумэн выступил в речью 19 февраля в отеле «Mayflower» в Вашингтоне. В этой речи по случаю 100-летия Национального комитета Демократической партии президент подчеркнул особую роль партии в текущей американской политике, и ее особую ответственность. При этом президент явно хотел выглядеть большим либералом и даже прогрессистом, чем сам Уоллес, пытаясь удержать и предостеречь партию от раскола слева – отделению ее прогрессивного крыла.

Президент начал с того, что особо выделил роль основателей Демократической партии, президентов Томаса Джефферсона и Эндрю Джексона, прежде всего, как либералов – политиков, которые «наделили Соединенные Штаты либеральной философией и традициями, но в то же время бывших практичными людьми, способными перевести либеральную философию в закон и политический факт». Саму Демократическую партию Трумэн обозначил как «*партию прогрессивного либерализма*, партию, продолжающую традиции Джефферсона и Джексона, партию, которая 4 раза подряд получила мандат народа», имея в виду президентство Франклина Рузвельта.

«В этом году его (ФДР – Д.О.) мандат может быть снова продлен по воле народа. Это год испытаний. Я предлагаю, чтобы мы прямо встретили этот вызов, – призвал президент. – Люди снова решат (на выборах), хотят ли они, чтобы силы *позитивного, прогрессивного либерализма* продолжали работу, или же в эти трудные времена они хотят доверить свое правительство тем силам консерватизма, которые верят в *пользу немногих за счет многих*.

Это выбор, который американцы неизменно должны были делать с самых ранних лет существования республики: выбор между политикой, известной как *прогрессивный либерализм*, и политикой, обозначенной как *реакционный консерватизм*. Поскольку это правда, очень важно знать, что американцы нашли в каждой из этих установок».

Устроив довольно обширный экскурс в историю происхождения Демократической партии, президент подчеркнул, что она продолжает наследие Томаса Джефферсона¹⁷², который считал, что правительство «не должно контролироваться богатыми и привилегированными, а должно быть из народа и для народа, и что истинный *демократический прогресс* может быть достигнут только путем расширения политических, экономических и религиозных свобод и расширения образования». И партия сторонников Джефферсона¹⁷³ стала партией «прогрессивного либерализма, которая продолжила существовать в американской политической жизни вплоть до наших дней», став Демократической партией, заявил Трумэн. Последователи же ярого противника Джефферсона, первого секретаря казначейства США Александра Гамиль-

тона, по мнению президента, также объединились в политическую партию, – «партию консерватизма, партию власти немногих привилегированных», то есть Республиканскую партию...

Ее политику он прямо охарактеризовал как политику «реакционного консерватизма», которая, конечно, и может быть «завернута в обертку ярких цветов и приукрашена блестящей мишурой», но когда «вы ее открываете, вы всегда находите партийную идеологию в пользу немногих привилегированных, но внутри политики прогрессивного либерализма вы всегда найдете правительство на благо всех людей – истинное демократическое правительство».

Вторую же социальную и экономическую революцию в Америке после появления «джефферсоновского либерализма» совершил генерал Эндрю Джексон¹⁷⁴, с которого и берет свою историю теперешняя Демократическая партия США. Как подчеркнул президент, проблемы, с которыми столкнулся Джексон еще в 1830-х гг., поразительно мало изменились к 1930-м гг., когда у руля встал «один из величайших американцев всех времен – Франклин Д. Рузвельт». Одной из таких великих национальных проблем было чрезмерное влияние концентрированного богатства на жизнь в стране. С ним боролись в свое время и Джефферсон, и Джексон, и Вудро Вильсон¹⁷⁵, а Франклин Рузвельт продолжил борьбу и сумел «вернуть столицу страны с Уолл-стрит обратно в Вашингтон».

Обозначенные в его январском Послании Конгрессу задачи будущего правительства Трумэн называл задачами и Демократической партии в целом. Туда относилось и правильное использование ресурсов страны на благо всех, и решение проблем фермеров, и «борьба с силами эгоистичного богатства и особых привилегий». Главнейшей задачей партии президент назвал отстаивание идеи «народного правительства, обязанного защищать и продвигать интересы не только немногих привилегированных, но и всех групп и отдельных лиц нации». «Демократическая партия, как и всегда, верит сегодня в то, что правительственная политика необходима не только для того, чтобы защитить людей от концентрации богатства и власти в одних руках, но и для того, чтобы не дать этим сконцентрированным богатствам и власти уничтожить себя и всю нацию», – говорил президент.

Республиканцев он обвинил в «безрассудном стремлении к немедленной прибыли» и поощрении такой экономической политики после Первой мировой войны в 1920-е гг., которая извлекала «слишком много прибыли – но допускала слишком малые зарплаты, так что вся система рухнула в 1929 г.».

Критиков своего Послания из «реакционных кругов» президент охарактеризовал как «отсталых людей, которые со страхом и недоверием смотрят в будущее». Их, по словам президента, не смогли переубедить даже достижения эпохи Рузвельта. «Когда я говорю – как в моем недавнем Послании – что мы можем выбирать между опасно высокими ценами на фермерскую продукцию и ужасно низкими ценами на фермерскую продукцию; когда я говорю, что мы можем сохранить плодородие наших угодий путем бережного отношения к почвам; когда я говорю, что мы можем принести электричество и сельхозмашины на каждую ферму; когда я говорю, что мы можем увеличить производство сельскохозяйственной продукции на 10 % в течение следующих 10 лет; когда я говорю, что хорошая зарплата и общее благосостояние обеспечат спрос на этот возросший объем продукции фермерского хозяйства – когда я говорю это сейчас, мы слышим от известных кругов: «Это невозможно сделать»», – заявил президент.

Все будущие достижения, по его словам, могут и должны быть обеспечены под руководством *партии прогрессивного либерализма* – то есть Демократической партии.

Трумэн призвал увеличить на 75 % минимальную зарплату, создать 64 млн новых рабочих мест в течение следующих 10 лет, поднять уровень жизни еще на 27 % за это время. Также призвал президент активно бороться с инфляцией и победить ее.

«Робкие люди говорят, что это невозможно, – говорил Трумэн. – Я же говорю, что это возможно, и мы, – те, кто верит в будущее, – должны еще укрепиться в вере в то, что это будет

сделано. В нашей американской системе политическая партия – это такая организация, вокруг которой мужчины и женщины сплываются вокруг дела, в которое они верят».

Завершил же президент свою речь весьма примечательно, обратившись ко всем либералам фактически с призывом воздержаться от раскола и поддержать демократов, как это было и ранее:

«Прогрессивные либералы объединятся с Демократической партией, даже если они не являются ее членами, потому что они знают, что Демократическая партия – лучшая боевая сила для триумфального достижения достойных целей.

Демократическая партия на протяжении всей своей истории служила объединяющим фактором, потому что она оставалась верной своей вере и потому, что ее программы соответствовали чаяниям американского народа.

10-летняя программа процветания для Америки, которую я изложил в Послании, основана на нашей вере в способность американского народа смело планировать свое будущее и неуклонно продвигаться к своим целям.

Если кто-то решит дать название этой политике, то это политика Джефферсона и Джексона, Вудро Вильсона и Рузвельта – и я буду этому рад»¹⁷⁶.

Речь президента транслировалась на всю страну по радио и смело может быть названа его первой полноценной предвыборной речью в той кампании (притом, что официально Трумэн кандидатом еще не был!). Ряд Южных штатов демонстративно отказались транслировать речь из-за программы президента в области защиты гражданских прав.

Март – апрель 1948 года: первые праймериз

9 марта в США, наконец, формально начались президентские выборы, поскольку стартовал сезон предварительных выборов, праймериз – по традиции, в Нью-Гемпшире, и одновременно у обеих партий. Местные демократы из 14 штатов в тот год решили проводить у себя праймериз. Республиканские организации лишь 12 штатов заявили праймериз у себя. Все они не были тогда обязательными, и большинство местных делегатов даже после формально состоявшихся у них праймериз не имели обязанности голосовать за того или иного кандидата – все решалось на съездах партий, как и встарь.

Тем не менее, многие кандидаты подавали документы для участия в праймериз в тех или иных штатах, сдавая нужное число подписей или внося залог. Кое-где в бюллетенях появлялись «вписанные» кандидаты, которых включили в список для голосования их местные сторонники, хотя самих кандидатов официально ни в штате, ни даже на всеобщих выборах не было (подобный феномен наблюдается в ряде штатов и сегодня).

Так или иначе, в качестве кандидата именно в Нью-Гемпшире у демократов заявился только один Трумэн. Впрочем, парторганизации обоих штатов решили отсрочить решение о поддержке кандидатов до съездов и не распределили своих делегатов. На демократических праймериз в Нью-Гемпшире проголосовало 4,4 тыс. человек, и 12 делегатов штата никому не достались (в бюллетени там был только президент)¹⁷⁷.

2 апреля Конгресс одобрил, как того и желал президент, Европейскую программу восстановления (ЕПВ), более известную как «План Маршалла»¹⁷⁸. Республиканская партия, всецело поддержав программу, теперь стала позиционировать себя как интервенционистская сила. Рейтинг Дьюи, между тем, к апрелю просел – за март он снизился, согласно Gallup, с 37 до 34 %, тогда как генерал Макартур, наоборот, набрал популярности, выйдя на 2-е место – его рейтинг вырос с 12 до 19 %; Стассен остался с 15 %; Ванденберг – 13 %; Тафт – 12 %, и рейтинг Уоррена упал с 6 до 3 %.

И снова «фактор Эйзенхауэра»!

Как ни странно, особого повода для радости у Белого дома одобрение «Плана Маршалла» Конгрессом не вызвало, поскольку теперь демократам приходилось конкурировать с республиканцами на том же поле, только запутывая тем избирателей. 3 апреля на сцену вновь выходит ведущая проправительственная либеральная организация страны, ADA, и... «герой войны № 1». Слабость позиций президента выразилась в подобной ситуации в том, что «Американцы за демократические действия» не дали Трумэну *официального одобрения* его возможной кандидатуры (endorsement), а объявили о своем решении поддержать выдвижение от Демократической партии генерала Дуайта Эйзенхауэра – происходил тот сценарий, которого и опасался президент, и о котором спрашивал самого генерала еще летом 1945 г. в Германии. Кандидатуру генерала лоббировали активист ADA Адольф Берл и сын покойного президента Рузвельта Франклин Рузвельт-младший (с ними же был и его старший брат Джеймс Рузвельт, конгрессмен от Калифорнии). Они выразили стойкую уверенность в том, что Эйзенхауэр все же примет кандидатуру¹⁷⁹. Вторым «предпочтительным» кандидатом в ADA навали либерального судью Верховного суда Уильяма Дугласа, любимчика покойного ФДР.

Белый дом узнал о «раскольнических» планах ADA и был очень встревожен. Начались нервные консультации. Но поскольку и Эйзенхауэр, и Дуглас баллотироваться никак не желали, ADA могла использовать их как способ шантажа, нажима на президента для того, чтобы заставить его в свою очередь поддержать некие программные установки ADA. Так, к примеру, Трумэна удалось еще раз подтолкнуть влево по таким вопросам, как гражданские права – президент дал лидерам организации крепкое обещание идти курсом на уничтожение расовой сегрегации в стране. Взамен президент потребовал от ADA поддержки своей кандидатуры и осуждения «бунтаря» Уоллеса.

«Сделка» состоялась, а ADA перешла к полномасштабной атаке на лидера прогрессистов. Прежде всего, из-за его неприятия «Плана Маршалла» и поддержки курса на умиротворение Советского Союза. В печатных органах ADA Уоллес и его сторонники прогрессисты стали изображаться как «люди, оболваненные коммунистической пропагандой»...

6 апреля на демократических праймериз в Висконсине Трумэн получил 83,8 % голосов (за него проголосовали 25,4 тыс. человек). 16,2 % голосов (4,9 тыс.) распределились между «вписанными» кандидатами – местными политиками, даже не участвующими в тех выборах.

У республиканцев же в Висконсине в тот день произошла сенсация – в бюллетенях там было всего три кандидата, и Дьюи не одержал там победу. Совершенно неожиданно победу одержал либерал Стассен, получивший 39,4 % (более 64 тыс. голосов), с небольшим отрывом от него шел генерал Макартур, пребывавший в Японии и не участвовавший в выборах, – 34 % (55,3 тыс.). Дьюи лишился своего лидерского статуса с 25,2 % (40,9 тыс.). Тогда же Gallup впервые с начала кампании вывел именно Стассена на первое место по популярности среди республиканцев – 31 %, тогда как у Дьюи было уже всего 29 %. Далее шли Макартур – 16 %, Ванденберг – 10 %, Тафт – 9 % и Уоррен – 2 %.

Праймериз набирали ход. 13 апреля в Иллинойсе Трумэн получил 81,7 % (16,2 тыс. голосов), а на втором месте оказался «вписанный» своими сторонниками-демократами генерал Эйзенхауэр. Даже не будучи кандидатом, и не находясь в штате, Эйзенхауэр (с июня 1947 г. он был президентом Колумбийского университета в Нью-Йорке), сумел набрать 8,6 % (1,7 тыс. голосов). «Любимчик» парторганизации штата, сенатор Скотт Лукас, получил только 2,1 % или 427 голосов. В тот же день демократы Небраски почти единогласно поддержали президента, отдав ему 67,6 тыс. голосов (98,7 %).

Основные же кандидаты республиканцев в Иллинойсе даже не появлялись – местная парторганизация дала предпочтение своему «любимчику», бизнесмену Райли Элвину Бендеру,

получившему почти 97 % всех голосов (324 тыс.) при весьма высокой явке по штату. На втором месте оказался «вписанный» Макартур – 2 % (6,6 тыс.), Стассен и Дьюи в сумме получили лишь 0,8 % (ок. 2,4 тыс. голосов). В Небраске же вышел настоящий бой – Стассен так же неожиданно вырвал победу, получив 43,5 % или почти 81 тыс. голосов; Дьюи оказался лишь вторым с 34,5 % (64,2 тыс. голосов). Тафт финишировал третьим – 11,6 % (21,6 тыс.). Сенатор Ванденберг получил 5,2 % (9,5 тыс.), а Макартур – 3,7 % (6,8 тыс.).

20 апреля на демократических праймериз в Нью-Джерси Трумэну впервые пришлось столкнуться с Генри Уоллесом, и президент более чем уверенно победил, набрав 92,5 % (1,1 тыс. голосов). Уоллес, впервые в этом избирательном цикле будучи представленным в бюллетени демократических праймериз (его сторонники «вписали» его имя в список), получил только 7,3 % (87 голосов).

В Нью-Джерси у Дьюи поддержка среди местных республиканцев уже была солидная, и результаты праймериз это подтвердили – губернатор впервые с начала кампании победил, набрав 41,4 % или 3,7 тыс. голосов. Борьба со Стассеном, однако, становилась все более напряженной – фаворит либералов набрал в штате 34,8 % (3,1 тыс. голосов). Генерал Макартур шел следом с большим отрывом – 8 % (718 голосов). К слову, «вписанным» кандидатом в этом штате у республиканцев оказался и генерал Эйзенхауэр, получивший в Нью-Джерси 3,2 % или 288 голосов...

27 апреля Трумэн был единственным кандидатом в Массачусетсе, и местные демократы выразили ему поддержку, но неофициально, решив отложить решение до съезда (то же сделали и республиканцы штата, хотя их делегаты и предпочли бы поддержать своего собственного «любимчика», сенатора Леверетта Солтонстолла). И в Пенсильвании в тот же день президент взял почти все голоса при просто гигантской явке местных жителей на участки – 96 % или 328,8 тыс. голосов. Примечательно, что в бюллетени там были «вписаны» сразу 4 других кандидата: помимо Уоллеса (1,3 %), идущего от своей партии самостоятельно, кандидатами оказались генералы Эйзенхауэр (1,3 %) и Макартур (0,4 %), которого даже не было в тот момент в стране (он возглавлял войска США на Дальнем Востоке со штаб-квартирой в Токио), а также почему-то республиканец Стассен (0,4 %).

Республиканцы же Пенсильвании настроились на серьезную конкурентную борьбу. В бюллетени штата было больше дюжины кандидатов. Среди «вписанных» там были генерал Эйзенхауэр, прогрессист Уоллес и даже сам президент Трумэн, но вся борьба развернулась между Стассеном и Дьюи. Победа Стассена делала его уверенным лидером гонки среди республиканцев, что и произошло, – после того, как большинство пришедших на участки жителей этого либерального штата поддержали губернатора Миннесоты. Стассен одержал-таки победу с 31,5 % или 81,2 тыс. голосов, хотя сам был «вписанным» кандидатом. Также «вписанный» Дьюи набрал 29,8 % (77 тыс. голосов), а выбор местной парторганизации, «любимчик» штата, сенатор от Пенсильвании Эд Мартин, оказался только третьим – 17,5 % (45 тыс.). Макартур получил 7,1 % (18,2 тыс.), Тафт – 5,9 % (15,1 тыс.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.